ОБГОНЯЯ ВРЕМЯ

К65.632
О-13
К-35067

ЕВТИХИЙ АНДРЕЕВ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

ациональная библиотека ЧР
k-035067

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ

обозначенного здесь срока

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
БЕСПЛАТНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

К
К65.632
О-13

ОБГОНЯЯ ВРЕМЯ

ЕВТИХИЙ АНДРЕЕВ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

КР

ЧЕБОКСАРЫ — 2002

65.9(2Рос.Чув)321.8

УДК 821.161.1
ББК 84 (2 Рос=Рус)-4
И 21

К65.632.18

Составитель,
литературная правка, редактирование,
подписи под снимками

ИВАНОВА Валентина Андреевна,
заслуженный работник культуры России и Чувашии

ПРОВЕРЕНО 2010 12 МАЙ 2017

* * * * * * * * * * * * * * *

Главный консультант,
общая редакция
АНДРЕЕВА Валентина Евтихиевна

К-35067
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В этой книге в воспоминаниях современников предстает неординарная личность — Герой Социалистического Труда Евтихий Андреевич Андреев, известный всей России председатель колхоза из Чувашии. 30 лет, до последнего своего дня, возглавлял он хозяйство, ставшее маяком для всей республики. Евтихий Андреевич закончил лишь 6 классов сельской школы, но его знания, основанные на вековечной крестьянской мудрости, были выше, чем у иного кандидата сельскохозяйственных наук. Он был настоящий сын и хозяин земли, самородок, чей опыт актуален и сегодня.

©

Издательская лицензия ЛР № 030367 от 07 мая 1997 г.

СКАКУНОМ ПРОЛЕТЕТЬ!..

Вместо предисловия

О, как хочется жить
Горячо,
Безрассудно.
Скакуном пролететь,
Закусив удила.
То, что болью стучит
Под карманом нагрудным,
Не делить на две части —
На «дом» и «дела»…
С каждым днем
Все сильней,
С каждым месяцем –
Злее,
С каждым годом
Отчаянней
Хочется жить.
Все успеть!
Ни себя, ни других не жалея,
Долюбить,
Добороться!
Допеть!
Додружить!

……

Я не смерти боюсь.
Я боюсь — не успею
Настоящую песню сложить.

Гарольд Регистан

Часть I

В ЕДИНОЙ УПРЯЖКЕ

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА: **ЕВТИХИЙ АНДРЕЕВ**

Ровно через год его выберут председателем

Получилось так, как в народе говорят: без меня меня женили. Как сегодня помню: в понедельник, только что появился на работе (был уполномоченным Министерства заготовок страны по Моргаушскому району), вызвали в райком. Там сообщили о том, что я избран председателем укрупненного из пяти колхозов в одно хозяйство «Знамя труда». Был удивлен: по этому поводу со мной никакого разговора не было. «Раз народ доверяет, — сказал секретарь райкома, надо дорожить этим доверием. Поедем в колхоз, там нас ждут члены правления».

Так нежданно-негаданно стал я председателем укрупненного колхоза «Знамя труда».

Из публикаций в прессе

В КОЛХОЗЕ ДАВНО БЫЛА РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА

Бог создал удивительно одаренного человека: Евтихий Андреевич — настоящий руководитель!

Я работал счетоводом, когда организовали в 1951 году объединенный колхоз из пяти деревень. Он до минимума имел работников в правлении, снял всех охранников. Но воспитательную работу так поставил, что не было ни единого случая воровства.

Ветеран ВОВ В. Чубуков

Кто поступал неправильно, внушал, воспитывал, чтобы не повадно было другим. Помню, один колхозник пил постоянно и не выходил на работу. Тогда на заседании правления у него отобрали землю. Хорошим это стало примером остальным! Дисциплина была настоящая. А кто честно работал, никогда не обижал. За достигнутые успехи всегда награждал.

Мы никогда не брали ссуду. Умели в колхозе «делать деньги». Он серьезно занимался животноводством. Строили много. Все строили из дерева, — ежегодно сами заготавливали лес. К земле относился очень бережно. В поле, бывало, не увидишь ни одной дороги. Зря землю не тратил и другим не позволял. Когда районный центр переехал из Сундыря в Моргауши, ох, и много пришлось ему повоевать с районными чиновниками. Они расширяли районные стройки за счет колхозной пашни, а он дрался за каждый метр земли. За это заимел много врагов среди районных работников. Надо сказать, очень не любил чиновников: много они у него крови выпили. Он открыто против них выступал с любой трибуны. А когда очень уж сильно нажимали, говорил: «Если на словах вы так уж все знаете и умеете, садитесь на мое место, работайте. Если, конечно, народ вас изберет. Пока же народ мне доверил колхоз, я и буду сам все решать». И еще: Евтихий Андреевич и сам не брал взяток, и никому никогда их не давал.

Сейчас все говорят «рынок, рынок». А для него давно уже действовала рыночная экономика. Он продавал картошку даже за границу, мясо постоянно отправлял в Горьковскую область. Поэтому на колхозном счету всегда было много «живых денег».

Превыше всего для него была зарплата людей труда, всегда во время ее выплачивали. Зря колхозные деньги никогда не тратил, берег каждый рубль. А вот когда колхозники просили денег на какие-то срочные расходы или на лекарства, тут же отдавал им, сколько надо, из своего кармана, не записывая, — на полном доверии. И люди ему отвечали тем же, никогда не подводили. Слушались во всем, верили ему. Он ведь был и экономист, и политик настоящий, читал очень много, — настоящий хозяин земли!

«Правая рука» председателя: члены самого первого колхозного правления

Очень умело подбирал он кадры. В конторе, например, на 5 деревень было всего три бухгалтера и ведь мы всегда и все успевали. Потому что требователен был Евтихий Андреевич и к себе, и к людям. Да что о людях говорить: у него даже лошадь была самая умная в округе, без слов слушалась и понимала его. Он на ней постоянно объезжал поля, не было дня, чтобы не съездил и на фермы. Наизусть всегда знал и помнил, где сколько скота. Мы даже удивлялись: пока мы не достанем нужные бумаги и не взглянем в них — не вспомним нужные цифры Он же сходу, хоть ночью разбуди, сразу называл точное количество скота. Удивительная у него была память.

Как, оказывается, много зависит от одного человека. Тогда колхозные амбары были забиты зерном, а улицы — пиломатериалами. Но, оказалось, очень легко можно истратить нажитое колхозом за десятилетия богатство, пустить его по ветру. Видимо,

нутром чувствовал это Евтихий Андреевич. И в последние месяцы перед кончиной нередко повторял: «В бедноте-то все могут жить, а вот богатством не всякий сумеет по-хозяйски распорядиться»...

Василий Чубуков

ПРИЕЗЖАЛ НА ФЕРМУ КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Доярка Н. Курбатова

Нина Курбатова: Раньше наш колхоз был имени Буденного. Я тогда работала на свиноферме. Здесь и услышала, что теперь избрали нового председателя. Народ поговаривал: работал в конторе, привык к деньгам, долго ли удержится? Это было в 1951 году.

Помню, как первый раз он появился на ферме. Ко мне подошел заведующий фермой и сказал, что теперь надо будет работать с коровами, привезли с другой деревни. Одна из колхозниц посмотрела на коров и заплакала: какие худые коровы, они же не выживут. А если умрут, чем будем платить? Я сразу испугалась, отказалась работать. Жила рядом с фермой, и тогда за мной пришел сам Евтихий Андреевич. Он сразу стал уговаривать идти работать. Оделась, и мы вместе пришли на ферму. А дорогой он мне говорит: «Человека труд украшает. Кто любит работать — не боится работы». А когда услышал про опасения той женщины, даже топнул ногой: «Кто сказал, что надо будет платить?!». Так я и проработала пять лет. Спаскина Варвара, Тодинова Ольга, Александрова Анна, Нина Тихонова были тогда тоже доярками.

Кормов не было, по 60 раз ходили за водой, носили коромыслом сразу по три ведра, наполняли большие емкости из дерева. Сами и поднимали коров, чтоб поить-кормить, настолько они были слабые. Председатель приезжал каждый день, иногда даже по нескольку раз, тоже помогал поднимать коров. Зимой приезжал в белой военной дубленке. Бывало, коровы ее испачкают, мы хотим почистить, а он: не надо брезговать, это не грязь, а навоз. Навоз — это добро!

Слева направо: Н. Тихонова, В. Соколова, Е. Ильина

Нина Тихонова: К осени, к 7 ноября, в знак благодарности сделал нам праздник. Привез красное вино, мы испекли пироги, сварили пиво. И когда все собрались, он сказал: «Я могу гордиться вами… Не падали духом, не жалели сил. Спасибо. Только благодаря вам колхоз начал поднимать голову». Встал, начал плясать, даже вприсядку. Сделал один круг, и мы все потом начали плясать. Внимательно относился ко всем. Так мы сохранили всех коров, не померла ни одна.

Потом каждый год в районе организовывалась выставка. Наши коровы всегда были там. По 18 литров брали молока. Не было случаев и падежа телят. От начала до конца все работы делали сами. Бывало, приезжал и председатель верхом на лошади. Интересовался всем, что делалось на ферме. Знал жирность молока на каждый день. Когда получалось меньше 4%, расстраивался. Всех работников ценил по работе, а не по сплетням, и болтунов не любил. Приходилось работать и без света, с керосиновым фонарем. Когда коровы телились, не спали все ночь, что-

бы не засыпать, пели песни. Внимательным был Евтихий Андреевич и к нашим нуждам. Когда нужны были деньги, он всегда доставал из своего кармана, и говорил: «Потом вернете». Никогда не записывал, сколько давал.

Н. К.: Я там проработала 5 лет, потом работали на ферме и сестры. После замужества мы работали в бригаде. Один раз из республики приехали руководители, народу собралось очень много, а он: «Вот Курбатова Нина здесь вместе со своим женихом Ефремовым Алексеем. Это лучшие наши люди». Получала и Почетные грамоты.

Н. Т.: Он знал не только каждого работника, но всех их детей, кто как живет. Хотя был коммунистом, всегда в душе верил в Бога. Часто приходилось видеть, как перед ответственной работой он вставал за угол сарая, навстречу солнцу, чтобы никто не видел, и крестился, и просил Бога помочь.

Нина Курбатова, Нина Тихонова

И СТАЛА Я КОЛХОЗНЫМ АГРОНОМОМ

В правлении колхоза. Рядом с Е. Андреевым — Е. Ильина и В. Рудаков

С Евтихием Андреевичем Андреевым я проработала 30 лет. С тех пор, как в 1951 году его выбрали председателем колхоза «Знамя труда».

Была я тогда главным агрономом района. И вот сразу же после избрания явился он ко мне на работу, в белом армейском полу-

шубке, валенках, раскрасневшийся от мороза, настроенный весьма решительно, и вручает какой-то листок со словами: «Вы здесь сидите без всякой пользы, только бумагу переводите». Гляжу, внизу листа — моя подпись. А я тогда в отсутствие заведующего сельхозотделом расписалась за него на каком-то документе, не заметив в нем ошибку в слове «председатель», где были пропущены буквы «се». Никто не проверил бумагу после машинистки, да и 86 других руководителей из района, кому адресовался документ, не заметили этой опечатки, кроме Е.А.Андреева. Он тогда такую мораль всем нам прочитал! Пристыдил, что мы бездельники, сидим на шее колхозников.

И когда вскоре мне неожиданно предложили перейти на работу в «Знамя труда», я, конечно, ни в какую не соглашалась. Тогда вызвал меня к себе секретарь райкома партии Михаил Васильевич Зайцев (позже он стал главой правительства Чувашии) и говорит: «Колхоз этот сейчас в очень тяжелом положении, его надо поднимать. Там сейчас умелый председатель, ему нужен агроном с высшим образованием, деловой, трудолюбивый. Райком поручает это дело вам». Так и стала я колхозным агрономом. И не думала — не гадала тогда, что буду работать там до самой пенсии, что все колхозники станут самыми родными людьми.

Колхозные поля, фермы, машинотракторный парк, все стало моей главной заботой. Нелегко было работать. Как-то, было это в самом начале, не оказалось у нас семян. Послал меня председатель в «Заготзерно» за ними. Везли на лошадях, в овраге застряли, до темна на себе таскали тяжеленные мешки. Летом — и вовсе не до сна, вообще ни у кого не было выходных. Меня посылал по полям. А после окончания уборки председатель заставлял лично проверять каждый склад: босиком залезала туда, проверяла мешки, сортировала, следила, чтобы не заводились клещи, — даже в дождливую погоду не удавалось отдохнуть. А чуть узнает что новое, сразу же обязательно съездит туда для обмена опытом, и нас, специалистов, непременно брал с собой. Даже

в праздники сидел в правлении, работал. Иногда так хотелось, чтобы Евтихий Андреевич съездил куда-нибудь в санаторий на отдых, чтоб хоть немного и самой отдохнуть... Кроме чисто агрономических забот, я отвечала и за тракторную бригаду, за МТС, ее обеспечение топливом и запчастями. Запчасти покупали в «Сельхозтехнике», — сами подбирали, что нужно, а весь ремонт техники вели в своих мастерских. Но ведь жизнь моя была заполнена не только колхозными проблемами, а и общественными: долго работала секретарем парторганизации.

Евтихий Андреевич агрономическое дело знал не хуже меня, потому что до этого председательствовал в другом колхозе и быстро вывел его в передовые. Я не уставала поражаться: институтов не кончал, а до какой степени был мудрый! И не стеснялся спрашивать, учиться. Но, бывало, говорил мне: «То, что у коровы есть хвост и рога, я и так знаю, ты мне своими словами расскажи про кормовые единицы». Много читал, очень следил за новинками сельскохозяйственной литературы, и мне давал читать. С некоторыми авторами был не согласен и всегда спрашивал мое мнение. Если я с ним не соглашалась — спорил. И не только о книгах да журналах. Как-то во время сева озимых за то, что я с ним в чем-то не соглашалась, сравнил меня с Троцким.

Было время, когда всех заставляли сеять кукурузу. За отказ делать это Евтихия Андреевича ругали, критиковали, но своего мнения он не изменял, объясняя, что земля наша для кукурузы не годится. Этот вопрос обсуждался и на колхозном собрании, колхозники тоже поддержали Андреева. Это было важно: в то время «сверху» диктовали колхозам, что сеять, что сажать, какой скот держать, а Евтихий Андреевич это воспринимал, как проявление бюрократизма и сопротивлялся.

Урожайность наших полей год из года повышалась. Председатель очень следил за тем, чтобы земля хорошо удобрялась. Он признавал больше не химические удобрения, а навоз, так как он дешевле и лучше. Для навоза же нужна солома, и он заставлял

соломы побольше класть под скот. Потом навоз вывозили на поля, смешивали с фосфоритной мукой, складывали в большие кучи и укрывали соломой, чтобы дозревал. Весной кучи разбрасывали и сразу поля вспахивали. И урожай получали богатый. В 60-е годы по урожайности картофеля наш колхоз был в республике в числе первых. Помню, как сразу одиннадцать колхозников получили звание «Мастер высоких урожаев картофеля». Да и работники ферм добивались высоких результатов, их имена часто встречались на страницах газет, было немало орденоносцев. А сам председатель стал Героем Социалистического Труда.

Сажаем картошку

Авторитет в народе у Евтихия Андреевича был большой. Люди верили ему и беспрекословно выполняли все поручения, требования. Хотя он был очень и очень требовательным. Он, например, заставлял меня проверять даже то, как варят картошку для скота и потом докладывать ему. В общем, каждую мелочь замечал. Но никогда не мстил, был незлопамятным. Если что-то ему не нравилось где-то, тут же направлялся

Ох, и зорок председательский глаз

туда сам. Хотя заведующие фермами, все другие специалисты были и без того на редкость исполнительными. Колхозники ведь видели, что он и себе не дает поблажки, всего себя отдает работе, не заботясь о собственном здоровье. Знал каждого. Интересовался составом семьи, их нуждами, заработками. Кто жил трудновато, старался хоть одного члена семьи устроить на ферму, где и оплата была повыше, и работой обеспечены круглый год. Людей это воодушевляло, они старались еще больше.

Как-то один год выдался на редкость засушливым. Работы было много, колхозники очень устали. И вот однажды, когда они, усталые, совсем поздно возвращались домой, Евтихий Андреевич, объезжавший поля, остановил машину возле них, вышел из нее, — и поклонился низко-низко, благодаря за труд. А потом обратился к ним: «Знаю, что вы устали, но, пожалуйста, я вас очень прошу, уберите завтра вику, иначе она пересохнет». Да все тогда и без того хорошо работали и детей своих приучали к труду. Даже служащие из райцентра принимали участие в колхозном производстве: знали, что их труд будет вознагражден. Благодаря хорошей оплате колхозники стали жить зажиточно, всюду поднялись новые добротные избы, многие начали приобретать автомобили. В то же время сам председатель свою зарплату не повышал, а, наоборот, снижал. Никогда у него не было мысли о богатстве, о корысти. И дом — не хоромы, а такой же, как у простых колхозников. Не было стремления жить лучше других.

И лечиться не любил он в спецбольницах, признавал лишь свою — районную. Но даже перед самой смертью, в последние свои дни и часы, когда уже не смог выйти на работу, все твердил мне: «Пусть поля объедет Пугачев и все подробно мне расскажет». Я ему в ответ: «Так я же уже вам все до мелочей рассказала!» А он: «Меня интересует мнение рядового колхозника: пусть он самолично проверит каждую скирду, в каком они состоянии…»

Уж двадцать лет прошло, как ушел от нас Евтихий Андреевич, но все сельчане вспоминают о нем с уважением, гордостью. Люди не забудут его.

Еннафа Ильина

НИ СЛОВОМ НЕ НАПОМНИЛ О ВЧЕРАШНЕМ

Только что демобилизовался... В. Толстов с двоюродным братом Б. Васильевым

Мы, колхозные мальчишки, с самого раннего детства от родителей были много наслышаны о Евтихии Андреевиче Андрееве, какой это строгий председатель, и мне он, честно говоря, казался тогда страшноватым, я даже побаивался его. Лично же познакомился с ним, когда учился классе в 4-м, и весьма близко познакомился.

Как-то после школы иду по сельской улице домой, а тут мимо проезжает на санях, и явно на ферму в нашу деревню, сам председатель, задумался о чем-то. Куда подевались мои былые страхи: я незаметно подпрыгнул сзади, пристроился на полозья — и еду. В полной уверенности, что он этого даже не заметил, еду такой довольный, — что и не видит он меня, и не знает. И тут вдруг Евтихий Андреевич, не поворачивая головы, обращается ко мне по фамилии: «Толстов, давай, садись, садись сюда рядом». Я был так ошарашен, что он меня знает, что чуть не выпрыгнул на полном ходу, но уж больно место для этого проезжали неудобное. Но и последовать приглашению и присесть рядом тоже не

сразу решился: смутился, конечно, здорово. Он же, как ни в чем не бывало, продолжал задавать вопрос за вопросом: как меня зовут, какие отметки получил сегодня, какие учителя меня учат. Причем, «выпытывал» от всей души, с искренним интересом. И пока я ехал с ним до дома, он расположил меня к себе так, как будто был мне родным дедушкой.

Помню еще один эпизод, когда я в шестом классе во время школьных каникул работал в колхозе. Мы, ребятня, возили навоз. Вот бортовая машина, выгрузив очередную кучу, отъехала в сторонку «отдохнуть», нам же предстояло подровнять и уложить эту кучу так, будто на поле лежит большой кирпич. Бригадир заранее проинструктировал нас, как правильно складывать навоз, чтоб сохранить его качество. Старательно укладываем по всем правилам свой «кирпич», — и как-то никто не заметил, что на противоположной стороне он был выгружен не так, как требовалось. И тут проезжает метрах в 150 от нас председатель. Ума не приложу, как он умудрился с такого расстояния заметить «брак», когда мы стоим рядом — и не видим. И вот, оставив свой ГАЗик на дороге, чтобы не повредить посевы, сам прямиком бежит к «отдыхавшей» машине. Евтихий Андреевич так отчитывал водителя, небрежно свалившего навоз в поле, так популярно объяснял и ему, и нам, в чем, по-научному, ценность этого «природного» удобрения и правила его хранения,— что до сих пор, как только приходится складывать дома навоз, всегда укладываю его «по науке», усвоенной с детства, — аккуратным кирпичиком.

Окончив школу, я решил до армии выучиться на тракториста. И в декабре 1978 года мы с другом-одноклассником пошли в колхозное правление за направлением. Как раз и сам Евтихий Андреевич оказался на месте. «Заходите, заходите, по какому вопросу ?» — приветствовал он нас. Мы объяснили. Тогда он сел на стул напротив нас, облокотившись на его спинку, — и начал, и начал… А надо сказать, что если у меня была короткая стриж-

ка, а брюки аккуратно заправлены в валенки, то мой друг ходил с длинными волосами и в широченных клешах, — чего (это знали все деревенские парни) не переносил Евтихий Андреевич. И вот он сначала взял бригадный журнал, внимательно изучил, сколько трудодней мы заработали. Мне, едва взглянув на меня, сразу сказал, что тракторист с меня получится. «А вот из него — нет». И долго говорил, какая у трактористов трудная и ответственная работа, не всякому доверишь. Мне даже неудобно было перед другом, — сидел он, опустив голову, с каждым словом председателя краснея все больше и больше. Полчаса так отчитывал его. Потом, обращаясь к бухгалтеру, велел: «Напиши направления обоим». И тут же достал из своего кармана 5 рублей и отдал моему другу со словами: «Только сейчас же, сразу, иди в парикмахерскую и приведи себя в порядок».

Доверительно Евтихий Андреевич разговаривал с молодежью

Когда я вернулся с учебы и приехал на практику в родной колхоз, взрослые трактористы подбили меня «обмыть» первую зарплату и самому выпить немного красного вина. Было это сразу после ночной смены. И вот еду я после этого на тракторе «Беларусь», а навстречу, как нарочно, попался сам Евтихий Андреевич, остановился, приветствуя меня. Я не спускаюсь вниз, чтобы он не почувствовал запах. А он: «Почему глаза красные?» Отвечаю, что я, мол, с ночной смены. Он не стал возражать, только коротко распорядился: «Лемеха отдай Еннафе Алексеевне, трактор поставь в гараж, а сам иди спать». Я, радостный, что он не заметил, что я — выпивший, пошел домой. А к вечеру является с работы

2. Заказ № 830.

К-35067

Национальная библиотека Чувашской Республики

отец, — он работал водителем в колхозе, — и сходу начинает меня воспитывать, что позорю его, и что меня сняли с работы за выпивку. Потом мне другие колхозники рассказывали, что председатель и в самом деле при всех отчитал отца за неправильное воспитание сына, сказав при этом, что тот и сам иногда подает мне дурной пример в этом. В общем, всем досталось... Утром следующего дня иду в правление и боюсь, не знаю, как же мне теперь быть. Но Евтихий Андреевич, ни словом не напомнив о вчерашнем, выписал мне путевку на работу. Вот как он был требователен ко всем, как хорошо знал всех и обо всем, как был справедлив. И, строго наказывая за нарушения, никогда не таил при этом злобу, не был мстительным.

Когда я вместе с другими нашими деревенскими ребятами уходил на службу в армию, председатель лично вручил каждому из нас, по многолетней колхозной традиции, по 100 рублей. И каждому по-отечески сказал добрые напутственные слова, просил не забывать родной колхоз. Уже в армии я получил от родителей письмо, где сообщалось о его смерти скоропостижной. И вернувшись домой после демобилизации, первым делом сходил на могилу Евтихия Андреевича. Не верилось, что его уже нет: до сих пор в моей памяти сохраняется живой образ этого удивительного человека, который умел думать обо всех.

Владимир Толстов

УРА, ТЕТЯ КЛЕНА ПРИШЛА!

Я до 1951 года работала в колхозе, в бригаде. Так что весной, во время посевной, часто видела здесь Е.А. Андреева, — на лошади, верхом: не было дня, чтобы он лично не объезжал поля и фермы. Доводилось его видеть, и когда он еще работал уполно-

моченным министерства заготовки сельхозпродукции. Там работала моя сестра Анна уборщицей, и я ходила к ней. И вот мне передают, что меня приглашает сам председатель, в правление. Волнуюсь, конечно, с самого утра пошла. Тогда в колхозе было совсем маленькое здание правления, состоящее из одной комнаты. Предложил мне работать уборщицей. Я согласилась. Тогда не было еще в селе телефона, и мне приходилось бегать по всем деревням и приглашать нужных людей, — то есть я выполняла и обязанности курьера. Приходилось также быть и снабженцем, и кладовщицей: принимать лес, удобрения, отпускать их по спискам со складов. Это — не считая обязанности убирать и отапливать помещение.

Тогда Евтихий Андреевич жил на квартире. Когда построили новое пятистенное здание правления, стал жить здесь в передней комнате. Тогда я по его просьбе готовила ему обед, иногда приносила еду из столовой. Сам он редко ходил туда. За то, что ему готовлю, со своего кармана платил 50 рублей ежемесячно.

Равнение на председателя! И тогда женщины всегда будут главной силой в колхозе. 2-я справа — К. Смирнова («тетя Клена»)

Когда к нему приехала дочь, они жили вместе, но все равно за то, что ей помогаю, платил 25 рублей, хотя я и отказывалась их брать. Но он говорил, что «вам деньги нужнее». Очень часто, когда колхозники приходили за авансом за большой суммой, он выдавал им без всяких ведомостей со своего кармана И никогда не записывал, кому и сколько, доверял всем. Люди во время получки ему без напоминания целиком возвращали долг. Нередко меня посылали и в город за какими-то документами. Если приходилось ехать на автобусе, то обязательно даст денег на дорогу, тоже из своего кармана. Доверял во всем, в том числе, и все ключи.

На работу приходил очень рано. Но до его прихода успевала истопить печь. Вечером тоже засиживался долго. Если же должна была возвращаться с грузом машина, то не уйдет, пока не дождется. Очень много читал. Каких только газет и журналов не было на столе. Вечером, если в клубе шел хороший фильм, тоже ходил.

Ну, и красавицы-хрюшки: хоть на ВДНХ посылай

Зимой носил белый тулуп и ездил на лошади по кличке «Бабочка». У всех председателей соседних колхозов были кони, и над ним подтрунивали, что, мол, у него одного лошадь. И однажды всем он доказал, что и лошадь у него необыкновенная. После одного из районных собраний все поехали к нам на ферму на экскурсию, каждый на своих лошадях. На обратном пути «Бабочка» посмотрела на всех, и припустила вперед, обгоняя, обогнала, и добралась до правления первой. И тогда Евтихий Андреевич таким довольным голо-

сом «поддел» гостей: «Ну, что, каковы наши лошади?» И мне самой приходилось нередко ездить на «Бабочке», даже верхом.

Часто у меня спрашивали, как я с ним работаю, не ругает ли. А он ни разу даже не повысил голоса. Когда меня вечером посылал кого-нибудь звать, сам и печь топил. Евтихий Андреевич очень любил детей. Когда ребята возвращались из школы, а он в это время ехал в какую-нибудь из деревень на ферму, то вся ребятня к нему в сани подсаживалась, и он с каждым старался поговорить, чьи они и как учатся. Удивительная была у него память, знал про всех все, нужды каждого.

Когда Андрееву построили дом, я уволилась.

Но через несколько лет он снова пригласил к себе на работу. Когда появилась в правлении снова, он как-то даже по-детски закричал: «Ура, тетя Клена пришла». Он меня так называл, как его дети и внуки ко мне обращались.

У него не было и дня, чтобы не объезжал поля и фермы. На все хотел посмотреть сам. Помню, даже на лесозаготовку за Волгу однажды съездил на лошади. Выехал в 5 утра на санях и к вечеру вернулся. Когда колхоз купил машину, начал ездить на ней. Любил посещать и другие хозяйства, потом сравнивал — где лучше. За время работы Евтихия Андреевича в колхозе произошли очень большие изменения к лучшему. Кто ни появится на фермах, все удивлялись: они были полным-полны животными. Видели бы вы, какие у нас были свиньи, — как на картинке. Весили по 350 кг. И коровы были красавицами, все блестели от чистоты и хорошего ухода. И молока много давали, и жирность его была большая. По сдаче государству продуктов животноводства мы всегда занимали передовые места. Склады колхозные ломились от изобилия зерна. Запаса соломы и сена хватало даже для продажи. Техники в колхозе было достаточно. Одних автомашин было больше двадцати. Все колхозники получали хорошую заработную плату — и деньгами, и зерном. Все работали с настроением, на совесть. На счету у колхоза было много денег.

Евтихий Андреевич был требователен к себе и людям. Никогда не льстил начальству и не встречал их за накрытым столом. А что касалось работы колхоза, то если возникали какие-нибудь проблемы, то можно было к нему обратиться даже ночью. Он свою жизнь не представлял без колхозного коллектива. И ушел из жизни, интересуясь его делами. Даже когда ему стало плохо и увезли в больницу, его не интересовало собственное здоровье, а все спрашивал — какая бригада как работает. Не знаю, есть ли еще такой человек, который столько сделал для людей. А сам жил очень скромно. Он всегда останется в нашей памяти примером.

Клеопатра Смирнова

НОВЫЙ ДИРЕКТОР ШКОЛЫ

В 1957 году, в апреле, меня направили директором в Моргаушскую среднюю школу. Напутствуя, министр просвещения республики сказал, что начинать придется со строительства школы. И сразу предупредил: «Дела у тебя пойдут, если поладишь с председателем колхоза». Школу начали строить деревянную. Сложили пять-шесть рядов бревен, а дальше работа остановилась: нет строй-материалов. Плотники ушли. Руководители района посоветовали обратиться за помощью к председателю колхоза — Андрееву, сказав, что хозяйство очень богатое, только в банке у него миллион рублей.

На другой день пораньше, часов в 5 утра, пришел в правление. В то время у Евтихия Андреевича своего дома не было, и он жил там же, в правлении. Встретил меня приветливо.

— А, новый директор школы? Очень рад познакомиться. Наслышан о вас. С какой нуждой ко мне?

Я рассказал о школьных бедах: дров нет, стройматериалов нет, в Госбанке — ни копейки на счету… Не может ли хоть в чем-

то колхоз помочь?

Он внимательно выслушал, помолчал, потом сказал: «Помогать школе — это обязанность руководителей района. А то больнице помогай, школе помогай, так ведь скоро колхоз сам раздетым останется». Снова помолчал и добавил: «Ладно, поможем. Сейчас выделю четыре машины, чтобы привезти вам дрова из Ильинки». Летом для строительства школы нам выделили липовую делянку в лесу. Пошел в правление просить, чтоб людей дали на помощь. Евтихий Андреевич порадовался за нас и сказал: «Садись в мою машину, поедем смотреть эту делянку». Осмотрели лес. Он говорит: «Михаил Яковлевич, давай сделаем так. Эти липы спилим силами колхозников, и ты отдай их сейчас колхозу. За это мы привезем вам дрова. Липы спилим, снимем кору и заготовим из нее лыко, из веток навяжем веники для корма скоту. Это даст дополнительный доход колхозу, а школе мы попозже поможем».

В Моргаушах — писатель Ангел Тодоров из Болгарии (2-й слева). 2-й справа — М. Гаврилов

Я согласился с радостью: как же он мудро, по-хозяйски рассудил! Через три недели колхоз заготовил для школы и привез бесплатно 260 кубометров дров. Таким образом, школа сэкономила в своем скудном бюджете средства, предусмотренные на хозяйственные нужды, и появилась возможность приобрести школьное оборудование. Ну, а для строительства школы нам выделили другую, сосновую делянку в Алатырском районе. Заготовили стройматериал, начали перевозить по железной дороге. Однажды на ближнюю станцию поступило сразу 4 вагона, а дорогу

Остановись, мгновение: 1-й ряд: Е. Андреев, В. Тодорова, А. Тодоров, Яша-Ангел, М. Гаврилов. 2-й ряд: В. Гаврилова, поэт Г. Ефимов. 3-й ряд: гость из Москвы Караев, В. Ижутов, П. Журавлев. 1964 год

занесло, автомашины до станции добраться не могут. Опять иду к Евтихию Андреевичу: помогите. Без лишних слов сразу выделил 56 саней, и мы во время вывезли лес. Так что строительство школы продолжилось вновь.

Подружились мы теперь с Евтихием Андреевичем. С его большой помощью к первому сентября 1958 года закончили второй этаж.

В 1960 году у меня родился младший сын Яша, пятый ребенок в семье. По предложению народного поэта Чувашии Петра Хузангая крестным отцом сына решили назвать известного поэта Болгарии Ангела Тодорова. Вскоре мы с Петром Хузангаем и известным чувашским педагогом Геннадием Волковым гостили в Болгарии у Ангела Тодорова и его друга-писателя Веселина Йосифова. А через два года, в июне, уже у себя, в Чувашии принимали ответственного секретаря Союза писателей Болгарии Ангела Тодорова с супругой. Встречала его представительная делегация — руководители республики. Ангел Тодоров поинтересовался: «Запланирована ли в программе встреча с Михаилом Гавриловым?» — «Да, предусмотрена», — ответили ему, хотя этого и в помине не было. В тот

же день в Моргауши направили представителя обкома, он предупредил, что нужно срочно готовиться к встрече зарубежного гостя. Назавтра как раз проводился районный праздник песни в Ландышевском лесу, меня пригласили туда, там и должны были встретиться с Ангелом Тодоровым и его супругой. На праздник наши болгарские друзья приехали вместе с секретарем обкома И.П. Прокопьевым. Через час мы поехали в Моргауши ко мне на квартиру. Вместе с гостями был и Евтихий Андреевич. Петр Петрович Хузангай еще раньше написал Ангелу Тодорову о том, что его хотят назвать крестным отцом, тот согласился с радостью.

Ангел Тодоров хорошо владел русским языком. И теперь, едва переступив порог дома, сразу спросил: «Где мой крестный сын Яша?» Малыш с бабушкой были на кухне. Когда Яша вошел в зал, Ангел Тодоров взял его на руки и сказал:

— Это молодой Ангел, я — старый Ангел (сказал уже по-чувашски), впредь мы будем звать его Яша-Ангел. Когда закончит школу, будет учиться в Софийском университете, пусть изучит болгарскую историю и культуру, а после университета будет нашим полномочным представителем в Чувашии.

Долго разговаривали мы с гостями. Тодоров говорил о необходимости дальнейшего укрепления Советско-Болгарской дружбы. Нас поразило его глубокое знание истории чувашского народа. Кстати, в том же году, в августе, в нашу республику приехал и известный болгарский журналист, ученый, доктор юридических наук, главный редактор журнала «Болгаро-Советская дружба» Веселин Йосифов со своей супругой Дмитриной. На другой же день они с Петром Хузангаем приехали ко мне в Моргауши. Мы встретили их с Евтихием Андреевичем и главным врачом больницы Аршуткиным Николаем Арсентьевичем, познакомили со школой, провели встречу с учащимися, с учителями. Евтихий Андреевич рассказал о колхозе. Об этой встрече напечатали в газете «Чаваш коммуни», автором очерка был корреспондент Петр Павлов.

Герой-космонавт в гостях у будущего Героя-хлебороба

Провожая гостей, — и Ангела Тодорова, и Веселина Йосифова, — Евтихий Андреевич пригласил их приехать и на следующий год. Через несколько лет он и сам побывал в Болгарии, встретился со старыми друзьями.

Наша дружба с Евтихием Андреевичем крепла. Нередко вечерами звонил мне, приглашал к себе в правление. Там мы обсуждали школьные, колхозные, районные проблемы, говорили о международном положении, о книжных новинках. Он очень любил читать. Всегда детально знал, как идут колхозные дела, потому что каждый день бывал в бригадах, на фермах, проверял, как выполняются его поручения, задания, иногда и меня брал с собой. Терпеть не мог пьяниц. Строго наказывал виновных. Умел пожурить, поругать, умел и похвалить, — у него была богатая лексика, слов не искал. Спорить с ним, пререкаться редко кто мог. Но даже когда ругал, зла на него не держали, потому что понимали: он прав. Люди видели его стремление улучшить благосостояние колхозников. Повышалась оплата за работу, поэтому, хотя и побаивались его, но очень уважали, любили, гордились им.

Я почти всю свою жизнь проработал директором разных школ республики, в том числе, более 30 лет возглавлял в 70—90-ые годы среднюю школу в селе Шоршелы, на родине Космонавта — 3, и, конечно, всегда часто приходилось встречаться с колхозниками (ведь это родители). А свое начало эта традиция брала еще в «Знамени труда»: меня каждый год приглашали тогда здесь на

отчетно-выборное собрание. Колхозники всегда давали высокую оценку Евтихию Андреевичу, и каждый раз без сомнения выбирали председателем только его.

Евтихий Андреевич, видя недостатки в районе, в области, не боялся критиковать начальство любого уровня. Был он ярым противником всяких необдуманных, поспешных решений московских чиновников. Особенно воспротивился их давлению всюду выращивать кукурузу. И не уставал со всех трибун доказывать:

— «Наш колхоз из года в год получает высокий урожай картофеля. От него мы получаем большой доход. Наш климат для кукурузы не подходит!»

Когда меня перевели из Моргауш работать в другую школу, а затем выбрали секретарем парткома колхоза «Новая Юнга», мы продолжали часто встречаться с Евтихием Андреевичем уже на районных мероприятиях.

В 1964 году в Моргауши на совещание партийно-хозяйственного актива приехал первый секретарь обкома Семен Матвеевич Ислюков. На совещании выступил и Евтихий Андреевич. Его проводили бурными аплодисментами. Я в президиум на имя С.М. - Ислюкова направил записку. В ней высказал такую мысль: колхоз, руководимый Евтихием Андреевичем, делает большие успехи. Некоторые руководители, хотя и не достигли такой высоты, а уже имеют звание Героя Социалистического Труда. Евтихий Андреевич давно заслужил своим трудом такую награду. Почему до сих пор нет ее? (Мы-то давно знали, почему. Неугоден председатель начальству, не умеет он льстить.) Под моим письмом подписались еще 7 секретарей парткомов. Наше письмо на совещании зачитано не было, но в своем заключительном слове С.М. - Ислюков сказал, что результаты труда Евтихия Андреевича заслуживают высокой оценки, и нужно достойно оценить, что в президиум поступило письмо с таким мнением, что с этим письмом необходимо ознакомить членов бюро обкома партии. Через некоторое время появился Указ Президиума Верховного Совета СССР

о присвоении Евтихию Андреевичу звания Героя Социалистического Труда. Районная общественность с радостью восприняла такой Указ.

Михаил Гаврилов

ЗЕМЛЯКИ НЕ ЗАБУДУТ

В книге «В краю чувашском», вышедшей в Чебоксарах в 1967 году, под его фотографией написано так: «Когда в Чувашии произносят имя Евтихия Андреевича, фамилию называть не надо: все знают, что речь идет о Герое Социалистического Труда, руководителе колхоза «Знамя труда» Евтихии Андреевиче Андрееве».

А я об Евтихии Андреевиче первый раз услышал в 1958 году, когда закончил Казанский мединститут и получил направление в Моргаушскую райбольницу. Об этом сказал своему другу Алексею Воробьеву (будущему известному чувашскому поэту). В то время он работал в нашем районе агрономом. И, оказалось, давно уже хорошо знал его: перед выборами в Верховный Совет РСФСР, когда Евтихий Андреевич был еще кандидатом в депутаты, Воробьев стал его доверенным лицом. Так что еще до приезда в Моргауши я узнал много хорошего о председателе. Он мне выделил сразу грузовик, чтобы перевезти вещи, семью. А когда узнал, что у нас грудной ребенок, предоставил и легковую машину. Я воочию убедился, что это действительно добрый человек.

После года работы рядовым врачом меня назначили главным. На мои плечи сразу легли большие заботы. В то время электричества не было, воду носили, привозили из колодцев, прачечная пришла в негодность, здание больницы подлежало ремонту, и к тому же еще кончались дрова. Денег нет. Что делать? Обсудив все проблемы в коллективе, решили просить помощи у Евтихия

Андреевича. Согласился выделить дрова, тогда в колхозе их было много. На другой же день нам привезли дрова. Больница вышла из трудного положения. И потом помогал не раз.

Колхоз «Знамя труда» по всем показателям был впереди. Порядок был строгий. Евтихий Андреевич пользовался большим уважением, но многие начальники, руководители не только уважали, а даже побаивались его, потому что об ошибках, недостатках говорил в глаза. И это, конечно, некоторым не нравилось, его пытались «поставить на место». Как-то раз в колхоз «Знамя труда» приехал из Москвы высокий чин. Он критиковал Евтихия Андреевича за то, что тот... платит колхозникам много. Тут же последовал ответ: «Вот приезжайте в наш колхоз работать, и будем платить вам поменьше, тогда посмотрим, как вы заговорите». Ясно, что высокий чин не мог допустить такую дерзость. Он вскочил разъяренный и ушел из правления, сильно хлопнув дверью. Говорят, обиженный московский чиновник позже строго предупредил Чувашский обком о том, что в республике слабо поставлена воспитательная работа и приказал незамедлительно принять меры. И Евтихию Андреевичу «дали жару», «воспитывали»...

Помню, однажды зимой я вышел в поле на лыжах. Смотрю: на санях едет Евтихий Андреевич. Оказывается, собрался на колхозную ферму. Я говорю: «Сегодня выходной ведь». — «Вот и я тоже отдыхаю, только ты на лыжах, я — на санях», — ответил он, смеясь. Затем добавил:

Слева направо: И. Кузнецов, Н. Аршуткин, Е. Андреев

— Посещение ферм для меня очень важно: сочетается и дело, и отдых. Воскресенье — хороший день: бюрократы не мешают. Целый день мой: хоть читай, работай, хоть отдыхай.

Евтихий Андреевич учился только в сельской школе, но активно занимался самообразованием, ежедневно читал все газеты, журналы, особенно внимательно изучал сельскохозяйственную литературу. А в это утро, оказывается, закончил чтение воспоминаний маршала Георгия Жукова (в то время этой книги в Моргаушах еще не было, у кого-то в Чебоксарах взял ее). Трогая лошадь, прощаясь, сказал: «Приходи вечером ко мне, дам книгу Жукова почитать, в шашки сыграем».

Вечером отправился в правление. «Вот хорошо, что сюда пришел, а то дома гости собрались». Я удивленно посмотрел на него: «Как же так, дома гости, хозяин здесь?»

— Чего удивляешься, ты и сам не любишь гулянки. — Он знал, что я тоже противник подобных мероприятий, но все же, говорю, оставлять гостей нехорошо. На это он сказал: «Что нужно для застолья — я все приготовил, пусть веселятся, как им нравится, дома жена есть».

На эту тему мы больше не говорили. Я уже понял, что Евтихий Андреевич не любил застолье, гулянки, не принимал участия в них. Потому у него было время читать книги. В свободное время играли в шашки. Шашки-то и сблизили нас. Нередко он приходил играть ко мне на квартиру, но чаще встречались у него в кабинете. До начала игры сначала говорили о работе, о семейных, домашних делах, о том, кто что прочитал, обсуждали телевизионные передачи, вспоминали былое. Рассказал мне однажды, как был на съезде колхозников, как выступал. Оба сетовали и на то, что средства массовой информации, иные кинофильмы пропагандируют пьянство. Как-то даже мы — два депутата (Евтихий Андреевич — депутат Верховного Совета Чувашской АССР, я — райсовета) — написали в «Известия» письмо, выражая недовольство тем, что авторам «Шампанского» присуждают Ленинскую пре-

мию. Там же критиковали мы и павильон «Вина», находившийся на ВДНХ. Вскоре узнали, что павильон закрыли.

Кстати, Евтихий Андреевич критиковал за отсутствие борьбы с алкоголизмом не только руководство, но и нас, врачей. Зато очень тепло отзывался о хирурге К.В. Волкове, работавшем когда-то в Ядринской больнице, который в детстве Евтихию Андреевичу делал операцию. Главный хирург республики И.М. Кузнецов тоже хорошо знал К.В. Волкова, и услышав об этом, Евтихий Андреевич очень хотел встретиться с ним. Однажды И.М. Кузнецов приехал в Моргауши, я сообщил об этом, и они встретились у меня на квартире. В то время Евтихия Андреевича мучило одно недомогание, нужна была операция. Игнатий Максимович предложил приехать в Чебоксары на операцию. Евтихий Андреевич не согласился, и, глядя на меня, сказал: «У нас свой надежный хирург есть (это обо мне), а то сейчас и среди хирургов немало алкашей, неизвестно, к кому попадешь». Но не скоро состоялась операция: все времени нет у него. Договариваемся, что весной будет, потом осенью… А болезнь прогрессировала. И когда стало совсем тяжело, согласился. Обрадовался после операции: «Давно надо было решаться, как теперь легко!».

Мини-ферма из свежеструганных бревен напоминала ладную крестьянскую избу

В 1972 году праздновали юбилей Евтихия Андреевича. Сам был против, но настояло руководство. Торжество состоялось в Доме культуры, много было поздравлений, подарков, но, к сожа-

лению, я не смог присутствовать там: в тот день нужно было срочно оперировать его дочь, — привезли с приступом аппендицита. В этом же году чествовали и моего друга-поэта Алексея Воробьева. Из Моргауш приехали поздравить его мы с Евтихием Андреевичем. Алексей очень обрадовался нашему приезду.

В 1978 году мне пришлось уехать из Моргауш. В последний раз Евтихия Андреевича видел в больнице, в Чебоксарах. Когда к нему зашел, он первым делом напомнил: «Правильно ты сказал когда-то: видимо, доберусь-таки до семидесяти». Не забыл, оказывается: поздравляя его с 60-летием, я говорил: «Евтихий Андреевич, мечтаю побывать у тебя на 70-летии, а до этого желаю продолжить работу на этом же посту». Но не дотянул он до нового юбилея, ушел от нас на семидесятом году жизни…

Николай Аршуткин

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Когда из пяти наших соседних деревень организовали укрупненный колхоз и избрали председателем Евтихия Андреевича Андреева, очень много он работал, старался, чтобы хозяйство стало передовым. И начал с подбора кадров.

Меня назначили бригадиром одной из самых больших колхозных бригад. Работали все, не покладая рук. Вначале машин у нас не было, и Евтихий Андреевич каждый день на лошади объезжал все поля и фермы. На лошадях сажали и картофель, тогда каждая бригада имела много лошадей, были они всегда очень ухоженными. На работу выходили всегда рано, особенно, летом, в страду. А во время уборки хлебов молотили даже ночью. Часто возил нас, бригадиров, в передовые колхозы для обмена опытом. Потом обязательно делились впечатлениями, сообща думали, что и для себя можем перенять.

За время своей работы наш председатель обновил все былые фермы-развалюхи, находившиеся возле каждой из деревень. Обновили также более десяти складов для зерна, — колхозники постоянно теперь заготавливали за Волгой много леса и возили его на колхозные новостройки на машинах с прицепом. Постепенно увеличилось и поголовье скота. Так что через несколько лет наш когда-то бедный колхоз превратился в передовой, начали получать хорошие деньги.

Когда Евтихий Андреевич стал стареть, иногда с тревогой говорил: «Семь-восемь лет после меня проживете на нажитом богатстве, а вот потом...» А тогда у нас в колхозе было столько зерна, что один неурожайный год никак бы не отразился на положении дел. Да и амбары колхозников ломились от зерна и других запасов, — ведь на трудодни получали они не только деньгами, но и зерном, соломой ,— всем, что требуется для подсобного хо-

Колхозным дояркам сегодня очень повезло! (Слева — глава правительства Чувашии М. В. Зайцев, в центре — А. Г. Николаев)

3. Заказ № 830.

А какие сегодня новости у вас на ферме!

зяйства.

А сам жил скромно. Когда ему строили дом, сказал, что он должен быть на метр меньше самой большой деревенской избы. Зерна обычно получал по трудодням ровно столько, сколько требовалось для содержания одной коровы на подворье. Остальное оставлял колхозу. Вообще, ни в чем не любил роскоши для себя лично.

Викентий Волков

* * *

Запомнила я Евтихия Андреевича, когда была совсем еще маленьким ребенком. Тогда его только что избрали председателем нашего колхоза. Отец работал ветеринаром. И вот однажды, еще не было и 5 часов утра, мать разбудила всех нас громким криком: «Евтихий Андреевич пришел!» Мы, детвора, конечно, исподтишка наблюдаем за ним с печки, где спали. До сих пор помню его твердый, уверенный голос. Ему «в наследство» от прежних руководителей достались

И вырастает в поле скирда за скирдой

очень худые, слабые, истощенные коровы. И он, оказывается, решил заколоть их на мясо и продать в Горьковской области. Отец начал было возражать, — мол, надо бы подождать, проверить, не наберут ли буренки вес и силу. Но Евтихий Андреевич сразу сказал, как отрезал: «Раз меня выбрали председателем, я сам несу ответственность за каждую корову». И, действительно, как потом оказалось, он принял тогда единственно правильное в тех условиях решение: за деньги от продажи коров колхоз закупил племенных высокоудойных телок, — и так постепенно начал богатеть.

Раиса Скворцова

* * *

Мы жили неподалеку от дома Андреевых и часто с ним встречались. Работала я в районном сбербанке, в 13 часов обычно шла домой на обед, а он как раз возвращался с обеда. И не было случая, чтобы при встрече не поинтересовался: сколько денег на счету у других хозяйств района, какой колхоз брал ссуду и сколько. Никогда не забывал расспросить и о семье.

Валентина Куликова

* * *

Был я совсем молодым, когда Евтихий Андреевич взял меня к себе водителем. И помню, я втайне сочувствовал своим сверстникам с длинными волосами: очень уж не любил он «длинноволосых». Если только такого встретит, тут же, с улицы, и даже с работы отправлял на своей машине в парикмахерскую. И свои деньги давал на стрижку.

Меня просто поражали его организаторские способности. Во время отправки зерна в хранилища или на хлебосдачу, леса на строительство ферм или на пилораму он всегда собирал на подмогу свободных от работы водителей и механизаторов. Такую «бригаду» сами они называли «Отечество». И хотя приходилось «вкалывать» без дополнительной оплаты, никто не отлынивал, все все-

гда охотно соглашались поучаствовать в подобных «субботниках», — очень уж атмосфера здесь складывалась хорошая, дружная. Контролировал он всегда за такой работой сам. Бывало, лично подскажет, где какую доску разгрузить, — ведь был и сам хорошим строителем, знал, где чего не хватает. Лично пересчитывал каждый день на фермах и свиней с поросятами. Хорошо помнил, в какой ячейке по сколько поросят. Если надо было колоть свинью, тоже знал, какую именно и по какой причине.

Очень любил детей. И они отвечали ему тем же. Когда, например, Евтихий Андреевич ехал на машине или на санях, ребята наперегонки бежали, чтобы открыть ему ворота. А он за это давал им заранее припасенные конфеты.

Александр Петровский

* * *

И я тоже был водителем у Евтихия Андреевича, много лет его возил. Ежедневно к 6 утра уже нужно было быть на работе. Как только раздаст все наряды, позавтракает, — изо дня в день объезжали поля, фермы и стройки. Я в это время никогда не сидел в машине, — брал меня с собой. В мою обязанность входило и каждый день пересчитывать свиней и коров. Не дай Бог ошибиться — сразу узнает: он же сам их уже сосчитал. На стройке, бывало, все заранее рассчитает, сколько надо подвезти пиломатериала, гвоздей. По возвращении со стройки мне тоже не доводилось «скучать» в машине: вместе со всеми грузил стройматериалы, которые предстояло туда отправить. При этом заставлял первыми доста-

Каким-то будет колхоз через десяток лет!..

вать бревна с самого низу. Если кому-то это не нравилось, он считал за глупость и объяснял, что так нужно для вентиляции. Потому что если бревна все время брать только сверху, не перебирать их, то нижние без вентиляции сгниют.

На обед брал меня к себе домой. Вместе с ним и за покупками в магазин ездил, — было это раз в два месяца. Ничего не брал в магазине «с черного хода». Покупал лишь то, что лежит на прилавке. За все годы работы никогда не кричал на меня. Даже когда был однажды случай, что я был выпивший (а он очень не любил пьяных), тоже не кричал, сказал лишь: «Иди, выспись, а завтра придешь к 5 утра». И болеть Евтихий Андреевич совсем не умел. Даже перед самой смертью, когда я отвозил его в больницу, все спрашивал о том, как дела в колхозе, — и ни слова о своем здоровье.

Николай Оньков

* * *

Как-то, когда я только начинала работать счетоводом-кассиром в правлении колхоза «Знамя труда», испортила бланк доверенности. Не долго думая, смяла его и выбросила в мусорный ящик. Главный бухгалтер увидел это и так сильно отругал, что я начала плакать. А тут появился Евтихий Андреевич. И, сразу заметив мое заплаканное лицо, спрашивает: «Что случилось?» Когда я рассказала обо всем, он тут же попросил главбуха: «Не ругай ее, она больше так никогда не сделает». Потом, обращаясь ко мне, добавил: «Кончай плакать! Главное, чтобы это для тебя на всю жизнь стало уроком», — очень сочувственно относился председатель к личным проблемам людей. Но и сам он никогда не подписывал ни один документ, пока досконально его не прочтет, не проверит. Зато личные деньги держал в рабочем столе без всякого замка, — верил людям.

Не любил он отдыхать, сидеть без дела. Никогда не жало-

вался на здоровье, на годы. Каждый раз в день своего рождения покупал бутылочку коньяка и угощал по маленькой рюмочке всех, кто работал в правлении, кто заходил туда по делу. А в мае 1981 года, на 69 лет, впервые не стал так отмечать на работе свои именины. Говорит мне: «Не знаю, Римма, доживу ли я нынче до 70-летия». 2 июня вместе с председателем соседнего колхоза Евтихий Андреевич объездил все поля, и после возвращения стало ему плохо. Но в больницу не захотел идти. И на следующий день, как всегда, рано утром появился на работе. Отдал нужные распоряжения — и снова ушел домой. К вечеру всех нас вызвал, подробно расспросил обо всем, что было за целый день.

И лишь 4-го утром, когда стало совсем плохо, увезли его врачи в Моргаушскую больницу и послали машину в Чебоксары за дочерью. Мы с техничкой-курьером Кленой пошли было к нему в больницу, — не надо ли в чем помочь, — но он тут же отослал нас обратно: «Меня здесь накормили, все хорошо, идите, работайте». И даже не поверили, когда, спустя короткое время, нам сообщили печальную весть о его кончине.

16 июня было общее колхозное собрание. Предложение назвать колхоз его именем было принято единогласно. Но одно только имя не помогло хозяйству удержаться на таком же высоком уровне, как при самом Евтихии Андреевиче…

Римма Андреева

* * *

Наша семья жила в деревне Малиновка, — самой дальней в колхозе от Моргауш. Отец работал сначала водителем, потом — бригадиром. Тогда еще не было телефонной связи между деревнями, и отец будил меня летом в четыре часа утра, чтобы я на мотоцикле отвез его к председателю в правление за заданиями, а потом привез обратно. Нам тогда даже и в голову не приходило, чтобы опоздать или пропустить денек: дисциплина в хозяйстве была просто удивительная. Да я и сам еще школьником начал работать в колхозе вместе с другими деревенскими ребятами.

Много народу всегда работало в «Знамени труда», люди не выезжали на заработки в другие районы России, молодежь оставалась в местных деревнях.

Да только после смерти Евтихия Андреевича положение в колхозе очень и очень изменилось. Хозяйство теперь никак нельзя отнести к числу передовых, находится оно в трудном экономическом положении.

Исполнился год, как меня избрали председателем колхоза имени Е.А.Андреева. Трудно молодому председателю… Но народ по сей день помнит Евтихия Андреевича. Сообща вспоминаем, чему он нас учил, и прилагаем сейчас все силы, чтобы изменить положение в колхозе.

Николай Рудаков

Часть II

РУКУ ДРУЖБЫ ПОДАЛ ИМ

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА: **ЕВТИХИЙ АНДРЕЕВ**

Тут-то я и сказал ему...

Пригласил меня как-то на ферму мой коллега — председатель артели. Ведет в свинарник, по пути не перестает плакаться. Интенсивный откорм организовали, целых два месяца в свинью, будто в бочку, корма забиваем, и помещения казенные отгрохали, и породу неплохую подобрали — не растет свинья, хоть плачь. А как это у тебя, Андреич, говорит председатель, свиньи такие здоровые вырастают, что в четырех — пятимесячном возрасте весят до 90 килограммов?

Я ему в лоб: а сколько у вас поросята весят двухмесячные?

Председатель пожимает плечами: как вам сказать, килограммов по 15, пожалуй, тянут.

Вот тут-то я и сказал ему: дальше можешь не говорить, вижу «где свинья зарыта». Я рассказал этому мил-человеку подробно о всех своих «секретах» откорма. Мы откорм не отделяем от выращивания животных. Это две стороны одного дела. И на обе стороны наши свиноводы обращают одинаково много внимания.

Главное — вырастить здоровых, развитых поросят, которые в двухмесячном возрасте весили бы не менее 18-22 килограммов. Это первая наша забота. Показалось, что понял меня. Но как много еще в нашей республике руководителей артелей, специалистов сельского хозяйства, которые не прислушиваются к голосу свиноводов-практиков, не изучают тонкостей ведения свиноводства. Валят кулем все корма, какие под руку попались, в корытца свиней и считают это интенсивным откормом...

Из публикаций в прессе

И МЫ ТОЖЕ ТЕПЕРЬ НЕ «В ХВОСТЕ»

1957 год стал переломным в моей биографии: мне предложили возглавить Моргаушский пищекомбинат. Когда я вышел из райисполкома после утверждения, вдруг услышал: «Подождика». Оглянулся — передо мной стоял еще довольно молодой человек, спокойный, невысокий, глаза показались озорными. Он протянул руку и сказал: «Я Андреев». Тут я догадался, что это председатель известного колхоза, — кто же в районе не слышал тогда о нем? И уже из короткого, на ходу, разговора успел понять, как нелегко говорить с этим человеком — очень уж «цепкие» у него вопросы. Первым делом спросил, откуда я родом. Ответил, что из Красноармейского района, работал в Вурнарах, теперь вот в Моргаушах. Оказалось, что Евтихий Андреевич во время войны учился в учебном полку, который стоял в Вурнарах, после этого был призван в армию. Нашли мы при разговоре и общих знакомых в Вурнарах, и договорились как-нибудь съездить туда вместе.

На экскурсии в Софии. 1-й справа — В. Павлов

Через год в районе произошло укрупнение предприятий. Пищекомбинат объединили с промкомбинатом. Я стал директором укрупненного комбината. Изредка заходил Евтихий Андреевич, потому что всегда был занят колхозными делами. Однажды за-

шел ко мне и говорит: «Пойдем, прогуляемся, разговор есть. Хочу построить мельницу. Электроэнергию дашь?» — «Надо подсчитать, сколько потребуется вам, потому что ее у нас не так много, — сказал я. — Тем более, один решить не могу. Скажу завтра». На другой день был дан положительный ответ. Вскоре закипела работа. Буквально через три дня мельница была построена.

На совещаниях партийно-хозяйственного актива мы встречались теперь часто. Поражались люди тому, что он так уверенно владел цифровыми данными: по молоку, мясу, поголовью скота. В зале стояла тишина, когда он говорил. Не боялся критиковать, если это было нужно. Терпеть не мог лицемеров, воров. Показатели в колхозе были высокие, хорошая оплата, но он никогда не хвастался своими заслугами. Мало обращал внимания и на свою одежду, ничего броского, модного на нем не было, не любил всякие попойки. Может, поэтому ему порой приписывали скупость. Но друзей у него было много. Нас тоже связывали дружеские отношения. И вот, я хорошо запомнил тот день, в 1964 году меня пригласили на собрание в колхоз имени Суворова. И стало для меня полной неожиданностью, что тут же избрали председателем. Я поначалу несколько струхнул: колхоз-то очень слабый, — но за работу взялся, тут же обошел фермы, встретился с людьми. Кругом разруха, большой падеж скота, бескормица. И в один из ближайших дней поехал на лошади в райцентр — к Евтихию Андреевичу.

По дороге думаю: может, по старой дружбе поможет? Не тут-то было: устроил такой разнос (а это он умел делать)! Почему, говорит, не посоветовался со мной, зачем пошел в колхоз, сидел бы на своем комбинате. Около часа вразумлял меня, как сына, но потом остыл и заговорил мягче, по-отечески. Начинай, говорит, не с коров, а берись сначала за свиней. Свиньи, отвечаю, дохнут, больные, и денег нет. А он: «А ты сдай 30-40 истощенных свиноматок на мясокомбинат в счет нашего колхоза, а я тебе дам взамен здоровых, а хряков возьмешь у Юхтанова (возглавлял тогда передовой Ядринский колхоз)». Поехал я к нему, только начал

объяснять цель приезда, а он мне: «Не надо, знаю, Евтихий звонил». Потом мы, закончив дело, бутылочку распили. Я вернулся домой и на другой же день иду к Евтихию Андреевичу, рассказал о поездке, — и про бутылку упомянуть не забыл. Так он мне дал за эту бутылку такую взбучку, что его слова до сих пор в ушах звенят. Это был первый мой урок от Евтихия Андреевича, запомнившийся на всю жизнь, а потом сколько раз он с трибуны принародно упоминал про эту злополучную бутылку! Сколько доставалось и потом! Но на пользу.

Со временем мы начали входить в колею. Свиньи стали давать хороший привес — 450–500 г, повысилась урожайность зерновых, картофеля. В колхозной кассе стали водиться деньги. А у колхоза «Знамя труда» на счету в банке — уже 2,5 миллиона, никак не догнать их, — это был один из богатых колхозов.

Когда Евтихию Андреевичу присвоили звание Героя Социалистического Труда, радио сразу объявило об этом, но я не слышал, был целый день в поле и узнал чуть позже от работников бухгалтерии. Передали мне, что звонили из райкома, я должен срочно поехать в Моргауши, сообщить новость самому Андрееву. Взял я домашний хлеб, домашний круглый сыр, коньяк (Евтихий Андреевич только коньяк изредка употреблял). К вечеру приехал в Моргауши, в правление колхоза. «Только что ушел», — сказали мне. Я — к нему домой, бывал там до этого несколько раз. Дом — обыкновенный, простой, деревенский. Из гостей никого, он и жена. Хозяин читает газеты, хозяйка готовит ужин.

— Разрешите поздравить Вас с таким высоким званием, желаю и в дальнейшем успехов.

Мы пожали друг другу руки, он даже прослезился. Вскоре стол был готов, я тоже выставил свои гостинцы. Наполнили рюмки, выпили за награду. Потом долго сидели за столом, беседовали о колхозных делах, о своей жизни, впервые тогда услышал его рассказ о том, как погибли его родные на войне. Сидели почти до рассвета, но все же утром на работу успели оба.

И опять работа, заботы. Мы теперь ощутимо окрепли, стали

лучше платить колхозникам. В районе у нас тогда в трех хозяйствах была хорошая оплата: в колхозе «Знамя труда», имени Суворова и в колхозе «Свобода». Если Евтихий Андреевич приезжал к нам, люди были рады встрече, потому, что знали: он обязательно что-нибудь хорошее посоветует. И действительно, я от него научился многому.

Но бывали в жизни, в работе и черные полосы. Не поладил я одно время с районным начальством: стали на меня наступать. А я не Евтихий Андреевич, защищаться не могу. И как-то попросил его: если со мной будут слишком уж круто обходиться, скажи слово, тебя они боятся... Он согласился. И вот однажды надо было решать один важный вопрос, решить его могла только Москва. И я поехал. Так Евтихий Андреевич, оказывается, в мое отсутствие несколько раз приезжал в колхоз, звонил, интересовался, как идут дела, давал советы нашим специалистам. По возвращении из Москвы я сразу позвонил ему, а он снова поругал меня: почему так долго отсутствовал. Потом смягчился и осторожно так спросил: «Толк есть хоть?» Когда я сказал, что есть, он ликующе закричал в телефонную трубку: «Наша победа!» На другой же день мы встретились, детально обсудили поездку.

А однажды я ему сказал: «А мы тайно от тебя соревнуемся с твоим колхозом. Наш колхоз тоже теперь не в хвосте». Он засмеялся: «Соревнование — это двигатель».

Евтихий Андреевич очень умело подбирал кадры. Все его бригадиры, заведующие фермами были толковыми, знающими людьми. Он хорошо знал свой колхоз, что где растет, что где лежит. Поэтому, выступая перед колхозниками, перед общественностью района удивлял всех феноменальной памятью: все знает, все помнит. Он был убежденным сторонником колхозного строя, не уставал доказывать на фактах, что если бы не колхозы, не было бы победы над фашизмом. В то время колхозные руководители умели вдохновлять народ, и колхозники работали добросовестно. Откуда же у Евтихия Андреевича такая любовь к земле, такое знание секретов земледелия? Ничего удивительного: он рано

Всем миром — на посадке картофеля

приобщился к сельскохозяйственному труду, потому что перед глазами был пример родителей. Они первыми вступили в колхоз, отдали ему свою мельницу. Евтихий тоже сызмала работал в колхозе. Познавшему рано крестьянский труд, ему легче было председательствовать. В числе первых в республике научился выручать деньги от сельскохозяйственной продукции, особенно от картофеля, — клубни отправляли даже в Монголию, — а потом покупали то, что нужно колхозу: сельхозтехнику, дизтопливо... Сегодня поразительным кажется, что в то время на один килограмм картофеля можно было купить 5 литров дизтоплива.

А в «Знамя труда» получали «второго хлеба» по 300–350 центнеров. Убирали клубни вручную, но никогда под снег не оставляли урожай, не то, что сейчас. Собранный урожай сразу вывозили с полей: у Андреева шоферы не пьянствовали, болели за дело.

Время шло, Евтихий Андреевич клонился к пожилому возра-

сту, но его отношение к работе оставалось таким же. Тогда никому и в голову не могло придти, что его вдруг не станет. И таким горем было для людей, знавших его, когда пришла пора проводить его в последний путь.

Последние минуты прощания

Море народа было на похоронах: и руководство республики, района, и родные, друзья, да и просто знакомые и незнакомые. На кладбище мне первому дали слово. Народу много было, все в слезах. Хорошо запомнилось, как в момент траурной церемонии над кладбищем показался самолет, совершил три круга, трижды покачал крыльями и улетел. Затем выступил первый секретарь обкома И.П. Прокопьев, другие известные люди. Так народ, уважавший и любивший легендарного, талантливого руководителя колхоза «Знамя труда», проводил его в последний путь.

Василий Павлов

МОЙ УЧИТЕЛЬ

Евтихий Андреевич стал моим первым учителем-наставником, когда в числе других «тридцатитысячников» страны в 1959 году я возглавил отстающий колхоз, — «Сеятель» в Моргаушском районе. Хотя сам я из крестьянской семьи, но в земледельческой технологии тогда разбирался недостаточно, поскольку закончил финансово-экономический техникум. Около 10 лет проработал экономистом в финансовых органах. И на первых порах пришлось проштудировать немало сельскохозяйственной литературы, изучать опыт практиков, а прежде всего, опыт знаменитого на всю Чувашию председателя колхоза «Знамя труда».

Но меня долго мучил тогда один вопрос. Евтихий Андреевич родился в деревне, которая была на территории колхоза «Сеятель». Свои родные места он знал хорошо. Когда началась вторая мировая война, он, тогда еще совсем молодой, был здесь бухгалтером, председателем, и когда стал работать в колхозе «Знамя труда», еженедельно приезжал домой. А по дороге очень внимательно изучал, как же работает новый председатель — то есть я. Как поле вспахано, как и чем засеяно, как убрано. Интересовался, как поднимается животноводство, какие доходы, каковы дела в строительстве. Меня, честно говоря, даже пугало такое внимательное изучение моей работы. Чего же он хочет? Может, думает: этот молодой «интеллигент» развалит колхоз? Поэтому я не только иногда побаивался, но старался работать так, чтобы не опозориться перед земляками, перед Евтихием Андреевичем. Это заставляло меня делать все хорошо, обстоятельно, даже порой не спать ночами. Перед ним я поначалу боялся сразу высказывать свое мнение, чтобы не показать свои недостаточные знания. И даже тайком бывал на его полях, чтобы своими глазами увидеть, что посеяно, как взошло. Посылал в «Знамя труда» своих животноводов, строителей, чтобы перенять их опыт. А этот опыт — ой как нужен был.

Ведь во время войны и первые послевоенные годы из-за час-

Совещание закончилось, а расходиться не хочется (2-й слева С. Афанасьев)

той смены председателей колхоз «Сеятель» к 1959 году совсем «сел». Колхозные здания, фермы обветшали, иные совсем пришли в негодность. Очень низкими оказались производственные и экономические показатели. И мы, члены правления, часто обращались к Евтихию Андреевичу за практическими советами.

Для строительства ферм мы сами, конечно, заготавливали материал, но я плохо разбирался, как и где лучше строить, и всегда спрашивал у него совета. И он подсказал: эту ферму стройте на южном склоне реки. Ее расположение на склоне защитит здание от северных ветров, а с южной стороны будет всегда солнце. А если неожиданно артезианская скважина откажет, можно будет использовать для скота воду местной речки, поставить насосы. И мы вняли его совету, построили там, где он посоветовал. Место, оказалось, выбрано очень удачно, ферма функционирует до сих пор. Подсказал Андреев и то, куда лучше поставить свиноферму.

А еще Евтихий Андреевич посоветовал нам сократить управленческий аппарат. Сказал: если будет в колхозе дисциплина, порядок, и охранники не нужны, тоже можно сократить. Я последовал и этому совету. В его колхозе очень четко была поставлена организация труда, его оплата. Он умело организовывал труд колхозников, и этому я постоянно учился у него. За долгие годы председателем он ни разу не оштрафовал ни одного колхозника: на первом месте у него были разъяснения, убеждение,

воспитание.

К семидесятым годам наш «Сеятель» не только встал крепко на ноги, но и по некоторым показателям даже опережал колхоз «Знамя труда». А вот по картофелю мы их так и не догнали. На районных и республиканских совещаниях нас все чаще называли в числе передовых. И если докладчик называл колхоз «Сеятель», то Евтихий Андреевич с гордостью говорил: «Там работает мой ученик». Я же был очень рад этому и благодарен ему. Если в первые годы моего председательства он с некоторым недоверием относился ко мне, то теперь поверил в меня, одобрял действия.

Действительно, Евтихий Андреевич для меня оказался настоящим учителем, он был талантливым организатором и наставником. За это ему — низкий поклон.

Сергей Афанасьев

КАК МЫ ТАЙКОМ ОЗИМУЮ РОЖЬ СЕЯЛИ

С Евтихием Андреевичем я был знаком еще с 1948 в бытность его уполномоченным Министерства заготовок страны по Моргаушскому району. Я тогда работал бухгалтером одного из колхозов, и мне часто приходилось бывать у него по вопросам заготовок сельхозпродукции. Потом наше хозяйство укрупнили, объединив с колхозом «Красное Сормово», и поводов для таких деловых поездок прибавилось. По всей стране ширилась тогда кампания по укрупнению хозяйств, которые к тому времени были практически во всех населенных пунктах, и эти карликовые колхозы становились тормозом. Так что вскоре объединили в один колхоз «Знамя Труда» несколько ближайших деревень вместе с селом Моргауши, ставшим его центральной усадьбой. Председателем избрали Андреева Евтихия Андреевича. Он с энтузиазмом взялся за работу: укрупнял фермы, централизовал бригады, широко пользовался разрешением «свыше» самим хозяйством планировать посевы выгодных культур.

И мне кажется, главным секретом успехов «Знамени труда», заслугой самого Евтихия Андреевича стало то, что он научил работать колхозников по-крестьянски. Убирали серпами зерно, копали картофель вручную, сажали под соху.

В результате умелого руководства с его стороны хозяйство добилось увеличения урожайности полей, денежных доходов, возможности вести капитальное строительство хозяйственным способом. А поднялась экономика колхоза, — появились и деньги на текущих банковских счетах. Колхоз «Знамя труда» имел тогда сбережений в банке больше, чем все остальные колхозы района, вместе взятые. Сюда начали приезжать за опытом со всей республики.

Мне тоже посчастливилось пройти здесь «крестьянские университеты», когда был слушателем курсов по подготовке руководящих кадров в Чувашском сельскохозяйственном институте: вместе с тремя однокурсниками проходил в колхозе «Знамя труда» практику в течение четырех месяцев. Мы поработали практически во всех отраслях хозяйства и лично знакомились там с опытом работы Евтихия Андреевича, руководителя хозяйства. Он даже доверял нам посевы зерновых на сеялках.

На фермах многих колхозов республики тогда была ручная дойка. Руководители Моргаушского района ратовали за переход на электродойку коров в хозяйствах. И вот, помню, выехали мы с Евтихием Андреевичем в одну из деревень Чебоксарского района для ознакомления с электродойкой. И очень меня поразило тогда, что Евтихий Андреевич самолично сел под корову во время дойки, видно, своими руками хотел испробовать, что и как. После окончания сельхозинститута я начал работать агрономом в колхозе «Красное Сормово», на следующий год замещал председателя хозяйства. А в 1967 году меня самого избрали председателем соседнего колхоза «Восток». Вот где сполна пригодился на практике весь полученный от Андреева Е.А. опыт по руководству хозяйством.

Да и Евтихий Андреевич продолжал считать меня своим уче-

ником. Постоянно следил за успехами моего колхоза, без просьб помогал ценными советами, то и дело заглядывал в «Восток», интересовался производственными показателями. Мы всегда поддерживали связи и советовались, особенно, во время каких-то сложных ситуаций.

Так, в 1972 году была сильная засуха. Дождей выпало совсем мало. И вот наступила пора озимого сева зерновых, а земля — как зола, сухая. Райком тогда категорически не рекомендовал сеять озимые. Но мы с Евтихием Андреевичем и главой колхоза «Заветы Ильича» тайком от райкома все-таки договорились посеять рожь, правда, не на всем озимом клину. «Знамя Труда» посеял ее на150 гектарах, мы — по 50 гектаров. Всходы появились только сантиметров через 10, совсем редкие. Так и не было тогда дождя. Зато весной, после таяния снегов, всходы ржи проросли на редкость дружно, появились густые посевы. Получили тогда урожай по 28-30 центнеров с одного гектара. Да и во всем другом между нашими хозяйствами была дружба, поддержка друг друга. Тогда, например, не хватало автомашин для вывоза скота на мясокомбинаты городов Горького и Казани. Колхоз «Знамя труда» выделил для нас транспорт. Зато сам Евтихий Андреевич интересовался, каким же образом добиваемся мы высоких надоев. В то время самые высокие надои мы получали от коров красногорбатовской породы. И в «Знамени труда» тут же взяли наш опыт на вооружение — обзавелись такими же высокоудойными коровами.

Как-то у нас в республике была организована поездка по обмену опытом в Болгарию большой группы руководителей передовых хозяйств. Из нашего района были Андреев Евтихий Андреевич, я и еще один председатель. Ехали мы через Москву в одном купейном вагоне, о чем только не переговорили за долгую дорогу. Между прочим, в Софии на встречу с Евтихием Андреевичем специально приехал известный болгарский писатель Ангел Тодоров, который давно уже дружил с Андреевым. Даже приезжал к нему раньше, во время посещения Чувашии, бывал и на

Чувашская делегация в Болгарии

моргаушском районном празднике песни. Мы все его уважали, и он уважил земляков Евтихия Андреевича: все мы были приглашены в гости в Софию. Поездка по Болгарии была очень интересная, много мы почерпнули нового, полезного для работы во время знакомства с болгарскими сельхозкооперативами.

Да, мы всегда и во всем долгие годы постоянно использовали передовой опыт колхоза «Знамя труда», его талантливого руководителя — самородка Андреева Евтихия Андреевича, до конца отдавшего свою жизнь любимому делу, доказавшего силу колхозного крестьянства. Низкий поклон ему от меня, его ученика.

Николай Васильев

ЖИЛ, ОПЕРЕЖАЯ ВРЕМЯ

Считаю себя счастливым человеком в этой жизни, потому что работал в одно время с такой неординарной личностью, как Евтихий Андреевич Андреев.

После окончания сельхозинститута я работал в соседнем со «Знаменем труда» колхозе «Свобода». Сначала был агрономом-семеноводом, а в 1978 году меня избрали председателем. Поля колхозные наши находились рядом, и мы всегда свои посевы сравнивали с посевами на полях колхоза Е. Андреева, и с «белой» завистью отмечали, что у Евтихия Андреевича лучше. Поражались тому, как он из всего самого, казалось бы, незначительного, умел извлекать копейку. Вскоре у нас сложились с ним дружеские отношения. Мы ежедневно созванивались. Чаще все-таки звонил он, потому что я был намного моложе, и стеснялся звонить первым. Звоня, Евтихий Андреевич интересовался всегда делами нашего хозяйства: что посеяли, какие планы на будущее. Очень часто помогал советами. Между нашими колхозами пролегала водная «граница». Как-то мы у себя в «Свободе» со специалистами — землеустроителями уточняли величину этой границы. И как были удивлены, выяснив, что «Знамя труда», в отличие от нас, использует буквально каждый метр берега речки, каждый клочок земли. Настоящий, рачительный хозяин!

После весенне-полевых работ он всегда объезжал поля, и не только своего колхоза, а и нашего. Сравнивал, анализировал, а потом делал замечания или же отзывался одобрительно. Я всегда

прислушивался к нему, не обижался на критику. Во многих людях бывает какая-то зависть к успехам других, а он всегда искренне умел радоваться им. Мы потянулись за «Знаменем труда», и вскоре тоже стали колхозом-миллионером.

Как-то меня направили на районные курсы повышения квалификации. И мы вскоре встретились с Евтихием Андреевичем Андреевым в райплане. Он радостно приветствовал меня: «Где ты пропадаешь, давненько не видно — не слышно тебя?» Мне было очень приятно, что такой знаменитый человек проявил ко мне столь живой интерес. Но он тут же поинтересовался, чему учат на курсах: «Экономике, — отвечаю, — и всему тому, как поднимать колхозы». Он скептически усмехнулся: «Как же они собираются поднимать, — рычагом, домкратом или подъемным краном? Работать надо, причем, с умом, вот и весь секрет».

И так вот, используя свои знания и его опыт, я учился у Евтихия Андреевича тому, как лучше вести хозяйство.

Случилось мне как-то вместе с нашим агрономом заглянуть в правление колхоза «Знамя труда». Тут заходит колхозный водитель и говорит, что нет какой-то очень нужной запчасти. Евтихий Андреевич тут же достает из кармана деньги и дает ему: «Бери, сколько надо, потом представишь авансовый отчет в бухгалтерию». Меня очень удивило тогда такое доверительное отношение к людям. Да и сам он держался всегда просто, поэтому было приятно находиться рядом с ним, беседовать. И вот настало время обеда. Он сказал: «Пора обедать, пошли ко мне». Нам, конечно, было очень любопытно, как же живет дома столь прославленный человек, председатель колхоза, Герой Социалистического Труда. Дом его находился совсем недалеко от правления. У порога нас встретила гостеприимно его жена, Татьяна Егоровна, — приветливая, добродушная. Дом у него оказался совсем обычный, пятистенный. Ни в самом доме, ни в надворных постройках никаких излишеств. Вскоре Татьяна Егоровна накрыла стол: из печки достала щи, выставила бутылку коньяка. Евтихий Андреевич всем налил по маленькой рюмке, выпил и сам чуть-чуть для

приличия: мы знали, что он не пьет. Затем налил нам по второй, однако, при этом сказав, что я этим не увлекаюсь и вам не советую. После обеда повел показывать свой сад, огород. Тоже очень ухоженные.

Когда у микрофона Е. Андреев — зал замирает

Я всегда удивлялся его памяти. Людей знал и звал всех только по имени и отчеству, знал и их родственников, детей, знал, у кого какая семья. А сколько цифровых данных носил в голове! Когда нас, руководителей колхозов, собирали в райцентр на совещание и Евтихий Андреевич выходил на трибуну, мгновенно наступала гробовая тишина: кто восхищенно слушал, а кто — и со страхом: не задел бы и его. Доставалось частенько руководителям слабых колхозов, потому что говорил он прямо в глаза, называя вещи своими именами, называл и конкретные фамилии. Выступая, не фальшивил, говорил искренне. Пусть и был прямолинеен, но с ним всегда можно было найти общий язык, договориться.

Это был очень целеустремленный, прогрессивный руководитель. Вот сегодня говорим о рыночной экономике, — а у него в колхозе она давно была таковой. По своим взглядам он был одновременно и коммунист, и демократ, — кто угодно, только не демагог. Он спорил, отстаивая свою правоту.

Когда Моргауши стали районным центром, у Евтихия Андреевича начались конфликты с начальством, потому что оно то и дело настаивало на отчуждении колхозных земель, и в первую очередь, для газопровода. Но служба по рытью и укладке труб проявляла нередко неоперативность, нерасторопность, и весной

земля могла остаться незасеянной. И уж этого-то он не мог позволить. Не то, чтоб отдавать гектары колхозных земель, — тропинку даже запрещал прокладывать в ненужном месте, потому что умел по-хозяйски использовать каждый клочок. Ведь основным источником дохода колхоза была именно земля. Всецело отдавался только работе, знал только работу, не считался с временем и здоровьем, — про таких сегодня говорят «трудоголик».

2 июня 1981 года позвонил мне с утра Евтихий Андреевич. Поинтересовался моими планами, а потом предложил поездить вместе по территории района. Я, конечно, с удовольствием согласился, но у меня не было машины. Через какое-то время он прислал за мной свой УАЗ, и мы поехали по полям. Сначала осмотрели поля «Знамени труда», затем — колхозов имени Чапаева, имени Кирова. Потом поехали в колхоз имени Суворова, к его другу Павлову В.П. То, что увидели здесь на полях, просто разъярило его: на 60 гектарах ничего не взошло. Ох, и досталось другу — председателю за такое отношение к земле! Потом он несколько остыл и стали вместе думать, что же делать. Посоветовали обработать этот участок сеялочными агрегатами, — разрушая образовавшуюся корку, — чтобы появились всходы. После этого поехали в наш колхоз.

Вот и новое лето наступило...

Целый день Евтихий Андреевич держался, как всегда, бодро, но я чувствовал, что ему нездоровится. Но и предположить тогда не мог, что через два дня его не станет. Это была моя последняя встреча с Евтихием Андреевичем. Я испытал и до сих пор испытываю великую горечь утраты. В жизни бывает много проблемных ситуаций. И я в таких случаях всегда думаю: как бы он

поступил в решении того или иного вопроса? А для меня однажды сложилась такая именно трудная ситуация. Вскоре после смерти Евтихия Андреевича на меня посыпались жалобы, анонимки в ЦК партии из-за того, что не вступаю в партию. Я тогда не смог сам себя защитить. А Евтихий Андреевич, уверен, защитил бы меня. Но не оказалось тогда рядом такого человека, как он, — который бы понял и меня, и убедил бы других в моей правоте. И сняли меня с поста председателя.

Время идет. Ныне я вновь возглавляю сельхозпредприятие «Свобода». Уж 20 лет, как нет с нами Евтихия Андреевича. Но образ его стоит перед глазами. Все мы, кто знал его, стараемся перенять его лучшие черты. Это — Человек с большой буквы. Жил он, опережая время. Тогда колхоз, руководимый им, славился на всю республику. Теперь же многое изменилось в худшую сторону. Упала производительность труда, снизилось поголовье скота, нет навоза, удобрений, денег, а лучшие земли отдали под приусадебные хозяйства людям, которые не имеют никакого отношения к хозяйству.

Говорят, от одного человека немногое зависит. Оказывается, зависит, если он настоящий руководитель. Не зря же колхозники хозяйства, носящего имя Е.А. Андреева, часто сейчас говорят: «Эх, если бы был жив Евтихий Андреевич...».

Кронид Сретинский

ИХ СВЯЗЫВАЛА НАСТОЯЩАЯ МУЖСКАЯ ДРУЖБА

Мой муж, Зайцев Василий Васильевич, Герой Социалистического Труда, после 22-летней работы председателем колхоза «Победа» Яльчикского района в феврале 1964 года был переведен в отстающий тогда колхоз имени А.Г. Николаева.

Первыми его практическими шагами в подъеме хозяйства

стали поиски сортовых, высоких репродукций семян для проведения весеннего сева. Семенами яровых зерновых поделился родной колхоз «Победа», а Евтихий Андреевич помог ему, выделив элитные семена сортового картофеля, — с условием сдачи клубней из нового урожая в счет колхоза «Знамя труда», что, конечно, и было сделано. Кроме того, Евтихий Андреевич лично приехал в Шоршельский колхоз и, увидев на ферме коров, дающих всего по 500–700 литров молока в год, сам предложил В.В.Зайцеву несколько высокопродуктивных телок красногорбатовской породы. Эта группа телок и стала началом создания хорошего молочного стада и в этом хозяйстве. Да и на протяжении всей жизни Василия Васильевича и Евтихия Андреевича связывала настоящая дружба мужчин, болеющих по-настоящему за порученное дело, за землю, народ, живущий на ней, чувствовавших высокую ответственность перед государством.

Прощай, Евтихий Андреевич...
(Слева — В. Зайцев)

Я лично познакомилась с Евтихием Андреевичем, будучи на посту заместителя министра сельского хозяйства Чувашии, — было это с марта 1963 года по август 1978 года. Колхоз «Знамя труда» являлся тогда семеноводческим хозяйством по возделыванию семенного картофеля высоких репродукций, и его семена пользовались исключительным спросом не только в нашей республике, но и за ее пределами, и даже отправлялись на далекую Кубу. Меня, конечно, не мог не заинтересовать такой ценный опыт выращивания клубней отличного качества. И была удивлена простотой технологии: посадка вручную под соху, нормальная гус-

Высокие гости из Чебоксар: слева — С. Ислюков, Е. Васильева-Зайцева

тота, участки отводились после озимой ржи, и после каждого дождя, в оптимальные сроки, всего за 1-2 дня картофельные плантации добротно окучивали, и это делалось не менее двух раз за вегетацию. Уборка велась при полном созревании клубней вручную, урожай сразу складывали в мешки и перевозили в хранилища (семена — в семенные, фуражный — в другие склады).

Хорошо было организовано здесь и производство навоза, солому не жалели для подстилки на фермах, скот, свиньи, овцы лежали, как на перинке, в простейших животноводческих помещениях, где совсем не было специфического запаха. На примере опыта колхоза «Знамя труда» мы учили агрономов и руководителей хозяйств и целесообразности клеверных паров в республике, особенно, в северных районах. Однако, мне стоило большого труда убедить Евтихия Андреевича начать возделывать люцерну и пшеницу, вплоть до того, что не раз лазили мы с ним на верх клеверной скирды, чтобы убедить его, что клеверное сено (непок-

рытое сверху соломой) быстрее и на большую глубину пропускает влагу от дождя и снега, и теряет качество. Зато на следующий год все скирды в колхозе укладывались на слой соломы и были тщательно укрыты ею сверху.

Он удивлял своим практицизмом и одновременно непосредственностью, хотя и отличался некоторым «консерватизмом» — не признавал кукурузу, был ярым противником специализации и концентрации сельскохозяйственного производства, перевода оплаты труда колхозников с трудодней на денежную. Но всегда был честным, принципиальным, прямым человеком. Если в чем-то твердо убежден, то для него никакие высокие посты и ранги не были тормозом для доказательства своего мнения. Евтихий Андреевич Андреев — это настоящий самородок республики.

Евлалия Васильева,
Герой Социалистического Труда

ПОХВАЛИЛ ЗА СМЕКАЛИСТОСТЬ

Впервые судьба свела меня с Евтихием Андреевичем, когда мы вместе ездили в туристическую поездку в Болгарию в составе большой группы специалистов сельского хозяйства Чувашии. Был я главным агрономом ядринского колхоза «Заветы Ильича», в котором позже бессменно проработал председателем более 15 лет. В составе моргаушской делегации был и Андреев Евти-

хий Андреевич.

Когда выехали из Москвы, наша группа оказалась в соседнем купе с моргаушской делегацией, потому мы с ними начали часто общаться. Евтихий Андреевич был очень общительный, активный собеседник и всегда высоко держал свою «марку», зачастую в беседах по вопросам земледелия, ведения сельского хозяйства высказывал свое особое мнение, за что некоторые наши попутчики, честно говоря, его даже невзлюбили. А я, как совсем молодой тогда еще специалист, очень заинтересовался им, его рассказами о колхозе «Знамя труда», о методах работы с людьми, — и слушал буквально с «открытым ртом». Он меня тоже «признал» и был со мной в самых хороших отношениях. В поездках по Болгарии я тоже старался держаться к нему поближе. И очень было интересно наблюдать, как Евтихий Андреевич живо интересовался жизнью и бытом болгар, — всегда был в первых рядах на всех экскурсиях. Тем более, как оказалось, в Болгарии у него немало друзей из писателей, других знаменитых людей, с которыми он нашел возможность встретиться. Когда приехали в Пловдив, он связался со знакомым председателем одного сельхозкооператива, который сразу же в телефонном разговоре пригласил его в гости. Мы приехали в Пловдив к вечеру, и сам председатель кооператива уже ожидал у гостиницы. Андреев Е.А. тут же добился у руководителя туристической группы разрешения не только самому поехать с ночевкой в этот кооператив, но и чтобы вместе с ним отпустили и меня.

И уже часов в восемь вечера мы двинулись на машине нового знакомого в кооператив, который располагался в 30 километрах от Пловдива. Но по дороге вдруг вышел из строя мотор «Волги» (легковые автомобили приобретались Болгарией в нашей стра-

не). Председатель кооператива очень расстроился, и Евтихий Андреевич успокаивал его, — мол, в жизни случается всякое, хорошее и плохое, и надо стойко все это переносить. По телефону связались с кооперативом, и вот уже навстречу нам выслали сразу две «Волги». Мы быстро пересели в них, и к полуночи нас встречали у здания правления. Собралась вся элита района, около 50 человек. У Болгарии с нашим государством были тогда очень хорошие отношения, и нас, посланцев Чувашии, на руках внесли на второй этаж, где в нашу честь устроили великолепный прием. Нас приняли как родных братьев, тем более, что мы у них оказались первыми гостями из Советского Союза. Гуляли вместе с членами кооператива до утра, ели самые дорогие национальные блюда, пили фирменные болгарские вина, в том числе, 25-летней выдержки. Хозяева заметно захмелели, но мы держались достойно. С Евтихием Андреевичем пели вместе чувашские народные песни. Потом нас попросили исполнить чувашскую пляску. Я начал играть на баяне плясовую, а Евтихий Андреевич лихо пошел плясать, а за ним — и все присутствовавшие в зале. Потом в нашу честь устроили салют из пистолетов: все, кто имел при себе пистолет (в Болгарии разрешалось носить их ветеранам войны), стреляли через открытое окно вверх по 5 раз.

А утром нас повели показать Дом культуры, животноводческие помещения. Пробыли в кооперативе до самого вечера. Мы с Евтихием Андреевичем остались очень довольны этой встречей. И он потом убежденно сказал мне, что у нас в Чувашии лет через 10-15 будет еще лучше и краше, чем у них.

Когда в 1973 году я стал работать председателем колхоза, решил поближе познакомиться с хозяйством «Знамя труда». Что меня поразило в первую очередь? То, что в правлении находился он один, — ни бухгалтера не было, ни других людей. Оказывается, в правлении здесь давно нет лишних работников, большинство вопросов, даже денежные, решает сам председатель. В правлении мы не задерживались. Он повез меня в поле. Сев зерновых тогда уже был завершен, шла посадка картофеля. Я был пора-

жен: клубни сажают сохой и тут же вносят перегной в смеси с минеральными удобрениями. Он при мне строго спросил у бригадира, по норме ли вносятся удобрения, а бригадир сам работал наравне с колхозниками. Проверил и качество посадочного материала, велел сажать картофель погуще, на глубину не менее 8-10 сантиметров. С колхозниками все время шутил, у каждого спрашивал, сколько за день они посадят картофеля, сколько зарабатывают трудодней, хвалил, если быстро отвечали на его вопрос.

Потом поехали к колхозным амбарам, где колхозники перетаскивали зерно из одного амбара в другой. Я удивился: почему это они делают? Евтихий Андреевич объяснил, что это — рожь трехлетней давности и, чтобы зерно не портилось, решили его проветрить и пропустить через сортировку. Тут же сообщил мне, что у них в колхозе всегда хранится зерно на случай стихийного бедствия: имеется годовой запас.

Потом поехали через овраг к животноводческим помещениям. Я сразу обратил внимание на целый ряд стогов сена по краю оврага. Как оно там оказалось? Евтихий Андреевич обстоятельно объяснил мне, что они по оврагам не пасут летом скот, для этого выделяются правлением колхоза специальные участки, что там они косят сено. И где уже задернено и нет эрозии почвы, получают хороший урожай сена. Его стогуют на жердяных мостках, и оно хранится очень долго. А сену в стогах, которое мы осматривали, уже два года.

В животноводческих помещениях меня поразил порядок: хотя они простые, деревянные, нигде нет ни одного пучка бесхозной соломы или сена, навоза, валяющегося на территории. Навоз аккуратно укладывается в хранилищах, на подстилку же используют только солому прошлых лет, которая хорошо впитывает навозную жижу и быстро разлагается, превращаясь в перегной. Вот почему у них всегда много перегноя, который в больших количествах используют при посадке картофеля.

А скотом на фермах я невольно залюбовался, такой он упитанный и чистый. Евтихий Андреевич первым делом дотошно ин-

тересовался удоями молока и привесами свиней. Хвалил, где все хорошо шло, но в то же время при мне, чужом человеке, отругал одного заведующего фермой за то, что рассыпал посыпку, — примерно 100 граммов.

Когда ехали обратно, притормозили у кузницы: там стояла чужая грузовая машина, около нее возились шофер и кузнец. Евтихий Андреевич подозвал кузнеца и спросил, почему в рабочее время он не на месте. Тот ответил, что чужой шофер просил помочь в ремонте машины, и он дал ему ключ. Евтихий Андреевич тут же вытащил из кармана бумагу и велел кузнецу написать расписку в том, что получил из кассы колхоза 10 рублей, и что это — штрафная сумма за нарушение трудовой дисциплины и стоимость ключа. Кузнец извинился и дал расписку, пообещав больше не делать подобных перерывов в рабочее время. При возвращении в правление колхоза расписку от кузнеца он отдал колхозному бухгалтеру, чтобы при расчете удержал эту сумму.

Тогда же я обратил внимание, что на улице целые штабеля лесоматериалов и дров. Откуда они и почему их так много? Евтихий Андреевич сказал, что всегда и во всем надо быть бережливым и запасливым, а дрова — из-за Волги, где они в лесосеке ежегодно заготавливают лесоматериал для колхоза и для колхозников, ну, а запас всегда пригодится на черный день.

Вторая поездка в колхоз «Знамя труда» состоялась осенью 1976 года, в то время в разгаре была жатва. Убирали овсяное поле вручную, серпами, снопы складывали в копны, а копны возили на лошадях и на машинах. На току молотили на молотилках. Зерно тут же вывозили сразу на склад, мякину — отдельно складывали в сарай, а солому скирдовали недалеко от молотилки. На скирдовании работало 12 человек, среди них было много молодежи. Евтихий Андреевич показал на одного парня, дипломированного агронома, и сказал при нем, что, мол, год или два поработает рядовым, покажет себя с хорошей стороны, тогда можно будет доверить работу бригадира или агронома.

В то время в колхозе имелось два комбайна, они убирали

хлеб на дальних участках. Солому скирдовали по краям полей, а скирды выглядели как на картинке. На полях высились и скирды двухлетней давности, сохранившие свой вид и качество. После скирдования их обычно не трогали до тех пор, пока не начнут вывозить к фермам в день их использования.

Нельзя было не залюбоваться и на состояние картофельных полей: они были без единого сорняка. Все работы выполнялись вручную, но колхозники делали это охотно, потому что трудодень в колхозе был весомый, на них выдавали и зерно, и солому, и деньги. Сельчане хорошо зарабатывали, поэтому старались остаться в колхозе, ни от одной работы не отказывались.

На следующий год пригласил Евтихия Андреевича приехать уже в наш колхоз. Он охотно согласился. И в первую очередь попросил показать ему посевы зерновых и посадки картофеля. Наши хлебные нивы были хорошими, ведь весной почти все зерновые посеяли перекрестным способом, семенные участки весной пробороновали после всходов, поэтому и сорняков здесь не было. Он остался доволен. Побывали и на участке посевов кукурузы, где она занимала 30 гектаров и к той поре достигла высоты около метра. Скептически взглянув на кукурузу, он сказал, что мы зря затратим много энергии, хотя это не даст той отдачи, которую мы ожидаем. Я возразил, что получим с этого участка не менее 600 центнеров с гектара зеленой массы, и что кукуруза оправдает себя. Он, наконец, согласился со мной: «Хорошо, проверим результат осенью». Действительно, в том году с этого участка мы получили по 680 центнеров с гектара зеленой массы, о чем при встрече я ему с гордостью сообщил. Но Евтихий Андреевич до конца жизни так и остался противником кукурузы.

После обеда мы заглянули с гостем в лагерь КРС, и ему понравилось место, где он располагался. А вот когда приехали на животноводческий комплекс, чтобы посмотреть ход ремонта помещения, он тут же сделал мне замечание, — что зря занимаемся внедрением механической дойки, так как, по его словам, самая лучшая форма доения — ручная, и что при этом корова ощущает

тепло рук доярки, ее любовь, и потому больше даст молока. К слову сказать, очень тогда удивил всех нас Евтихий Андреевич еще при подъезде к этой ферме: первым делом, встал на колени, и, посмотрев на восток, начал креститься и класть поклоны. Он потом мне пояснил, что так делает всегда, когда впервые встречается с невиданным явлением. А удивился он тому, что у нас стояли здесь две высоченные силосные башни. Сразу начал меня ругать за то, что заполняем сенажом эти башни, и что там обязательно сенаж испортится, — зря только затрачиваем нашу энергию. Между прочим, впоследствии в одной силосной башне масса и в самом деле испортилась. Он оказался прав.

Но под конец он все же оценил мою работу в качестве руководителя колхоза как «удовлетворительную», сказал, что впредь будет чаще приезжать и следить за нашей работой.

Как-то весной во время весеннего сева, когда я являлся членом ревизионной комиссии обкома КПСС, собрали нас в обкоме и дали задание проверить работу первичных парторганизаций ряда колхозов Моргаушского района. Никто не соглашался ехать с проверкой в колхоз «Знамя труда», — боялись Евтихия Андреевича: порассказали нам моргаушцы, как он накануне по какому-то поводу устроил целый скандал в райкоме, ругался с первым секретарем, и тот, зная о наших с Андреевым Е.А. дружеских отношениях, попросил меня поехать в колхоз. Я охотно согласился. В правлении председателя не было, отыскал его на ферме КРС. Встретил меня приветливо и сходу начал рассказывать о работе хозяйства и о колхозниках, о том, что планы продажи животноводческих продуктов выполняются хорошо. Сказал, что у них есть лишний скот на откорме свиней, но он не намерен сдавать их до тех пор, пока не наберут вес до 120 кг, а, мол, в райкоме и райисполкоме требуют от него, чтобы немедленно сдать их государству, так как в районе со сдачей мяса дела идут неважно. И, видно, еще не остыв от вчерашних «баталий», тут же начал ругать районных руководителей, — что они как следует не знают положение в колхозах, что бюрократы и сидят на бумагах, мало

ездят в хозяйства, и что в «Знамени труда» давно их не видно, — парторганизациями руководят плохо. Не меньше был зол за спуск «сверху» планов посева и посадок, за то, что требуют сеять кукурузу. Я Евтихию Андреевичу ни словечком не сообщил о цели визита, — в таком возбужденном состоянии он мог бы просто вежливо попросить уехать ни с чем. И сказал ему, что желательно бы посмотреть ход работы на весеннем севе, — набраться опыта. Он тут же вызвал агронома Ильину Еннафу Алексеевну, и дал задание поездить со мной по полям. При этом строго попросил меня более критически подходить к проверке полей, посевов зерновых, не утаивать от него обнаруженные недостатки.

И вот мы на колхозной легковой машине начали объезжать поля. Агроном Еннафа Алексеевна в то время была одновременно секретарем первичной парторганизации, ей-то я сразу рассказал о цели моего визита. Во время поездки по полям я ознакомился с работой парторганизации в ходе весенней страды, а по возвращении в правление — с документами, но об этом самому Евтихию Андреевичу мы договорились ничего пока не рассказывать. Так и сделали. Евтихий Андреевич уже ждал нас, и я «отрапортовал» ему, что работа механизаторов меня вполне устраивает, только вот на одном поле зимой боронование провели с огрехами, а на другом участке на поверхности почвы кое-где лежат семена гороха. Председатель строгим тоном потребовал от Е.А. Ильиной, чтобы боронование озимой ржи провели повторно за счет работавшего здесь зимой тракториста, а горох заделывали бы в почву вручную, — за счет агронома и бригадира полеводческой бригады. Я мысленно пожалел агронома и подумал, что не надо было об этом рассказывать, — все-таки заделка гороха была плохой лишь местами, по углам полей, где сеялки проходили дважды.

Сказал я Евтихию Андреевичу и о том, что на полях, примыкающих к селу Моргауши, при мне какие-то люди вывозили мусор и сваливали его на краю полей. Евтихий Андреевич немедленно связался со службой ЖКХ и потребовал сей же час убрать этот мусор с территории колхоза. Он искренне поблагодарил меня

за все, что я ему сообщил, и повел пообедать.

Ловко ж меня провели!..

В райкоме я по свежим следам составил положительную справку о работе партийной организации колхоза «Знамя труда» и представил в обком. А примерно через два месяца Евтихий Андреевич самолично специально приехал ко мне в колхоз и все поражался, как же я ловко провел проверку работы первичной парторганизации его колхоза, сказал, что я оказался первым человеком в его жизни, который сумел так его обмануть. Я возразил, что в то время просто нельзя было ему напрямую сообщить о цели приезда в колхоз, уж очень он тогда рьяно критиковал работу районной парторганизации. Похвалил меня Евтихий Андреевич за смекалистость, сказал, что доволен работой колхоза «Заветы Ильича», где уже внедрены некоторые его методы. Мы договорились встречаться почаще и по-прежнему помогать друг другу советами, обмениваться мнениями по тем или иным вопросам жизни колхоза.

Очень запомнилась мне поездка в «Знамя труда» 5 мая 1981 года: вместе с нашим главным зоотехником мы приехали сюда договариваться о покупке 30 голов телок красногорбатовской породы для обновления своего стада. Евтихий Андреевич не возражал. Все вместе поехали на ферму КРС. Мы хотели сразу же выбрать телок, чтобы после оплаты забрать. Они находились в деревянных помещениях, все были упитанные и очень нам понравились. Но при осмотре я обнаружил у одной из телок небольшой лишай, размером с 2-копеечную монету. Евтихий Андреевич, увидев его, очень рассердился на своего ветеринарного работника и заявил ему, что если в течение месяца не вылечит полностью телку, то немедленно будет уволен.

Эх, где мои 25 лет!..

Договорились через месяц встретиться вновь и еще раз проверить состояние «наших» племенных телок. Ну, а нас с зоотехником председатель пригласил пообедать в местный ресторан. Не было еще и полудня. Народу в ресторане оказалось мало, всего-то обедающих три человека. Нас Евтихий Андреевич повел в банкетный зал. За свой счет заказал хороший обед. Из общего зала силком привел за наш стол всех троих посетителей ресторана, сказал, что это его друзья. Сам угостил всех нас коньяком, налил коньяку и работникам кухни, при этом шутил с официантками — эх, мол, где мои 25 лет, я бы показал, где раки зимуют, подбадривал их, — очень уж все они смущались. Сам же выпил только одну маленькую рюмочку, сказав, что больше пить ему нельзя. А пообедать с нами вместе охотно согласился и ел все, что подавали на стол. Потом поблагодарил всех работников кухни и буфета за хорошее обслуживание, тут же расплатился с ними.

Мы не знали, что видим его живым и таким радостным последний раз. Через месяц Евтихия Андреевича не стало…

Не стало замечательного человека, крупного руководителя, но его дела и думы мы у себя в колхозе продолжали претворять, пока я работал председателем колхоза до ноября 1989 года, а его мудрые советы и методы работы живут в нашем хозяйстве до сих пор.

Вот главное, чему у него учился и внедрил в практику своей работы:

1. Самостоятельность в решении проблем.

2. Умение не пасовать перед трудностями и решать их быстро и решительно, не дожидаясь указаний сверху.

3. Требовать четкой работы от всех специалистов и колхозников, а работу по агротехнике выполнять всегда без нарушений.

4. Борьбу с эрозией почв.

Очень много сделал Андреев Евтихий Андреевич для нашего колхоза «Заветы Ильича». Помог нам выйти в число передовых и в районе, и в республике.

Вячеслав Александров

И УБЕДИЛ СОМНЕВАЮЩИХСЯ

Одним из самых интереснейших людей, с которыми мне довелось встречаться в жизни, несомненно, был Евтихий Андреевич Андреев, Герой Социалистического Труда, председатель колхоза «Знамя труда» соседнего Моргаушского района.

И сейчас, по прошествии многих лет, некоторые картины, связанные с его поистине незаурядной личностью, стоят перед глазами моими.

...Вот в Доме политпросвещения, что был тогда рядом с Домом Советов в Чебоксарах, идет республиканское совещание. Зал битком набит. Вдруг поднимается, просит слова и уверенно проходит к трибуне незнаковый мне тогда мужчина. Помнится, в кителе, галифе и в чёсанках. И он самым резким образом ополчается на модную тогда кукурузу и доказывает выгодность, в противовес этой культуре— южанке, возделывания картофеля в Чувашии.

— Евтихий Андреевич, Евтихий Андреевич — шепот в рядах. Тогда ведь совещания проходили несколько по-иному, чем

сейчас. Попробуй, выступи против линии партии. В среде руководителей чувашских колхозов он был в ту пору, наверное, единственный такой бесстрашный. Отличные результаты его работы, полная поддержка всех дел и начинаний членами колхоза давали ему возможность оставаться самим собой не только в частных беседах, но и на больших «форумах», как выражаются сейчас. Раз я слышал на каком-то региональном совещании аграрников, — то ли в Нижнем Новгороде, то ли где еще — его чуть не милицией запугивали за смелое выступление против дурости в руководстве аграрными делами.

Таково было мое первое лицезрение Евтихия Андреевича. Был тогда я совсем молодым председателем колхоза, работал еще не более 2-3 лет.

...Опыт колхоза «Знамя труда» сыграл неоценимую роль для нашего хозяйства в природоохранной работе, в борьбе с эрозией почвы. Если мы чем и были «богаты», когда я начинал председательствовать в «Ленинской искре», — так это оврагами, большинство из которых были действующими. На крупномасштабной карте колхоза они казались какими-то стоногими чудовищами, впивающимися в живое тело земли, чтобы высосать всю ее плодородную силу. И в самом деле: на крутых склонах половодьями был снесен почти весь плодородный слой, 80% пашни в той или иной степени подвергалось эрозии.

Сердцевиной успеха в борьбе с эрозией в нашем колхозе стало регулирование, а в большинстве оврагов — и прекращение пастьбы скота. Путеводной звездой в этом стал для нас практический опыт колхоза «Знамя труда». С великими трудностями, в течение нескольких лет, решали и мы у себя этот вопрос. Но колхозники не очень-то «поддавались». Ведь других угодий для выпаса скота у нас тогда не было, и уже ранней весной неокрепший травяной покров на склонах оврагов вытаптывался, с корнями выбивался скотом, — и вот уже новые и новые промоины, маленькие овражки наступали на пашню. Без прекращения пастьбы скота в оврагах невозможно было и вырастить посаженные на скло-

нах ивы и другие деревья, — вообще, невозможно было успешно бороться с оврагами. А любое нововведение лишь только тогда «приживается», если его поддержат большинство колхозников.

И вот весной и летом 1971 года вопрос о прекращении до сенокоса выпаса скота в оврагах и содержания его на подворьях обсуждался как никогда детально: на собраниях бригад и уполномоченных, на партсобрании и сессии сельсовета, на сельских сходах всех деревень. Ну, а тех, кто продолжал сомневаться или вообще был против новшества, мы на двух машинах повезли к Евтихию Андреевичу Андрееву в колхоз «Знамя труда», который сейчас носит его имя. В этом хозяйстве давно уже успешно применялся такой способ содержания скота. И Евтихий Андреевич убедил-таки всех сомневающихся в необходимости в наших условиях именно такого способа содержания домашнего скота.

И «лед тронулся»! По их возвращении в «Ленинскую искру» провели еще одно, последнее, собрание по этой проблеме, и народ согласился получить готовое сено и солому с колхозных полей для кормления скота, — с условием, чтобы с будущего года вплоть до сенокоса уже не выпускать его пастись в овраги. И с того времени регулирование пастьбы в оврагах (то есть не выпускаем туда скот вплоть до 12 июля) стало для коллектива нашего колхоза святейшим делом.

...Помню республиканский семинар в «Знамени труда». Свиноферма — деревянная. Чистота абсолютная. Свиньи — одна к одной, хоть на выставку. Корм — нестандартный картофель, мука овсяная с горохом со своей мельницы и, помнится, мелко дробленое на ДКУ клеверное сено. Нам тогда здесь наглядно показывали, как надо правильно сушить клевер — небольшими «копешками», в которых он быстро высыхает в любую погоду.

В «Знамени труда» хлеба тогда убирали серпами. Снопы сразу складывали в большие скирды и потом постепенно обмолачивали их молотилкой на току. При этом вся полова (3 килограмма половы равняются по кормовой ценности 1 килограмму овса) шла на корм коровам, а не терялась, как при комбайновой уборке. В

тех конкретных условиях при данной организации дела ручная жатва (как и многие другие здешние ручные работы) себя оправдывала. Расходы на ГСМ, комбайны, запчасти к ним, амортизационные затраты и многое другое просто-напросто отпадали. И за свой труд в «Знамени труда» колхозники получали высочайшую среди других хозяйств республики оплату, — как деньгами, так и натурой (зерно, сено, солома и т.д.). Источниками дохода становились, в основном, интенсивное производство мяса, молока, картофеля и умелая их реализация.

Просто поразила меня тогда главная улица в Моргаушах — в штабелях дров и добротных лесоматериалов. Евтихий Андреевич в своем колхозе не пользовался углем, а отапливал и кормокухни, и другие здания исключительно дровами, причем, очень дешевыми — за счет санитарной рубки в лесах Заволжья.

...Как-то и у нас в колхозе, в Ядринском районе, провели большой семинар по организации противоэрозионной работы, кажется, Всероссийский, в 1976 году. Когда собравшийся народ уже двинулся большой группой по его маршруту — мне потом рассказывали, — к конторе колхоза подъехал Евтихий Андреевич. Присоединяться к остальным он не спешил: порасспросил о программе семинара, его маршруте, потом перекусил в своей машине взятым с собой хлебом и домашним сыром (в столовую, что рядом, не стал заходить) и, взяв с собой одного из наших специалистов — бригадира подрядной бригады, поехал самостоятельно по следу семинара.

И, как мне потом передали, перед выездом он предупредил: никакой показухи, показывайте, все как есть.

...И еще один свой визит в «Знамя труда» вспоминаю. Евтихий Андреевич был не только сильнейший производственник, отличный хозяин, но и редкий интеллектуал. Зашел я тогда в контору его хозяйства, но никого из специалистов там не оказалось. Пол, если не ошибаюсь, был некрашеный, чисто выскобленный, светлый. По-домашнему уютно почувствовал себя в таком помещении. И что еще больше всего запомнилось и поразило– на сто-

Всем колхозом прощались с ним

ле множество толстых московских журналов, которыми и я уже в то время начал весьма интересоваться.

...Запомнились также похороны Евтихия Андреевича — длиннейшая процессия прощавшихся.

...Для меня, тогда сравнительно молодого председателя, жизненный подвиг незабвенного Евтихия Андреевича Андреева стал, как сейчас говорят, знаковым явлением. Ведь будто о нем эти поэтические строки:

Вперед! Через борьбу и победы!
Намечена цель — и не может быть отмены приказа.

(Уитмен)

Аркадий Айдак

Часть III

В МАСШТАБАХ РАЙОНА, РЕСПУБЛИКИ, СТРАНЫ

В городе — хорошо, а у нас на селе — лучше

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА: ЕВТИХИЙ АНДРЕЕВ

Говорят в народе: «Хлебороб живет грядущим днем». Глубока народная мудрость, далеко заглядывает она. Грядущий день — это не только приближающаяся уборочная страда, но и само будущее земли нашей. Каково оно — будущее хлебороба? Я верю, что и через много лет земля будет главной кормилицей народной. И сегодня щедры и богаты пашни России. А завтра они станут еще богаче, еще щедрее отдадут людям свою силу, накопленную в золоте зерен. И труд земледельца будет еще почетнее. Его не оставят любовь и признание народа.

Думы о будущем неразрывно связаны с молодежью. Ведь ей передадим мы, старые хлеборобы, эстафету любви к земле и к труду на ней. Бедно будущее, не имеющего прошлого. Молодым выпадает трудная задача: перенять все лучшее из нашего опыта и опыта старших поколений, которые накопили немало добрых традиций. Они добыты в труде, проверены временем и жизнью. Нашей смене предстоит обогатить их, ввести новые. Я думаю, что это будут замечательные традиции, наверное, лучше тех, которые передадим молодым мы.

Иногда слышишь: не любит, мол, сегодняшняя молодежь сельскохозяйственный труд, в город стремится уйти. Выдумали даже какую-то «проблему сельской молодежи». По-моему, неверно это. Человек, выросший на земле, не может не любить ее. Но только любовь эту надо развивать, воспитывать в нем. Действительно, кое-где уходит молодежь из колхозов. И если так, значит, не заботятся там о «грядущем дне», не воспитывают

хлеборобскую смену. Очень недальновидно поступают в таких хозяйствах. Это все равно, что подрубать сук, на котором сидим мы сами. И нет будущего у колхозов, лишившихся молодых и сильных рук. Прямо надо сказать, что там "горе-руководители" подрывают богатство и мощь нашей страны.

Пройдитесь по полям и фермам нашей артели, и всюду вы увидите молодые лица. Кроме особо одаренных, поступающих в вузы, все парни и девчата остаются в деревне. Работают на самых ответственных и трудных участках колхозного производства. Они и животноводы, и механизаторы, и строители. Вся молодежь занята высокопроизводительным трудом. Трудообеспечение — самая главная наша забота. Без этого не может быть и речи о подготовке смены. Ведь человек воспитывается прежде всего в труде, да и, пожалуй, только в труде. А бездельнику хоть день и ночь мораль читай — толку не будет.

Из публикаций в прессе

НЕОРДИНАРНЫЙ ТАЛАНТ

С Е.А. Андреевым я познакомился в январе 1955 года, в период работы первым секретарем Калининского райкома КПСС. Мы приглашали его, выдвинутого кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР, на встречу с избирателями. Приехал он к нам рано, и до начала собрания пожелал встретиться с И.Ф. - Кошкиным, председателем колхоза «Правда». Друг друга они знали, ибо оба успешно вели свои хозяйства. Исаак Федорович радушно встретил гостя при въезде в деревню Синьялы, и между ними сразу завязался заинтересованный разговор об общих проблемах. Обошли ферму, заглянули в конюшню, осмотрели зерносклады. Евтихию Андреевичу понравились чистота и порядок, ухоженный скот, за что он с шутками и прибаутками похвалил

животноводов, пригласил их к себе.

Пока мы знакомились с колхозом «Правда», в районном Доме культуры собралось столько народу, что заняты были все проходы. Как только вошел в зал Е.Андреев, раздались дружные аплодисменты. Председатель райисполкома, открыв собрание, предоставил слово мне, как доверенному лицу Евтихия Андреевича. Знакомя присутствующих с жизнью и деятельностью кандидата в депутаты, особо отметил такие его личные качества, как любовь и преданность труду на земле, глубокое знание своего дела, самостоятельность в суждениях и действиях, талант организатора и воспитателя. Неслучайно его, 22-летнего комсомольского активиста, в пору становления еще неокрепшего колхоза земляки избрали своим председателем. Эта трудная, но любимая ему работа была прервана призывом на срочную службу в Красной Армии, а затем Великой Отечественной войной.

Сам Е.А. Андреев в своем выступлении рассказал об экономических результатах объединенного колхоза «Знамя труда», что имело важное значение для его руководителя. В эти годы в нашем районе, как и повсюду, велась работа по оказанию помощи слабым колхозам в преодолении отставания, присоединении их к достаточно развитым хозяйствам. Хочется подчеркнуть, что убедительное выступление гостя с конкретными расчетами и данными из жизни своего хозяйства было хорошо, со вниманием воспринято руководителями. Ведь в ту пору в районе путем объединения сформировались такие крупные колхозы, как «Гвардеец», «Авангард», «Правда», имени Ульянова. Каждое из этих хозяйств сохраняло свою целостность, и в кризисные годы перестройки они не допускали обвального снижения объема производства продукции растениеводства и животноводства.

В последующие годы, когда я работал в обкоме КПСС, с Е.А. Андреевым мы постоянно встречались и в его колхозе, и на районных конференциях и пленумах обкома партии, сессиях Верховного Совета республики, различных совещаниях и заседани-

На областной партконференции. (1-й ряд: 1-я справа — К. Груздева, 5-й И. Прокопьев, 2-й слева — М. Зайцев, А. Николаев, С. Ислюков. 2-й рад: 3-й справа — В. Краснов, 6-й — Е. Андреев)

ях. Мне особенно запомнилось выступление Евтихия Андреевича на республиканском совещании 15 декабря 1965 года. На нем с докладом о состоянии и планах по дальнейшему развитию животноводства выступил председатель Совета министров республики М.В. Зайцев. В прениях выступал директор Цивильской сельскохозяйственной опытной станции М. Асанин, — покритиковал руководителей отдельных районов и хозяйств за игнорирование кукурузы, сокращение ее посевов. Председатель колхоза имени Тимирязева Ядринского района Г. Усов поделился своим опытом возделывания кукурузы на корм скоту. После этих разговоров вышел на трибуну Евтихий Андреевич. Заявив, что он целиком согласен с мнением докладчика о необходимости увеличения кормовой базы, тут же отметил, что к решению этой важной проблемы нельзя подходить шаблонно. В частности, сказал он, у них в кормовом рационе крупного рогатого скота преобладают гру-

бые корма, прежде всего, сено многолетних и однолетних трав, а при откорме свиней 50 процентов занимает картофель, что позволяет поднять рентабельность свинины до 200—230 процентов. Также подчеркнул, что от любого, самого хорошего корма не будет должной пользы, если не заниматься племенной работой. И он со свойственной ему горячностью поведал, как они добились повышения продуктивности коров красногорбатовской породы.

Хочется поделиться еще одним запомнившимся случаем, тоже связанным с возделыванием кукурузы. Как известно, Н.С. Хрущев был ярым сторонником насаждения повсюду посевов кукурузы. На зональном совещании в Горьком он сделал замечание руководству Чувашии за то, что в республике недостаточно активно распространяют опыт Кольцовского колхоза по выращиванию высоких урожаев этой культуры. В ответ на критику бюро обкома и Совет Министров разработали специальные мероприятия по расширению посевов кукурузы. Для оказания помощи местным органам в реализации данного решения направили в районы ответственных работников. В Сундырский район, где кукуруза внедрялась медленно, выехал второй секретарь обкома КПСС М. Корабельников. По возвращению сообщил, что район с заданием по севу этой культуры справился. Но позже, по официальным данным сельхозуправления об итогах весеннего сева, площадей оказалось меньше, чем планировалось. Первый секретарь райкома партии доложил, что в ряде хозяйств, в том числе и в колхозе «Знамя труда», кукуруза не дала верховьев, и потому эти площади пересеяны другими кормовыми культурами. А в характеристике, подписанной им, и предоставленной в обком партии в мае 1960 года, отмечалось, что Е. Андреев показал себя умелым организатором и практиком сельскохозяйственного производства, но он не всегда вовремя воспринимает новое, не уделяет должного внимания возделыванию кукурузы.

Хочу подчеркнуть в связи с этим, что для Евтихия Андреевича был характерен здравый консерватизм опытного хозяйствен-

Дозором обходит поля

ника. Он к любому новшеству подходил с позиции того, насколько оно приемлемо в условиях руководимого им колхоза, каково его влияние на итоги хозяйственной деятельности, а также, как оно сочетается с желанием и настроением колхозников. Так, в Чувашии еще с довоенных времен в кормлении скота большое место занимали красный клевер, вика с овсом, а позже добавилась люцерна. Поэтому он смело встал в защиту оправданного жизнью травопольного севооборота. Тем более, что моргаушцы были мастерами получения высоких урожаев этих культур. Не случайно, именно здесь не раз проводились республиканские семинары руководителей и специалистов по изучению опыта выращивания многолетних трав, их хранения и использования. Выступая перед участниками семинаров, Е. Андреев обычно резко критиковал специалистов за то, что из-за неправильной сушки под солнцем теряются питательные качества клевера и люцерны. И в поле неоднократно показывал, как колхозники вокруг стогов сена

собирают листья и соцветия трав и закладывают на хранение в закрытые помещения, ибо они по кормовой ценности равны зернофуражу.

Е.А. Андреев был не только талантливым организатором, но и опытным политиком, воспитателем масс. Он всегда откликался на события, происходящие в мире, стране и республике, так как внимательно следил за сообщениями в газетах и радио. Бывало, приедешь в колхоз, и у нас с ним завязывался разговор по многим волнующим проблемам. При этом у него был свой взгляд на те или иные явления. В формировании этих черт его характера, на мой взгляд, большую роль сыграли комсомольская юность, переросшая позже в партийно-коммунистическую деятельность в рядах Красной Армии. Он был политруком роты, затем парторгом батальона, и с этой должности вышел в запас младшим офицером. И в своей работе Е. Андреев постоянно опирался на партийцев и комсомольскую организацию, — своих ближайших помощников. Он всегда поддерживал и помогал секретарю парторганизации Е. Ильиной в проведении партийно-политической работы. Однажды с секретарем райкома КПСС Г. Андреевым мы присутствовали на одном из занятий колхозной школы экономических знаний, где Евтихий Андреевич убедительно и доходчиво раскрыл суть хозяйственного расчета в «Знамени труда».

А теперь расскажу о перспективах нашего колхоза

Не могу не рассказать о приезде А.Г. Николаева в колхоз. Это произошло вскоре после его первого полета в космос. На встречу звездного гостя собрались все жители Моргауш и соседних деревень. После теплых поздравлений хозяев выступил Андриян Григорьевич.

Председатель: «И на земле нагрузки-перегрузки бывают не меньше, чем в космосе».

Его речь постоянно прерывалась аплодисментами и приветственными возгласами. После митинга люди подходили ближе, чтобы лучше увидеть, даже тайком потрогать руками героя. Знакомясь с селом Моргауши, А. Николаев обратил внимание на большое количество аккуратно сложенных дров и с любопытством спросил: «Евтихий Андреевич, на сколько лет Вы заготовили дров?» Последовал ответ — в колхозе топят только заранее заготовленными сухими дровами, что дает возможность сэкономить немалые средства, а сырые дрова дымят, но тепла не дают.

По народной традиции, хозяин пригласил А. Николаева в свой дом на обед. Как только вошли, супруга Е. Андреева Татьяна Егоровна радостно встретила космонавта и посадила на самое почетное место за столом, накрытым гостеприимной хозяйкой сельскими продуктами собственного приготовления. Глава семьи потчевал гостя чувашским пенным пивом, разносолами из холодного погреба и традиционным национальным какай-шурби.

У Е. Андреева всегда было много почитателей и учеников из числа молодых руководителей, специалистов различных отраслей народного хозяйства. Рядом с ним трудились такие инициативные, творчески мыслящие соратники, как М. Петров, Е. Ильина, П. Оньков и другие. В каждый наш приезд в колхоз он старался показать результаты именно их работы. В ходе поездок по полям и фермам мы всегда встречались и беседовали с бригадирами, с заведующими, механизаторами и животноводами. При

этом Евтихий Андреевич подбадривал людей теплым словом, а кое-кого, бывало, и пожурит, но не обидит.

Он пристально следил и за показателями известных в республике колхозов и совхозов. Добрые отношения у него были с председателем колхоза «Ленинец» Ядринского района Ф. Юхтановым. Они в какой-то степени были схожи по характеру — смелы и самостоятельны, не склоняли головы перед вышестоящими. Перед посещением этих хозяйств оба интересовались жизнью и делами друг друга. Он тепло отзывался и о С. Яковлеве, председателе колхоза «Звезда» Октябрьского района, В. Павлове и С. Афанасьеве, руководителях колхозов имени Суворова и «Сеятель» Моргаушского района.

Жизнь и деятельность Е. Андреева была богатой и содержательной. Пройдя основательную трудовую и нравственную закалку в детские и юношеские годы, суровую армейскую закалку, он мужественно переносил все невзгоды. Несмотря на то, что его долгие годы преследовала такая тяжелая болезнь, как туберкулез легких, он отдавал все свои силы и знания решению возложенных на него задач, — сначала как уполномоченного Министерства заготовок, потом — как председателя объединенного колхоза «Знамя труда». За период его руководства в корне преобразился облик колхозных деревень и села Моргауши. В них выросли новые современные жилые дома, школы, клубы, детские и медицинские учреждения, социально-бытовые заведения. Повысилась культура земледелия и животноводства. Вошли в строй механизированные помещения для животных, обновился парк сельскохозяйственной техники, возросла оплата труда колхозников. Колхозом в 1965 году на 100 гектаров сельскохозяйственных угодий произведено мяса 86,4 центнеров, молока — 249 центнеров, шерсти — 89 килограммов, яиц — 27,7 тысяч штук.

За выдающиеся достижения в области сельского хозяйства за годы семилетки Е.А. Андрееву Указом от 30 апреля 1966 года присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда с вру-

чением Ордена Ленина и Золотой медали «Серп и Молот». Он также удостоен ордена Октябрьской революции, медали «За победу над Германией», «За доблестный труд» в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина.

Е.А. Андреев принимал активное участие и в общественной жизни. Он избирался членом Сундырского и Моргаушского райкомов КПСС, их бюро, членом Чувашского обкома партии, депутатом сельского, районного, Верховных Советов Чувашской АССР и Российской Федерации. Он пользовался огромным авторитетом среди трудящихся республики. Учитывая его бесценный вклад в развитие колхозного производства, повышение благосостояния людей и в целях увековечивания памяти Героя, колхозу «Знамя труда» было присвоено имя Е.А. Андреева.

Приятно сознавать, что он рядом с собой воспитал и вырастил достойную смену, которая умело продолжает дело, которому посвятил всю свою жизнь Евтихий Андреевич.

Илья Прокопьев

ДОБРЫЙ СЛЕД

За годы работы в Чувашском областном комитете партии и областном совете профсоюзов мне нередко приходилось бывать в бывшем колхозе «Знамя труда» Моргаушского района, встречаться с Евтихием Андреевичем.

Хорошо помню самую первую встречу с ним. Я только начала тогда работать зав. сельхозотделом обкома партии. По инициативе бывшего первого секретаря ОК КПСС С.М. Ислюкова было намечено на заседании бюро заслушать отчет о работе парторганизации и правления колхоза «Знамя труда» по повышению эффективности молочного животноводства. Особый интерес для республики тогда представляли высокие показатели жирности молока, сдаваемого государству этим хозяйством. В то время, да и во все остальные годы, обком и Совет Министров

На люцерновом поле. 3-й слева — Н. Вороновский, 4-й справа М. Зайцев, рядом — К. Груздева

Чувашии всесторонне и конкретно занимались вопросами сельского хозяйства. В республике, постоянно занимавшей классные места во Всесоюзном и Всероссийском соревновании и получавшей переходящее Красное Знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР и РСФСР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, по-другому и быть не могло.

Поехала я в колхоз. Евтихий Андреевич мне вначале не очень «показался». Ну, сидит за столом обычный, ничем особо не выделявшийся мужчина средних лет, в кирзовых сапогах, в теплой меховой безрукавке, с усталым, угрюмым и озабоченным «председательским» выражением лица. Но когда пришли вместе на молочно-товарную ферму, в кругу животноводов он, что называется, прямо на глазах, слово за словом перевоплощался в подлинного, яркого руководителя-профессионала, хорошо разбирающегося в селекционной работе, организации межпородного скрещивания, разведения коров и направленного выращивания телят, обладающего глубоким аналитическим умом, отличной памятью и умением считать трудовую копейку. И позже, уже на бюро обкома, председатель вместе с секретарем парторганизации сумел полностью раскрыть «секреты» передового опыта: как же они

Вручение колхозу Знамени за победу в соревновании

добиваются улучшения качества молочной продукции.

Жива в памяти и такая встреча. Как известно, этот колхоз из года в год славился высокими урожаями картофеля, сбор клубней с каждого гектара обычно вдвое превышал среднереспубликанские показатели. И вот как-то раз через моих бывших коллег обратилась ко мне группа руководителей хозяйств Марийской и Мордовской республик, Горьковской области. Их интересовал стиль работы Евтихия Андреевича, его опыт возделывания картофеля. Попросили так организовать встречу с ним, чтобы откровенно, в рабочем порядке, без излишней шумихи и прессы, с глазу на глаз поговорить со знаменитым председателем. Как же этот колхоз на столь схожих и с их почвами дерново-подзолистых землях добивается таких высоких урожаев при минимальных затратах труда? Съездили, повстречались, поговорили. А после завершения этой поездки они в один голос сказали: «Да, этот председатель — настоящий самородок. Нам бы 2-3 таких на каждый район, и мы запросто перегоним вашу республику по урожаям».

Областной Совет профсоюзов, который я позже возглавляла, и его отраслевой комитет профсоюза работников агропромышленного комплекса также постоянно нацеливали райкомы и первичные профсоюзные организации на изучение и внедрение опыта передовых колхозов, особенно, по совершенствованию оплаты труда. Правление колхоза Ордена Трудового Красного

знамени под руководством Е.А. Андреева ежегодно выполняло и перевыполняло государственные планы и принимаемые соцобязательства по производству и заготовкам зерна, картофеля, продуктов животноводства, закладывало в достатке продовольственные, семенные, фуражные и страховые фонды, работало с ориентацией на подъем экономики и повышение жизненного уровня членов своего хозяйства. И при всем этом своевременно рассчитывалось с ними по оплате труда. Для этого председателя было правилом: раз заработал, то получи. Это особенно важно сегодня, когда во многих хозяйствах Чувашии механизаторы, полеводы и животноводы месяцами не получают зарплату. Разве ж допустимо такое, что задолженность им в целом по республике по состоянию на первое октября 2001-го года составляла более 91 миллиона рублей, хотя зарплата селян — и без того чуть ли не самая низкая в России?!

Земляки-Герои

У Евтихия Андреевича многому можно было поучиться. По вопросам развития колхозного производства он высказывался не просто «в хоре» с другими, а всегда имел свое мнение. Работал осмысленно, по-хозяйски, с просчетом ближней и дальней перспективы. И люди верили ему, шли за ним. Он никогда не перебрасывал причины собственных неудач, — а они, естественно, тоже были, на других — на райком партии и райисполком или высшие эшелоны власти, а прежде всего, искал их в своей работе. Он, как мне казалось, не очень-то любил выступать в печати, по радио и телевидению. В одном Е.А. Андреев был всегда последователен — он уважал труд руководителей любого хозяйства. Его кумирами были такие знатные и известные председатели колхо-

зов, как Герои Социалистического Труда В.В. Зайцев, М.Г. Долгов, А.Д. Смолайкин, А.Ф. Доманин, А.В. Лёнин, опытнейшие руководители С.А. Афанасьев, А.П. Айдак, И.Г. Григорьев, агроном Герой Соцтруда Е.И. Васильева и другие. Когда ему самому вручали Звезду Героя за высокие производственные показатели в годы семилетки, то, выражая благодарность, он особо подчеркнул, что в получении этой высокой награды обязан прежде всего колхозникам, которые своими повседневными заботами не давали ему расслабиться и подталкивали на новые пути подъема хозяйства.

Все новые и новые методы реформирования сельского хозяйства, повышения его эффективности выдвигает жизнь. И если агропромышленному комплексу Моргаушского района удалось, как не раз говорил глава районной администрации В.И. Вязов, избежать катастрофических разрушительных последствий проявления негативных факторов, которые обрушились в послеперестроечный период на сельское хозяйство страны, то во многом это заслуга наших старейших председателей колхозов и директоров совхозов, руководителей и специалистов сельхозпредприятий. Хоть некоторых из них уже нет сейчас, но их след остался, их усилия по сохранению организационно-хозяйственной целостности крупнотоварного производства, как основы развития сельского хозяйства, их призывы на постепенное вхождение агропромышленного комплекса в рынок освещают путь молодым кадрам.

И перед лицом этих больших задач еще более ярок и дорог для всех нас трудовой подвиг Евтихия Андреевича Андреева, именем которого и назван бывший колхоз «Знамя труда». Пусть его образ не померкнет никогда. Он всегда будет жить в благодарной памяти тех, кто работал вместе с ним, и тех, кто сегодня идет по его пути.

Клара Груздева

НАШ ЧАПАЕВ

То лето было на редкость дождливое (кажется, шел 1976 год). Два летних месяца кряду лили мелкие, чисто осенние дожди, а на полях созревал хороший урожай, — как убирать его?

Невозможно было без боли в сердце смотреть на поля, на богатые зерновые. Многие руководители, специалисты колхозов и совхозов только глубоко вздыхали и разводили руками. Это можно было понять однозначно: все мы зависимы от погоды, ничего не поделаешь.

Будучи вторым секретарем Цивильского райкома партии, я отвечала тогда практически за все (первый секретарь находился на стационарном лечении), и также не знала, как быть, хотя несколько раз встречалась со специалистами районного управления сельского хозяйства, советовались с агрономами, но увы... Тогда я решилась: поеду к Евтихию Андреевичу, председателю

Фотография на память о встрече в Моргаушах. Рядом с космонавтом — З. Сютрукова

колхоза «Знамя труда», в село Моргауши. Мне в такое трудное время в голову пришла единственно правильная мысль — посоветоваться с человеком, которому природа дала феноменальную память, исключительный ум, особый дар руководителя и человека.

Евтихия Андреевича знала раньше, еще будучи комсомольским работником в Чебоксарском районном (колхозно-совхозном) производственном управлении, куда входило и его хозяйство. Позднее, став секретарем обкома ВЛКСМ, по-прежнему не прерывала связи с ним, приглашала даже на встречу с пионервожатыми и студентами пединститута. Дело в том, что Евтихий Андреевич — удивительная личность, оригинальнейший человек. Он многими своими рискованными поступками, острыми высказываниями напоминал нашего знаменитого земляка, Василия Ивановича Чапаева, которого многие полюбили благодаря известному кинофильму. Мы так и говорили между собой: это — наш «Чапай». Нас, комсомольских активистов, в нем привлекали независимость суждений, какое-то особое чутье на людей, умение «насквозь» видеть собеседника, исключительный оптимизм. Но у него была еще одна особенность: необыкновенно трепетная любовь к земле. Он мог говорить о ней так интересно и увлеченно, как о живом существе. И сам был человек от земли, самородок. Но я отвлеклась от основного, о чем хотела рассказать.

После последней предыдущей нашей встречи прошло несколько лет, и я волновалась, как Евтихий Андреевич откликнется на мою просьбу, согласится ли на встречу? Позвонила по телефону, представилась, на мое счастье, он оказался у себя в кабинете. Сразу узнал меня и ответил в шутливой форме: «А-а, пионерский секретарь, что же ты «изменила» школьникам, сразу стала партийным секретарем? Запомни, высоко полетишь — больно будет падать». Я поняла, что настроение у него хорошее, мы договорились о встрече. Через два дня поехала к нему.

Подъезжая к селу Моргауши под моросящим дождем, мы с

водителем увидели несколько десятков человек, которые убирали рожь серпами. Евтихий Андреевич встретил нас у крыльца правления колхоза (добротный такой деревянный дом — «пятистенка»). Как только зашли в переднюю комнату, где были его рабочий стол, большая библиотека, — много книг ученых сельскохозяйственной науки, полное собрание сочинений В.И. Ленина, а в «красном углу» его бюст, — он сразу начал говорить о том, что труды Ильича многие коммунисты не изучили по-настоящему, «пробежали» лишь поверхностно, выучив отдельные выдержки, и цитируют теперь их к месту и не к месту, а еще называют себя ленинцами. Много и умно он говорил, и не просто так: преподал молодому партийному работнику хороший урок. Как он оказался прав. Потом, когда партию запретили, я видела многих этих «цитатников», окончивших высшие партшколы, Академию общественных наук, получивших и ученые звания, но сбежавших «в кусты».

Евтихий Андреевич предложил нам чай с печеньем и конфетами, при этом высказывал недоумение по поводу тех, кто уж очень любит «всякие спиртные напитки». Пользуясь паузой, я задала ему главный вопрос, с которым приехала. Как быть, выращен хороший урожай — и не можем его убрать? А Евтихий Андреевич ответил так просто: «Мы можем убирать, мы убираем, у нас в колхозе 147 серпов, и все они в работе». Я сразу подумала: да, как всегда, он прав, серпы и спасут то, что выращено… Но мы ведь на весь район не соберем трех десятков серпов, они остались, надо думать, только у самых бережливых сельчан. По приезде из Моргауш сразу же собрала руководителей хозяйств, которые могут организовать уборку вручную, рассказала о своей встрече с Героем Социалистического Труда, известным на всю страну председателем колхоза. Помню, в ряде хозяйств удалось-таки частично организовать уборку ржи серпами.

Не могу не написать и о том, как мы расставались. Евтихий Андреевич, которого я безмерно уважала, чуть побаиваясь, в пос-

леднюю встречу запомнился мне немного постаревшим и усталым, но, как всегда, энергичным и деятельным, и каким-то очень родным человеком. Тогда, провожая меня, он сказал: «Запомни, Зинаида, в жизни встречаются подленькие и коварные людишки, готовые в любую минуту в спину «нож вставить». Но я тебе скажу, как бы меня не оклеветали, мои колхозники меня не предадут. И если я уйду в мир иной, то только из этого кабинета, с моего рабочего места». Как мне после рассказывали, он так и умер на посту председателя колхоза.

Зинаида Сютрукова

НЕ ИСПОРТИЛИ ЕГО НИ СЛАВА, НИ ПОЧЕСТИ

Евтихий Андреевич с ранних лет связал свою судьбу с землей, с колхозным производством. В числе первых вступил в колхоз, работал колхозником, счетоводом, а потом — и председателем. С небольшими перерывами, в общей сложности Андреев Е.А. проработал председателем колхоза 37 лет, из них более 30 лет возглавлял «Знамя труда» Моргаушского района. За эти годы хозяйство стало высокорентабельным, с высокой культурой земледелия и животноводства. Здесь перебывали сотни делегаций со всех районов Чувашии, соседних областей, автономных рес-

В центре — П. Журавлев

публик. Изучали опыт колхоза видные специалисты различных отраслей сельскохозяйственного производства, экономисты, социологи.

Мое личное знакомство с Евтихием Андреевичем состоялось в марте 1964 года. 10 марта проходила I районная партийная конференция, где был избран состав парткома производственного управления. На пленуме меня выбрали его секретарем, а членом бюро стал Евтихий Андреевич. После решения организационных вопросов некоторые делегаты подняли вопрос о районном центре — где ему быть? Большинство склонялись к тому, чтобы это были Моргауши. Делегаты из Большого Сундыря предлагали оставить центр в их же селе. Их поддержал и председатель колхоза «Знамя труда» Андреев Е.А. Он обосновал свою позицию тем, что в Моргаушах нет квартир, будут трудности в размещении районных учреждений, организаций, что мало в Моргаушах и земель государственного фонда, имеются трудности с водоснабжением. Позиция его в этом вопросе весьма понятна, она была вызвана заботой о благополучии родного колхоза, колхозников. Ведь не секрет, что в хозяйствах, расположенных в районных центрах, возникает немало неудобств для сельскохозяйственного производства, а главное, произойдет отток трудовых ресурсов на работу в районные учреждения, организации. Спор был острый. Вопрос поставили на голосование. Делегаты большинством голосов решили, что в пределах определенной постановлением правительства границы района его центром должно быть именно село Моргауши.

В этот же день, 10 марта 1964 года, в Чебоксарах состоялся прием в честь приезда космонавтов СССР Андрияна Григорьевича Николаева и Валентины Владимировны Терешковой. Кстати, в феврале, накануне пленума, когда меня с кандидатом на должность начальника Моргаушского производственного управления направили на собеседование в ЦК КПСС, первый секретарь обкома партии С.М. Ислюков поручил нам побывать у космонав-

Деловой разговор

тов А.Г. Николаева и В.В. Терешковой и передать им приглашение приехать в Чувашию на встречу с трудящимися республики, — что нами и было выполнено. Из Моргаушского района на приеме в Чебоксарах мы были вдвоем с Евтихием Андреевичем, и он там выступил с речью. Как всегда, говорил эмоционально, красноречиво. В заключение пригласил высоких гостей в Моргауши на встречу с тружениками колхоза «Знамя труда». Приглашение с благодарностью было принято. Андриян Григорьевич приехал в Моргауши вместе с секретарем обкома КПСС Прокопьевым - И.П. уже в будущем году.

Евтихий Андреевич, как член бюро парткома производственного управления, депутат районного Совета депутатов активно участвовал в их работе, всегда выступал при обсуждении наиболее важных вопросов. Его богатый опыт хозяйственной работы, большой организаторский талант мы, руководители, старались использовать сполна. Он хорошо знал людей, что было очень важно при формировании рабочих органов партийного комитета производственного управления, исполнительного комитета районного Совета депутатов трудящихся. Его советы, предложения, порою резкие критические замечания заставляли нас так же критически рассматривать положение в различных отраслях производства, общественной жизни, помогали объективно ориентироваться в обстановке, принимать правильные решения. Мы чувствовали помощь и поддержку со стороны Андреева Е.А. постоянно. Будучи сам общительным, динамичным, он был отлично инфор-

мирован о положении дел в хозяйстве, знал обо всех важнейших событиях в районе, райцентре. К нему многие приходили за советом, за помощью, — даже в тех случаях, если не ладилась семейная жизнь. При этом он не держал камень за пазухой. Остро переживал вместе с людьми их беды и всегда приходил на помощь. И в то же время резко критиковал, осуждал тех руководителей, которые не оправдывали доверие колхозников. Как-то на собрании районного актива прозвучала его острая критика в адрес одного из руководителей колхоза, который немало проработал председателем. Евтихий Андреевич знал его давно, и резко критиковал за консерватизм, игнорирование внедрения положительного опыта работы других хозяйств, за то, что вместо конкретного руководства колхозом увлекается пьянством.

— По состоянию здоровья, — напрямую говорил он, называя председателя по имени-отчеству — тебе противопоказано даже пиво, пить тебе можно только компот. — А в адрес руководства района высказал напоминание, что следует вовремя замечать недостатки у руководящих кадров, своевременно поправлять их, тем самым сохранять опытных хозяйственников. В этом, говорил, заключается значение воспитательной работы. Мы, подчеркивал он, обязаны проводить эту работу в тесной связи с жизнью и на этой основе добиваться повышения эффективности производства, улучшения материального благополучия работников.

Середина 60-ых годов характерна тем, что центральные директивные органы страны определили курс на интенсификацию сельскохозяйственного производства. Особенностью Моргаушского района стало то, что здесь было 34 колхоза, но ни одного совхоза. Для нас поэтому важное значение имело состояние и дальнейшее развитие демократических форм управления коллективными хозяйствами. Большую роль в этом играл опыт колхоза «Знамя труда», личный пример его председателя Андреева Е.А. Сохранились заметки, сделанные при выступлении Евтихия Андреевича в 1964 году при рассмотрении этой актуальной проблемы.

Он говорил, что сейчас созданы необходимые условия для увеличения продуктов сельского хозяйства в каждом колхозе. Однако, интенсификация только одной отрасли не может привести к ожидаемым результатам, — только комплексное развитие всех отраслей дает положительный результат, ведь все отрасли в сельском хозяйстве взаимосвязаны и зависят друг от друга. Без развитого животноводства, например, невозможно увеличить производство органических удобрений, следовательно, нельзя и повысить урожай зерновых, кормовых культур, картофеля, овощей и т.д. Здесь он опять подчеркнул, что главное наше богатство, наша кормилица — это земля, закрепленная за нами навечно. Площадь ее мы не можем увеличить, но обязаны повысить плодородие. И потому с учетом местных условий в каждом хозяйстве необходимо разработать оптимальную структуру посевных площадей. В нашем хозяйстве «Знамя труда»,— говорил он, — под кормовыми культурами занято 22 процента пашни, что обеспечивает получение на 100 гектаров сельхозугодий 250 центнеров молока, 75 центнеров мяса, 85 килограммов шерсти, 27,7 тысяч штук яиц.

— У нас земли стали плодородными благодаря внесению удобрений, — продолжает он. — В некоторых же колхозах под кормовые культуры занимают 35-40 процентов пашни, но кормов все равно не хватает, допускаются большие потери. Почему? — обратился он к залу. И сам же ответил:

— Пока создание крупных специализированных хозяйств в наших условиях не намечается, каждое хозяйство само должно иметь необходимое количество скота для выполнения плана продажи продукции, и добиваться такой же высокой рентабельности всех отраслей животноводства, как в колхозе «Знамя труда».

Евтихий Андреевич считал, что самой выгодной отраслью животноводства является разведение крупного рогатого скота. Он долго и с удовольствием говорил о преимуществе красногорбатовской породы колхозного стада, где жирность молока ста-

бильна — 4-4,5 процента. Колхоз ежегодно реализовывал племенных телок другим хозяйствам района и республики. Приезжали за ними даже из соседних областей. Молочная ферма колхоза ежегодно реализовала тогда государству более 500 тонн молока высокой жирности, получая за это кроме денег и дешевый обрат всего по копейке за килограмм, который был ценным диетическим кормом для молодняка.

В колхозе «Знамя труда» столь же интенсивно и рентабельно развивались и свиноводство, овцеводство, птицеводство. Все это достигалось в результате большого внимания к повседневной работе с кадрами животноводов. С ними систематически проводилась учеба, практические занятия по зооветеринарным правилам содержания скота. И все доярки, свинарки, овцеводы, скотники могли в любую минуту оказать экстренную помощь при заболеваниях и травмах животных. «Наши животноводы сами следят за соблюдением зооветеринарных правил, — говорил Андреев Е.А. — Благодаря этому мы забыли дорогу в ветлечебницу. Отдельные свинарки получают привес свиней до 700—800 граммов».

Много занимался самообразованием Евтихий Андреевич и сам. Часто встречался со специалистами Министерства сельского хозяйства, высших учебных заведений, кроме периодической печати и новинок сельскохозяйственной науки и практики на столе у него зачастую можно было видеть и сочинения известных ученых. Однажды на одном из выступлений перед районным активом он рассказал, что корифеи ветеринарной науки доказали: лучшим грубым кормом для скота является мякина. Потом я как-то специально поинтересовался у него, кого конкретно из ученых он имел тогда в виду. Евтихий Андреевич тут же достал книгу о советском ученом-животноводе, ветеринарном враче академике ВАСХНИЛ Михаиле Федоровиче Иванове, который придавал огромное значение факторам кормления и всего комплекса условий развития животных для получения от них желаемой продукции. Тогда он еще раз убедительно повторил, что мякина по пита-

Ну, как обойдешься при посадке клубней без сохи!

тельности значительно превосходит солому, равна лучшему сену из бобовых трав, потому что состоит из частей колосков, размельченных листьев, измельченных зерен. Ведь питательность одного килограмма мякины равна 0,40-0,44 кормовой единицы, содержит 21-26 граммов переваримаемого протеина в зависимости от культуры. Вот почему, оказывается, в колхозе «Знамя труда» на уборке зерновых не использовались комбайны: «Чтобы не терять мякину! — говорил Андреев Е.А., — мы потому-то пока зерновые убираем вручную, обмолачиваем молотилками». И не случайно два комбайна, имевшихся тогда в колхозе, использовались только для обмолота. В то время в колхозе было и несколько немецких молотилок. Несмотря ни на что, уборку зерновых в колхозе всегда проводили в оптимальные сроки, без потерь. На уборку выходило все взрослое население, дети, пожилые. Многократные наши разговоры и убеждения о необходимости более полной механизации уборочных работ не могли изменить решение председателя. Он твердо стоял на своем, уборку проводил серпами. И в любую погоду своевременно скирдовалась солома, а мякина укладывалась под скирды.

Много было ручного труда в хозяйстве и при возделывании картофеля. Посадка картофеля в «Знамени труда» традиционно проводилась на лошадях с сохой. Евтихий Андреевич восхищался совершенством этого крестьянского орудия. Он сетовал, что инженеры до сих пор не смогли сконструировать машину, заменяющую соху. Нынешние картофелесажалки, — говорил он, — уп-

лотняют почву, — в результате семенной картофель укладывается в твердую почву, после сохи же клубни ложатся на рыхлую сыпучую почву. «У нас неурожайных годов не бывает, — с гордостью не раз говаривал Евтихий Андреевич, — мы добиваемся стабильных урожаев за счет увеличения производства и эффективного использования органических удобрений».

Основным источником органики, как известно, являются животноводческие фермы. Однако, ее производство в колхозе шло не самотеком, а было поставлено на расчетную, поистине, научную основу. Памятуя, что важнейшим сырьем для органики является солома, пропущенная через животноводческие фермы, а наибольший выход соломы дает рожь, в «Знамени труда» в структуре зерновых всегда большой удельный вес занимала рожь, которая в наших условиях ежегодно дает устойчивый высокий урожай. В колхозе рожь была и товарной, и продовольственной культурой, ее моргаушцы продавали государству, а горох, богатейшая белковая культура, использовался на корм скоту. Производству органических удобрений на фермах хозяйства придавали большое значение, постоянно совершенствовалась его технология.

Население излишки органических удобрений также продавало колхозу, поскольку колхозникам на каждый вырабатываемый трудодень (в колхозе наряду с выдачей денег действовала и натуральная система оплаты труда) выдавалось по 4 килограмма соломы. В результате увеличения производства и внесения органических удобрений колхоз под руководством Евтихия Андреевича и главного агронома Ильиной Е.А. добивался получения стабильных высоких урожаев зерновых, картофеля, других продуктов растениеводства. Так, в сентябре не очень урожайного 1965 года моргаушцы план продажи зерна перевыполнили в два раза, картофеля продали в объеме 3-х годовых планов, в полной потребности, со страховым фондом, засыпали семена. Хозяйство с запасом заготавливало зернофураж, сочные и грубые корма.

Урожай зерновых по колхозу составил тогда в амбарном весе 17 центнеров с гектара, картофеля 260 центнеров, а в отдельных бригадах эти показатели были еще выше.

Высокая личная дисциплинированность, скромность, неуемная работоспособность, впитанная с молоком матери мудрость крестьянской жизни явились примером для подражания окружающих его людей, соратников, товарищей по работе, всех жителей колхоза. И не только! Он заряжал этим всех своих собеседников и многочисленных гостей.

Он умел подбирать на самые ответственные должности таких специалистов, которые, имея соответствующие знания, навыки, умение работать с людьми, выполняли изо дня в день объем работы, который в иных хозяйствах делали 3-4 человека и более. Например, заведующим молочно-товарной фермой работал в «Знамени труда» кавалер ордена Ленина и других правительственных наград Петр Павлович Оньков. Почти 40 лет тому назад на ферме было 529 голов крупного рогатого скота, 224 коровы с удоями 2439 литров в среднем на одну корову. А Петр Павлович был, как говорится, в одном лице, исполняя обязанности заведующего фермой, наставника молодых, зоотехника, техника-осеменатора, мельника и электрика. Как мог Петр Павлович спокойно, без суеты выполнять такой огромный объем работы? Этому способствовала хорошая рабочая обстановка в коллективе, взаимная выручка, совмещение обязанностей, настрой на итоговый результат работы всего коллектива фермы, честность, доверие друг к другу. То же самое можно сказать и об агрономе Еннафе Алексеевне Ильиной.

И в конторе правления колхоза всегда царила деловая обстановка, штатных должностей было раз-два и обчелся. Евтихий Андреевич был требовательным, в первую очередь, к себе. Он не курил, спиртных напитков не употреблял, любил везде порядок и дисциплину. Будучи в хорошем настроении, не раз вспоминал время службы в Московском военном округе старшиной роты:

— Моя рота, — рассказывал он, — по строевой подготовке всегда занимала первое место в округе. Когда рота проходила по городу, она вызывала восхищение окружающих свой военной выправкой, опрятностью.

В 1965 году Евтихий Андреевич в течение двух недель был в Болгарии. С восхищением вспоминал об увиденном здесь:

— Нет в Болгарии бесхозяйственности, — говорил он. — Корма заскирдованы очень аккуратно, нет расточительства. На фермах вся работа механизирована. Люди одеваются культурно. В общественные места мужчины приходят с женами. Друг друга уважают, добродушны к представителям советского народа.

Евтихий Андреевич был всегда скромным, таким оставался всю жизнь. Не испортила его ни слава, ни почести. Был он депутатом Верховного Совета РСФСР, Чувашской АССР. Скромно воспринял и присвоение ему высокого звания Героя Социалистического Труда. Он, настоящий сын земли, любил ее, делал все от него зависящее, чтобы она была ухожена, вовремя обработана. Помню, как-то весной вышел я рано из дому и направился на работу. Вдруг услышал сзади знакомый, но почему-то тревожный голос Евтихия Андреевича.

— Петр Александрович, посмотрите, пожалуйста, какое каменное, черствое сердце нужно иметь, чтобы так вот варварски проехать по посевам, когда почва еще не подсохла. Как их терпит земля?! — Это, оказывается, связисты искали обрыв провода и проехали прямо по озимым на машине. По его требованию этих людей разыскали и сделали соответствующее внушение. Так же внимательно Евтихий Андреевич следил всегда за сходом снега, лично объезжал поля, проводил как бы ревизию землепользования озимых. И тут же своевременно, по горячим следам, принимал меры по оказанию «скорой помощи» земле, лечению от ран, нанесенных паводками, пашням, лугам. И буквально в течение 1-2 дней весь необходимый объем противоэрозионных работ выполнялся с участием всех колхозников.

Петр Журавлев

БЕРЕЖНО ОТНОСИЛСЯ К ЗЕМЛЕ

Впервые увидел я Евтихия Андреевича на одном из районных совещаний, когда в начале 1979 года назначили меня управляющим Моргаушским райобъединением «Сельхозтехника». Первое впечатление, которое у меня осталось о его довольно интересном выступлении на совещании, что это очень уважаемый председатель, немногословный, имеющий держать себя перед людьми. Другим председателям задавали много вопросов, в том числе, и весьма «заковыристых», а ему — ни одного. До того я уже интересовался деятельностью этого хозяйства. И мне рассказывали, что Евтихий Андреевич не признает механизации труда: что применяется в колхозе только механизированная уборка зерновых культур, остальное все — ручным способом. И говорили, что, мол, нашим механикам там делать нечего. Тем более, тогда руководили всеми делами в хозяйстве сам председатель и агроном, в бригадах — бригадиры.

Когда я приступил к работе, устроился вначале в одной из комнат общежития «Сельхозтехники», а семья осталась в Кугесях, где раньше работал тоже в «Сельхозтехнике», заместителем управляющего. В это же время в районе сменился и начальник управления сельского хозяйства, — на эту должность назначили Давыдова Платона Павловича, ранее работавшего председателем колхоза имени Ильича. У него тоже возникла проблема с жильем, — ему предоставили комнату рядом со мной. И через несколько месяцев работы, в конце мая, вместе с Платоном Пав-

ловичем решили пойти к Евтихию Андреевичу просить участки под строительство жилых домов для своих семей, т.е. для решения своих жилищных проблем. Пошли к нему в контору колхоза. Тогда она представляла из себя пятистенный деревянный дом, в одной половине избы размещалась бухгалтерия, а другую комнату занимал председатель.

Нас он встретил дружелюбно, сразу предложил сесть на диван. Меня очень поразила тогда чистота в правлении. Особенно был удивлен тем, что посетители-колхозники при входе непременно снимали с ног галоши, сапоги, ходили в носках. В комнате Евтихия Андреевича, или, будем говорить, в его кабинете, было три стола. За одним он сам сидел, остальные два стола полностью были завалены журналами и газетами, а главное, я таких журналов по сельскому хозяйству раньше и в глаза не видел. Ну, мы сразу приступили к главной теме, выложили свои проблемы, касающиеся выделения участков земли. Он нас очень внимательно слушал, мы говорили вдвоем примерно около трех минут. Потом он начал говорить. Этот «разговор» продолжался около двух часов. За это время мы с Давыдовым подавали голос не более двух раз. Наконец, он вдруг прекратил свой монолог, и закончил примерно так: «Вы еще молодые, давайте-ка хотя бы год проработайте в районе, потом посмотрим».

Через месяц секретарь заходит ко мне в кабинет и предупреждает: Евтихий Андреевич ходит по территории «Сельхозтехники». На территорию я не вышел и стал ждать его. А самому немного тревожно. Дело в том, что мы тогда начали СТОА (станцию технического обслуживания автомобилей) строить на 600 мест, т.е. развернули довольно большую стройку. Везде перекопали, начали рыть фундаменты под корпуса. Даже свободного места вокруг не было. Ведь в это же время на территории «Сельхозтехники» размещалось еще и районное объединение «Сельхозхимии». А когда на территории два хозяина, несомненно, и порядка меньше. Примерно через час Евтихий Андреевич заходит ко

мне. Поздоровались. Ничего такого не сказал. Сам уже спрашиваю его, чем могу быть полезным. Он ответил, что просто хотел посмотреть, ознакомиться, что и как. Много на этот раз не говорил, только отметил, что мало порядка, — и ушел. После этого мне тоже стало как-то неудобно, что такие высказывания делает хорошо знакомый, уважаемый всеми человек, Герой Социалистического Труда.

И тогда у меня возникла идея освободиться от райсельхозхимии, тем более, что ей уже выделили участок около деревни Ландыши, и они начали строительство, правда, велось оно медленно. И вот в один из ближайших дней мы взяли да закрыли ворота «Сельхозтехники» и перестали пускать автотранспорт «Сельхозхимии». Наутро приехала к нам сразу целая делегация — секретарь райкома, председатель республиканской «Сельхозхимии», зампредседателя правительства республики — для решения этой конфликтной ситуации. И все-таки сумел я отстоять свои позиции. Это даже пошло на пользу райсельхозхимии: им сразу выделили средства, и в течение года сумели обустроиться.

Действительно, в Моргаушском районе работало в то время много знатных людей, с которыми я встречался лично. Но больше всего тогда все говорили о самом крепком хозяйстве «Знамя труда». И захотелось самому разобраться в его деятельности. Об этом прямо спросить Евтихия Андреевича постеснялся, а попросил показать хозяйство агронома, Еннафу Алексеевну. Она показала животноводческие фермы, мехпарк. В мехпарке в малень-

кой мастерской местные умельцы ремонтировали буквально все, хотя мастерские «Сельхозтехники» находились рядом. В основном, от нас они получали только запасные части. Механизаторы же делали сами все ремонтные работы. А оплата за работу велась на трудодни, такая система оплат, по-моему, была по всей республике в то время именно в этом, единственном хозяйстве. Ознакомились мы с животноводческими фермами. Работу инженеров в то время оценивали уровнем механизации: в животноводстве это — доение, поение, кормораздача, навозоудаление. Из всех элементов на этих фермах было только поение. Но меня очень удивило тогда то, что при этом все коровы были чистыми, даже очень. По сравнению с иными железобетонными зданиями — новостройками, на фермах этих, оказалось, всегда сохранялся нормальный микроклимат из-за деревянных стен, а вода подводилась из колодца с помощью электронасоса, устроенного около колодца под навесом. Насосам же водонапорные башни не нужны. Элементарно и очень просто.

Сделал я тогда для себя немало и других подобных открытий. Особенно хочется отметить возделывание картофеля. Сажали и убирали в этом колхозе картофель вручную. На уборке клубней люди охотно работали от всех предприятий, потому что платили им за уборку весьма прилично, да и картофелем давали. В то время далеко не везде в республике затаривали картофель в сетках. А они прямо в поле аккуратно укладывали его в сетку и сразу же грузили на машины. И если другие хозяйства за 1 килограмм сданного картофеля получали тогда по 6 копеек, то колхозу Евтихия Андреевича платили по 30 копеек. И во многом именно такие по-крестьянски практичные и удобные сооружения, такие способы содержания скота, возделывания зерновых культур и картофеля, особенно, работа по подготовке органических удобрений, и дали возможность хозяйству стать крепким.

Еще мне крепко врезался в память один день — 2 мая. На это число запланировано было начало газификации села Моргауши.

Сначала предстояло газифицировать райсельхозтехнику, потом весь райцентр, затем — и ближайшие хозяйства и деревни. Мы заблаговременно получили трубы высокого давления, сделали их изоляцию и разложили готовые к укладке трубы по краю поля вдоль дороги. Первого мая была демонстрация и два дня выходных. Но второго мая утром встал рано-рано: что-то тянуло на работу идти, чувство беспокойства какое-то было. И поехал на работу, гляжу, а при выезде из Моргауш находится что-то очень уж много людей. Сразу стало на сердце тревожно, остановился, подошел. В центре стояли, схватившись за грудки, Евтихий Андреевич с одним из руководителей района, другой руководитель пытался разнять их, успокоить. Все остальные стояли чуть поодаль, улыбались, но никто из рядовых колхозников и рабочих ни за кого не вступался. В то же время тракторист-бульдозерист хозяйства начал сталкивать изолированные трубы с кромки поля в придорожные канавы. Фамилию тракториста забыл, но на всю жизнь запомнил его довольную улыбку.

Так обидно тогда было: газ-то проводили не только для «Сельхозтехники», но и для всего села, для всего района... А ведь, по большому счету, правота была за Евтихием Андреевичем. Он же много раз напоминал, — начиная еще с зимы, когда мы складывали плети труб на заснеженные поля, предупреждал, что к весне надо их непременно убрать. А тут — май наступил, сев уже начался, озимые всходят, — а наши тяжелые трубы в ожившую землю врезались. Очень он всегда за землю-кормилицу болел, бережно относился к ней, — а тут такое... Вскоре, конечно, мы исправили положение. И хотя этот случай задержал подвод газа до Моргауш, но тем не менее скоро газификация села пошла полным ходом. А как только газифицировали село, по распоряжению Евтихия Андреевича исчезли и штабеля дров, годами стеной стоявшие у каждого хозяйства вдоль центральной улицы, — и вид Моргауш сразу заметно улучшился.

Незаметно и быстро прошел год после нашей встречи с Евти-

хием Андреевичем по «жилищной проблеме». К этому моменту Платон Павлович Давыдов ушел работать председателем колхоза «Ударник», и я один договорился с Евтихием Андреевичем встретиться утром в 6 часов. Пришел к нему чуть пораньше, ожидая около ограды, и он вскоре появился около мехпарка в своем неизменном черном пальто и валенках. Шел и на ходу что-то жевал. Поздоровались, зашли в кабинет. Я вновь изложил свою просьбу и стал ждать, что скажет. Как и в первый раз, начал он издалека, — о делах района, о тех председателях, кто затеял большие стройки. Особенно критически отнесся к строительству животноводческого комплекса в колхозе имени Чапаева, где и наша «Сельхозтехника» принимала участие в монтаже оборудования. После получаса такого разговора начал уже и про меня. Что я порчу природу райцентра, трачу государственные деньги на такое огромное строительство, без которого можно обойтись, что технику ремонтируем долго и деньги из хозяйств на это забираем, что наши услуги дорогие, что квартиры даем бесплатно, из-за этого рабочие руки «отходят» от колхоза. В общем, оказался по его характеристике таким же, как и райком партии, «вредителем» и даже чуть ли ни «советским бандитом». И он, наконец, закончил тем, что землю под строительство мне выделять не будет.

Действительно, Евтихий Андреевич к земле относился очень бережно. И из-за этого очень порой тормозил развитие райцентра. Из-за несогласования по поводу земли многие крупные предприятия, такие, как райсельхозхимия, МСО «Моргаушская» вынуждены были обосноваться вдалеке от райцентра. Тогда думалось: если бы они находились в самом райцентре, конечно бы, село Моргауши стало еще красивее, с многоэтажными домами, которые построены в других райцентрах и селениях. Но, как говорится, время и лечит, и накажет. Действительно, все то, что он мне говорил в ходе той памятной второй встречи, конечно, не очень-то приятно было слышать. Но сейчас, по истечении двух

десятков лет, когда стал уже руководителем республиканского масштаба и возглавляю АО «Чувашагросервис», думаю иначе: что он в решении многих глобальных вопросов был прав. Он все-таки иногда верно мог предвидеть, что будет дальше.

Когда Евтихий Андреевич ушел из жизни, на расчетном счете хозяйства оставалось более трех миллионов рублей. За эти деньги можно было тогда купить 100 тракторов ДТ-75. Конечно, выглядел колхоз по сравнению с нынешним временем зажиточно. После ухода Евтихия Андреевича председателем стал Михаил Ефимович Петров, он тоже много сделал для хозяйства в части приумножения доходов. И все-таки воспоминания об Евтихии Андреевиче у его колхозников остались на долгие годы. Конечно же, он был и остается великим хозяйственником, настоящим крестьянином и хозяином своей родной земли. Яркий пример тому, каким должен быть новый, совершенный председатель в наши дни.

Юрий Молотов

ВСЕГДА МОЖНО БЫЛО НАЙТИ ОБЩИЙ ЯЗЫК

О председателе колхоза «Знамя труда» мне довелось услышать еще студентом Чувашского сельскохозяйственного института. Повезло мне в жизни и с выбором места работы: вместе со своей супругой с 1967 года трудились в колхозе имени Мичурина Моргаушского района, а наш председатель, Петров Алексей Петрович, всегда «держал равнение» на Евтихия Андреевича.

В 1971 году назначили меня глав-

ным зоотехником районного управления сельского хозяйства. Посещая фермы колхоза «Знамя труда», в очередной раз убеждался в высоком профессионализме его руководителя. Евтихий Андреевич разводил только племенной скот перспективных в те годы пород. Так, крупный рогатый скот был красногорбатовской породы, завезли его из Нижегородской области. Он вел строгий племенной учет на ферме с помощью грамотного специалиста своего дела Пушкиной Раисы Павловны, которая отвечала за продуктивность скота, составляла рационы кормления животных. Первыми в районе здесь внедрили искусственное осеменение коров и телок. Эта тонкая работа долгие годы проводилась великим знатоком своего дела, заведующим фермой Оньковым Петром Павловичем. На одной из ферм содержалось стадо высокоудойных коров и телята до четырехмесячного возраста, на другой — молодняк. Колхоз тогда ежегодно получал не менее 3500 кг молока от каждой коровы при средней жирности 4,5 процента. А так как зачетная жирность при реализации молока государству в те годы была 3,8 процента, то колхоз в денежном выражении получал приличную доплату. От реализации племенных телок и бычков доходы колхоза тоже возрастали из года в год.

Свиней разводили в «Знамени труда» только крупной белой породы высокой репродукции. Содержание животных велось на научной основе. Они были разбиты на небольшие группы и разделены по возрасту и полу. И кормили их строго по науке: в рацион включали горох, овес, ячмень нужного помола. Эту смесь, причем, не варили, а давали в виде влажной «мешанки». Сей факт свидетельствует о глубоком знании Евтихием Андреевичем анатомии и физиологии животных. Продажа племенных свиней приносила животноводам, кроме славы, огромные денежные доходы. В этом хозяйстве были килограммовые среднесуточные привесы на откорме крупного рогатого скота, а свиньи прибавляли в живом весе по 500 и выше граммов в сутки.

В колхозе разводили и овец ценной цигейской породы. Гра-

Где ж вы теперь, знаменитые когда-то тонкорунные овечки из колхоза «Знамя труда»!

мотное ведение этой отрасли животноводства приносило в колхозную казну немалые деньги. Здесь 5-килограммовые настриги прекрасного качества шерсти были нормой.

В общем, простой деревенский крестьянин, стоящий во главе колхоза, вел дело весьма грамотно. И хотя не было у него специального образования, в своем повседневном труде на практике получал нужную любому жителю страны сельскохозяйственную продукцию с наименьшими затратами, высокого качества и в больших объемах.

Андреев был очень решительным человеком. В деле у него всегда преобладал четко выверенный расчет. Нынешним бизнесменам, начинающим свое дело, следовало бы вернуться к опыту руководителя — самородка. Могу привести один поучительный пример. Будучи начальником управления сельского хозяйства, в 1978 году в этом хозяйстве столкнулся с неординарным фактом: Евтихий Андреевич, уезжая осенью в отпуск на юг, официально разрешил главному агроному колхоза Ильиной Еннафе Алексеевне оставить выращенный урожай картофеля в земле. Больше того: он запретил приступать к копке картофеля, пока не установится хорошая погода. Дело в том, что из-за затяжных проливных дождей даже вручную невозможно было убрать урожай. И председатель, подсчитав предполагаемые дополнительные затраты, пришел к выводу, что стоимость урожая не покроет расходы на его уборку. И будучи стопроцентно уверен в своей правоте, не взирая на требования «сверху» — «Убрать любой ценой», — принял столь смелое решение. Конечно, в амбарах у него был

годовалый запас зерна, соломы и сена, да и в банке на расчетном счете колхоз держал денежные средства в сумме, равной годовому доходу. Однако, предполагаемый ущерб был немалый, так что и риск весьма велик, но вскоре погода, наконец, прояснилась, и колхозники вручную, споро и без потерь убрали весь урожай. А всем специалистам сельского хозяйства района был преподан наглядный и убедительный урок: надо уметь расчетливо рисковать.

В отпуске в Крыму

Кое-кто считал Евтихия Андреевича, а точнее, сознательно хотел выставить его противником применения машин и механизмов в крестьянском деле. Но здесь надо было знать особенности его характера. Нет, он никогда не отрицал прогрессивное, машинное производство. Но резонно сомневался в надежности тех или иных механизмов и машин в ходе их эксплуатации. Ему нужна была надежная техника. Или упрекали его в том, что воздерживался от строительства усиленно рекомендуемых в те времена крупных животноводческих ферм и комплексов. Здесь же строили небольшие, с минимумом механизмов и машин, но очень удобные в деле здания и сооружения из дерева и кирпича. Правда, в «Знамени труда» практиковался ручной труд, особенно в животноводстве, и в то же время в этом хозяйстве была самая низкая норма закрепления животных за работниками ферм. Это вполне устраивало людей, они не уставали на работе. Самое же главное, чего добивалось руководство колхоза, так это круглогодовой занятости колхозников. В итоге они ежемесячно получали неплохую заработную плату. Здесь «Дедушка», как называли в районе за глаза Е. Андреева, не ошибался, цели достигал всегда. А

На посевной

благодаря занятости людей общественно полезным трудом укреплял дисциплину труда в сельской местности, сохранял чувство коллективизма в крестьянах, вырабатывал у каждого из них интерес в получении общих положительных результатов.

Я, например, всегда считал его дальновидным человеком, который не соглашался сходу с любым предложением начальства, а приходил к принятию решения только после глубокого изучения поставленного вопроса. Это мнение хочу подкрепить примерами из своей практики работы в качестве председателя Моргаушского райисполкома. С серьезными трудностями пришлось столкнуться, когда пришла пора расширять райцентр — село Моргауши, бывшее одновременно и центральной усадьбой «Знамени труда», а лишних земельных участков в наличии не имелось. Так что нужно было отводить дополнительные площади за счет колхозных земель. Естественно, колхоз неохотно шел на это. После долгих моих бесед с Евтихием Андреевичем выбрали наиболее безболезненный вариант: было решено ввести в райцентре поквартальную застройку жилых домов и объектов социально-бытового назначения. Так были застроены микрорайоны перед «Сельхозтехникой», в районе маслозавода и около бывшего старого райисполкома.

А в 1976 году в районе начали строить дороги с асфальтовым покрытием до центральных усадеб хозяйств. Была принята государственная программа развития сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР, начали централизованно выделяться капи-

тальные вложения тем районам, которые хотели решить проблему бездорожья. Конечно, Евтихий Андреевич не мог не радоваться началу этой большой и долговременной работы. Ведь от моргаушской школы в поле, в сторону нескольких других колхозных деревень, вела лишь проселочная грунтовая дорога. И вот пришла пора летом поднимать земляное полотно, чтобы в следующем году начать асфальтирование дороги. Но поначалу колхоз не давал согласие на производство земляных работ, мотивируя тем, что строители испортят поля в разгар летней страды. И тогда мы, чтобы убедить руководство колхоза в хорошем качестве работ, на территории соседнего колхоза имени Чапаева силами прицепных скреперов райсельхозхимии подняли насыпь длиной в 200 метров. Когда привезли сюда председателя и показали Евтихию Андреевичу проделанную механизаторами работу, он был приятно удивлен увиденным, дал высокую оценку сделанному и благословил дорожников на благородное дело и в своем хозяйстве.

Так было начато и успешно завершено строительство одной автодороги, а через семь лет состоялось торжественное открытие другой современной автомагистрали. В последующие годы были проложены автотрассы еще до нескольких селений. Так что, с «Дедушкой» можно было всегда найти общий язык. Он видел и нутром чуял перспективность этой работы и всем своим авторитетом поддерживал молодых руководителей других колхозов, которые в последующем продолжили дело аксакала. На таких примерах учились созидать многие молодые специалисты. Живой пример тому — Давыдов Платон Павлович, который с 1974 года тянет ношу руководителя в непростых для села условиях.

Еще вспоминается такой случай. В районный центр село Моргауши ведет дорога со стороны Москакассов, которая проходит через реку Моргаушка. На этом пути был когда-то только деревянный мост, который не мог пропускать большегрузные автомобили. Здесь мнение руководителей района не было единым. Одни хотели построить плотину с автодорогой, другие хотели иметь

мост. В данном споре верх взяло мнение Евтихия Андреевича. Он был против того, чтобы разрушать берега реки, — доказывал, что грунты не твердые, и плотина не сможет устоять на этом створе реки. Проводили дополнительные геодезические изыскания, которые подтвердили наличие торфянистых почв вдоль реки. В итоге было принято решение возвести современный железобетонный мост. Евтихий Андреевич посоветовал построить трехпролетный мост и не ставить русловые опоры по середине реки. Проектанты с благодарностью согласились с его мнением и в результате запроектировали мост длиной в 36 метров. Всего за 8 месяцев он был построен и введен в эксплуатацию. Так райцентр заимел надежный подъездной путь, что сыграло положительную роль в ускорении социального и экономического развития нашего района, одного из крупнейших в Чувашии.

Об этом человеке можно много писать и говорить. Его заслуги высоко оценены нашим государством. Но мне, проработавшему на разных должностях в районном звене рядом с Евтихием Андреевичем, видевшему его в последние часы жизни, особенно запомнилась на всю жизнь целеустремленность председателя в достижении поставленных целей. Его взвешенный подход к решению любого вопроса, в конечном результате, приводил к успеху. Польза же была, прежде всего, для простого жителя села.

Леонид Софронов

ЛИЧНО ОТВЕТСТВЕННЫЙ

В бытность многолетнего председательствования Е.А. Андреева в колхозе «Знамя труда» нам долгие годы довелось работать бок о бок в Моргаушском районе, где я возглавлял и совхоз «Передовик», и управление сельского хозяйства, был председателем райисполкома и первым секретарем райкома партии.

Высокая степень личной ответственности, которую Евтихий Андреевич не перекладывал на своих подчиненных, делала его

временами требовательным — до деспотизма, сосредоточенным на работе — порой до одиночества. Такие особенности поведения никак не были издержками его стиля руководства, скорее — естественной реакцией любого человека, принявшего на себя ответственность за судьбу такого большого хозяйства, как колхоз «Знамя труда».

В формировании личного авторитета Е.А. Андреева немалую роль играла и его активная жизненная позиция. Его выступления на любых совещаниях всегда отличались наступательным духом, он ставил вопросы, как рачительный хозяин, которого все интересует и заботит. Убежденность его в правоте своего дела заставляла и весь коллектив колхоза верить председателю, воплощать в жизнь многие его идеи. Он любил землю, относился к ней как к живой, — всегда молодой, красивой, способной плодоносить из года в год. Поэтому в сохранении плодородия почвы видел главное богатство колхоза.

В те годы в стране очень мало производилось минеральных удобрений, не было возможности их закупить, и основой поддержания плодородия земли в «Знамени труда» стал навоз. Глубокая подстилка в коровниках, телятниках, свинарниках все три десятилетия председательствования Е. Андреева была обязательной для ферм. На поля ежегодно вывозилось навоза до 15-20 тонн на гектар пашни, особенно много — до 120 тонн на гектар, — вносили его под картофель, высокими урожаями которого колхоз «Знамя труда» славился тогда на всю Чувашию. Не помню, чтобы при жизни Евтихия Андреевича урожай картофеля в его хозяйстве был ниже 200 центнеров с гектара, а более высокими урожа-

ями в 300-400 центнеров колхозники радовали почти ежегодно.

И свой подчеркнутый «консерватизм», и убежденность в правильности своих позиций он постоянно подтверждал на практике. Так, начавшуюся в республике в 1969 годы механизацию производственных процессов в животноводческих помещениях он до конца своих дней принимал в «штыки», доказывая, что, к примеру, удаление навоза транспортером снижает количество и качество этого ценного удобрения, а механизация доения приводит ко многим болезням коровы. И ведь интересно: он сосчитал и убедительно доказывал на этих цифрах, что при самой полной механизации один человек со всем многочисленным обслуживающим персоналом обихаживает всего лишь 7-8 коров, а в его колхозе на одного обслуживающего приходится 11 коров. И это была чистая правда. Только один, например, Оньков П.П. был на ферме молочного стада настоящим «человеком-оркестром»: заведующим МТФ, осеменатором, молокоприемщиком, ветеринарным санитаром, и плюс ко всему, обеспечивал ферму водой — водобашню включал и выключал сам. Ну, а о «консерватизме» Андреева Е.А. нагляднее всего говорит тот факт, что в этом хозяйстве ни разу не сеяли кукурузу, хотя по данному вопросу председателя приглашали даже на бюро Чувашского обкома КПСС. Он больше всего уважал клевер, — и как белковый корм, и как парозанимающую культуру, и хорошо знал его цену. Как показала практика, кукуруза в нашей зоне так и не прижилась, а клевер и люцерна были и остаются основными кормовыми культурами, из которых получают высококачественные белковое сено, сенаж и витаминно-травяную муку, — конечно же, при соблюдении требуемой технологии заготовки каждого вида корма.

И еще вспоминается один подобный случай. В годы курса на специализацию по производству животноводческой продукции в колхозе «Свобода» было поначалу запланировано строительство свиноводческого комплекса на 24 тысячи голов, аж в 2-этажном исполнении. Такое сооружение действовало в Эстонии, поэтому

делегация аграриев из нашего района, в том числе и я, съездили туда изучить опыт строительства и эксплуатации такого комплекса-гиганта. И было решено-таки строить аналогичный свинокомплекс: отвели земельную площадь, начали проектно-изыскательские работы, затратив на это более 20 тысяч рублей. Но тут решительно вмешался Евтихий Андреевич, доказывая нецелесообразность размещения в наших условиях столь большого поголовья свиней в одном месте. Мотивировал это он, прежде всего, невозможностью использования навоза, загрязнением атмосферного воздуха около соседних населенных пунктов, опасностью заражения свиней всевозможными болезнями и т.п. Проектно-изыскательские работы были приостановлены.

Правильность его взглядов о целесообразности строительства в Чувашии свиноферм не более, чем на 2500—3500 голов, доказала сама жизнь. Возведенные в те годы во многих районах свинокомплексы ныне пустуют. И я до сих пор с глубоким уважением отношусь и к другой идее Евтихия Андреевича: не строить заново свинокомплекс, а модернизировать и расширять уже существующие фермы. И тем самым в районе не были выброшены на воздух огромные суммы денег.

Евтихий Андреевич, имея лишь 6-классное образование, тем не менее, сельское хозяйство знал не хуже, а во многих случаях и лучше многих сотрудников сельхозвузов, и добивался внедрения наиболее эффективных новшеств в сельскохозяйственном производстве не только в своем хозяйстве, но и у соседей. Очень запомнилось мне, тогда молодому руководителю хозяйства, поение телят и поросят в «Знамени труда» чайным настоем из разнотравья. А еще — оригинальное устройство вентиляции в помещениях для содержания скота и птицы, а именно: вентиляционные шахты необходимо поднять на 20-30 сантиметров выше пола, чтобы полностью вывести отравленный воздух из помещения (хотя у нас до сих пор вентиляционные шахты чаще ставят с потолка, что должного эффекта не дает).

Как настоящий хозяин, он в те времена, когда основным строительным материалом было дерево, требовал на любой колхозной новостройке настилать потолок только из строганных досок, а поднимать стены помещения лишь из строганных бревен. И не уставал доказывать, что на нестроганных стройматериалах накапливается большое количество влаги, которая долго держится, тем самым деревянная часть здания быстро гниет и выходит из строя.

Был Евтихий Андреевич порой весьма своенравным, иногда какая-то его идея и некоторые поступки казались непонятными и непредсказуемыми. Так, при начале газификации райцентра предстояло заранее прокопать траншеи и уложить в них газовые трубы. Изолированные трубы были разложены вдоль дороги на землях колхоза «Знамя труда» от кирпичного завода до самого села Моргауши. И вот на первомайские праздники, — век не забуду этого дня — 2 мая, вдруг узнаю, что по указанию Андреева Е.А. бульдозерист колхоза начал сталкивать трубы в кювет, обдирая дорогостоящую изоляцию. Лишь совместно с Софроновым Л.С. — председателем райисполкома, удалось уговорить председателя повременить сталкивать трубы.

И еще один подобный случай. Однажды в день сессии райсовета без разрешения районных властей Е. Андреев взял да и разобрал мост через речку Моргаушка на оживленной автодороге. Иногда казалось: ему просто нравится «насолить» районному начальству. Или взять годы начала строительства асфальтированных дорог: он ни в какую не разрешал временного отвода земли для строительства. Из-за этого возведение дороги от райцентра до соседних хозяйств по его вине могло быть задержано на целый год. Тогда по моей просьбе председатели этих хозяйств привезли его к себе по грязи и бездорожью, — пригласили проехать по грязной дороге, и только после этого он «сдался» и разрешил на один год отвод земли. До сих пор не пойму, как в нем уживались его поразительная крестьянская мудрость и такое непробиваемое по-

рой упрямство?

При всем при том Евтихий Андреевич запомнился мне, да, наверное, и многим другим руководителям района и хозяйств, как исключительно целеустремленный, энергичный, работоспособный человек. Его воля и энтузиазм заряжали людей, с которыми работал и которых беззаветно любил. Он костьми ложился, защищая честь и достоинство членов своего коллектива, никого не давал позорить. Когда случался «привод» кого-то из колхозников в милицию по тем или иным причинам (колхоз-то был расположен в райцентре, где все на виду), он непременно вмешивался в судьбу чем-то провинившегося человека и добивался его освобождения, но при этом брал его «на поруки» на воспитание коллективом. Это было законом его жизни.

...С годами я почему-то все чаще вспоминаю ставшие многолетней доброй традицией в наших нелегких порой отношениях телефонные звонки Евтихия Андреевича с неизменным вопросом:

— А ты читал?.. — речь шла то о какой-то интересной новинке, которую он, заядлый книгочей, успевал «проштудировать» раньше всех в районе, о проблемном очерке в журнале, то об острой статье в центральной прессе. За круговертью дел мне не всегда удавалось прочитать это, и я честно признавался (слукавишь — ведь сразу поймет...).

— Ну, тогда жди — сейчас курьера к тебе пошлю, принесет. Как прочитаешь, вместе потом обсудим.

Как не хватает сейчас этих телефонных звонков...

Валериан Краснов

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

...И поныне, будто наяву, представляю себе мысленно, как выглядели земли колхоза «Знамя труда» во времена председательствования Евтихия Андреевича: они использовались на ред-

кость экономно и рационально. Не было в хозяйстве ни клочка бросовой земли. При нем даже каждая лишняя тропинка, все прежние ненужные дороги были распаханы, вокруг телефонных столбов тоже лопатами копано и засеяно, животноводческие фермы строились по склонам оврагов.

Мне долгое время довелось работать в Моргаушах, в том числе — и возглавлять район, так что на моих глазах поднимался в гору колхоз. Когда Евтихий Андреевич принял его в 1951 году, состояние хозяйства было — хуже некуда.

Основной «тягловой силой» были лошади, основными орудиями производства — соха, плуги, бороны, сеялки. Животноводческие фермы размещались в ветхих неприспособленных помещениях, разбросаны по деревням. Первым делом в этих условиях, чтобы поднять на ноги хозяйство, Евтихий Андреевич взялся за развитие общественного животноводства. За первые же 7-8 месяцев от свиноводства получил весомую прибыль, что позволило начать строительство новых помещений. И вторым "слагаемым" на пути к успеху стало создание строительных бригад. Уже зимой того же года две таких специализированных бригады в марийском лесу за Волгой заготовили в достатке лес, а летом началось возведение капитальных свинарников на 1200—1300 голов свиней. Через год — полтора выстроили и новые коровники.

Год от года рос авторитет как колхоза, так и его председателя. Но Евтихий Андреевич оставался все тем же скромным, кристально-честным, принципиальным человеком. Его скромность в личной жизни проявлялась, прежде всего, в том, что он просто одевался, долгое время жил на частной квартире, ездил верхом или на санях (в то время, как некоторые колхозы давно уже обзавелись легковыми автомобилями), да и правление размещалось, как и прежде, в бывшем раскулаченном доме. Зато с удвоенным старанием заботился он о благополучии колхозников.

А еще всегда вел активную общественную работу как в мас-

штабе колхоза, района, так и республики. Так, он являлся председателем районного Комитета защиты мира, внес огромный вклад в дело защиты мира, являлся и членом правления общества «Знание», регулярно выступал с лекциями на сельскохозяйственные темы.

Он всегда первым готов был посмеяться удачной шутке (1-й слева Г. Андреев)

Я всегда вспоминаю о его государственном подходе к решению самых разных проблем и зачастую в трудных ситуациях задаю себе вопрос: а как бы решал тот или иной вопрос, возникший передо мной, Евтихий Андреевич?

Герман Андреев

* * *

Во времена юности мне не раз доводилось слышать об Евтихии Андреевиче Андрееве, а вот лично встретиться с ним удалось только весной 1964 года, когда меня избрали I секретарем Моргаушского райкома комсомола. С тех пор постоянно приходилось присутствовать на заседаниях бюро райкома партии. Он был членом бюро, и нам нередко доводилось сидеть рядом. Тогда и узнал его ближе, и постоянно восхищался в душе его прямолинейностью и принципиальностью. Для меня Евтихий Андреевич был примером во всем, его выступления всегда отличались доходчивостью, убедительностью и какой-то особой бережностью к людям. Бывало, что на заседании первичных организаций принималось решение исключить того или иного коммуниста из партии, а после его выступления на бюро райкома к судьбе человека под-

ходили уже с других, более гуманных позиций.

Помню и такой случай. В 1965 году обсуждался вопрос о работе райкома ВЛКСМ. Я написал соответствующую справку об этом. В те годы по производству сельскохозяйственной продукции наш район прочно занимал первые места по республике. В этом была немалая заслуга молодых, - что я и отразил, естественно, в своей справке. Секретарь райкома партии, ознакомившись с проектом решения, с иронией сказал: "По этой справке самого товарища Борисова можно представлять к награждению орденом за ударную работу". И предложил другой проект подготовить, самим работникам райкома, и представить его на обсуждение позже. Тут Евтихий Андреевич, сидевший рядом со мной, похлопал меня по плечу и, будто не было только что грозного разноса, во всеуслышание одобрительно сказал: "Молодец! Наши комсомольцы работают хорошо!" После его выступления прекратили прения и проголосовали за первоначальный проект. Этот пример, думается, во многом говорит о силе его авторитета.

В день 30-летия Победы. Во главе праздничной колонны ветеранов — и Е. Андреев с внуком. 1-й слева — Н. Борисов.

Позже, после окончания Казанской высшей партийной школы, я вновь вернулся в Моргауши, где и пришлось работать до конца жизни Е.А. Андреева, часто встречаясь с ним, бывать в руководимом им хозяйстве. Всегда удивлялся тому, как он грамотно составлял справки, характеристики и все представляемые по разным инстанциям документы, хотя и не имел специального об-

разования. И что мне особенно нравилось в нем, он не любил хвастунов и подхалимов. Я был много моложе и часто обращался, как к отцу, за советом, делился своими планами и мечтами. Когда стал вторым секретарем райкома КПСС, теперь уже и он часто захаживал ко мне, мы всегда обсуждали последние новости, часто давал он полезные советы. Только жаль, что Евтихий Андреевич прожил мало. Но и сейчас многому и многому еще можно и нужно нам у него поучиться.

Николай Борисов

* * *

Было это в марте 1971 года, когда ученики Моргаушской школы, где я тогда был директором, выступали по Чувашскому телевидению. И тут же произошла у нас очень памятная встреча – с народным артистом страны Михаилом Ульяновым. В фильме тех лет "Председатель" он очень правдиво сыграл роль председателя колхоза. И хотя одним из его прототипов стал знаменитый в ту пору руководитель передового хозяйства Белоруссии, наш Евтихий Андреевич тоже очень похож был на того героя из фильма, - столь же талантлив от природы, трудолюбивый, отличный организатор. Он выступал вместе со школьниками по телевидению, и теперь долго рассказывал Михаилу Ульянову о своих лучших колхозниках, доярках, механизаторах. С гордостью говорил о родителях присутствующих учеников, победителей конкурса на лучшее сочинение о родном селе. Он этим очень поднял настроение наших учащихся. Потому что Евтихий Андреевич не только знал все проблемы своих колхозников, отдавал всего себя без остатка, чтобы они жили лучше, но и не жалел ни сил, ни времени, чтобы и их дети выросли настоящими людьми, любили бы землю.

На встрече с Михаилом Ульяновым Евтихий Андреевич вместе со школьниками долго обсуждали вопрос о том, кто из них кем хочет работать после школы. Потом известные певцы Иван

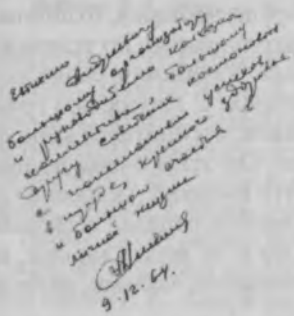
Христофоров и Александр Ильин пели для нас свои лучшие песни. Ребята надолго запомнили эту встречу и учились потом еще с большим желанием.

Михаил Васильев

«Земной маршрут» Космонавта-Три пролег и через село Моргауши

* * *

Познакомился я с Евтихием Андреевичем Андреевым в один из своих первых приездов на Родину после полета в Космос, — в 1964 году. Будучи депутатом Верховного Совета страны, вскоре побывал и у своих избирателей в Моргаушах, в руководимом им колхозе. Евтихий Андреевич привлек мое внимание и запомнился своей располагающей непосредственностью и открытостью. Очень интересно было с ним общаться! Мы с ним подружились, и с тех пор неоднократно встречались и в Чувашии, и в Москве.



В подарок — книга Андрияна Николаева с автографом автора

Человек он был удивительно интересный. Что характерно, за долгие годы нашей дружбы он — в отличие от многих других земляков, — ни разу не обращался ко мне ни с какой личной или общественной просьбой. Общаясь с ним, можно было даже подумать, что у него решены абсолютно

все проблемы. Очень жаль, что о его кончине я узнал намного позже и не смог приехать проводить его в последний путь. У меня навсегда осталась о Евтихии Андреевиче самая добрая память.

Андриян Николаев,
Космонавт-Три

КАКОЙ ОН БЫЛ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ МУЖИК!

«Моргаушский» этап моей трудовой биографии начался 3-его июня 1964 года, когда начал работать в районе старшим инженером по новой технике и подготовке кадров в этой сфере. В основном, эта работа заключалась во внедрении технических новшеств в сельскохозяйственном производстве. Раньше, до призыва в армию, я работал бригадиром тракторной бригады в совхозе «Октябрьский», где все работы в полеводстве были механизированы, так что как-то даже не придавал значения эффективности внедрения сельскохозяйственной техники, особенно, зерновых комбайнов, считал это само собой разумеющимся. И тут вдруг в августе в колхозе «Знамя труда» сталкиваюсь с непривычной ситуацией: все жители села Моргауши вручную убирают зерновые культуры, — и рожь, и пшеницу, и ячмень.

Работали все, включая детей. Глядя на них, даже невольно вспомнил свое детство, как после войны, вместе с матерью, серпом убирали вручную более 1 гектара хлебов. Но тут же отогнал от себя эти мысли, таким диким показался мне этот факт в середине 60-х годов. Решил незамедлительно встретиться с Евтихием Андреевичем, тем более, рассказывали, он рано объезжает все поля и фермы, подсказать ему, что работает по старинке, что нужно внедрять все новое, а он отсталыми взглядами руководствуется, и мол, надо раздельно убирать хлеб и механизировать жатву, повторяя попытку раз за разом, если сразу не получится.

Но пока я собирался с ним встретиться, он уже закончил уборку ранних зерновых, а через неделю и все копны вывез на ток. Подобной оперативности я раньше не видел. И еще что меня весьма удивило: у края всех убранных полей, рядом с дорогой, уже выстроились аккуратные штабеля навоза, покрытые сверху землей. Затем к вечеру, перед заходом солнца, одновременно появлялись здесь 15-30 лошадей, развозивших поблизости навоз, да люди, разбрасывавшие его вручную, а уже через час ни одного из них не увидишь: в поле уже вышли 6 тракторов, начали пахать зябь, и к утру все кругом целиком вспахано.

Вроде бы, оценивай работу хозяйства по этим конечным результатам, находи здесь свои «рациональные зерна», — но ведь тогда мне было всего лишь 24 года и ну никак еще не дошло до меня, почему же все-таки здесь, имея технику, работают вручную?

И наконец-таки встретился с Евтихием Андреевичем в правлении колхоза «Знамя труда». Здание — сразу обратил внимание, деревянное, как деревенский дом. И чистота, порядок — как дома. За печкой стоит по-военному аккуратно застеленная кровать. Сам председатель, приглядываюсь, средних лет, энергичный такой мужик. Встретил меня холодным взглядом, видно, торопился. Я представился, что приехал в Моргауши работать в системе сельхозтехники и сходу выпалил, что хочу внедрить в хозяйствах все самое новое, особенно, в центральном колхозе района. И что меня удивляет, почему, например, хлеб, все зерновые культуры здесь убирают вручную, когда можно купить новые комбайны. В ответ он посмотрел на меня ледяным взглядом, в котором ясно чувствовалось его мнение о стоящим перед ним молодом «всезнайке».

Впрочем, все это он тут же высказал вслух, и, прежде всего, то, что я, Кушков, ничего не понимаю в технике. Разве же умный руководитель колхоза допустит, чтобы железные, недоделанные комбайны портили поля, вели к потере зерна, выращенного золо-

тыми руками труженика села, что это издевательство над колхозниками, и что, видно, умных людей нет в партии, раз допускают такое. И пусть вначале научатся выпускать такие комбайны, которые работают без потерь и отдельно собирают и зерно, и мякину. И что какой же толк от районного инженера по новой технике, который ничего в ней не понимает, и вместо того, чтобы браковать такие комбайны — «вредители», еще и его пытается учить. Я пытался возразить, что человек все время должен учиться внедрять новое, только так можно двигаться вперед. Он посмотрел на меня совсем заледеневшим взглядом и отрезал: «Я с такими инженерами, которые ничего не понимают в колхозном производстве, и время тратить не буду».

Тут уж и меня задело за живое, отвечаю: «Я работал прицепщиком, трактористом, бригадиром тракторной бригады, служил в армии, был перед демобилизацией старшиной роты». Впервые в его в глазах появился интерес. Он немного помолчал, остывая, и спросил: «Откуда вы приехали? Как попали в Моргауши? Где живете?» Я вкратце отвечал, что у меня двое детей, живу на частной квартире, а приехал по направлению. Еще поинтересовался: «Жена — майра?» «Нет, — говорю, — чувашка. Из Красноармейского района, зоотехник». Взгляд его еще больше потеплел: «Вот и хорошо, а теперь поедем по полям. Мотоцикл оставьте около правления колхоза, никто у нас в Моргаушах его не тронет».

Эта поездка по колхозным полям наглядно убедила меня, какой Евтихий Андреевич энергичный, с большим размахом руководитель. Поля яровых культур выглядели, как на Кубани, — совсем без сорняков, озимые давно уже убраны. Меня одинаково удивляли и восхищали и высокая культура земледелия, научный подход к делу, и его смелые мысли о положении дел в сельском хозяйстве, и его сетования, что плохо у нас обучают в сельхозвузах, и студенты не получают необходимых знаний. Он рассказывал, опираясь на опыт своего хозяйства: «Вроде бы простые вещи:

штабелевать навоз около дороги, покрыть землей. Потом разбросали его вечером, вспахали поле ночью. Это же так просто и выгодно всем: ни единого грамма азота не идет в воздух, все — в почву». Получил я ответ и еще на один свой давний невысказанный вопрос: «Уборку хлебов я бы давно вел комбайном, но это же не комбайн, а куча металла! К тому же, большие потери зерна, да и мякину выбрасывать в поле негоже: это, во-первых, отличные корма для скота, во-вторых — сорняк сами разбрасываем в поле! К тому же, как хорошо, когда солома — в одном месте, на току, а мякина в амбаре. Да и все колхозники довольны такой организацией труда: они на уборке зарабатывают больше трудодней, ведь выходит на уборку вся семья. А это, кроме зарплаты, еще один плюс: приучаем к труду детей, растут умелыми и трудолюбивыми».

Так с каждой новой встречей до меня все больше доходило, как по— хозяйски он думает, и делает все для людей, чтобы было лучше всем колхозникам и их семьям. Трудодни сохранялись долгое время. Да и председатель получал их. На каждый трудодень в колхозе на деньги тогда выходило 5-6 рублей. В то время, считалось, это очень даже хорошая оплата труда. При этом в «Знамени труда» была на редкость высокая дисциплина, порядок во всем. И самые лучшие свиньи, лучшие коровы, лошади были именно у Евтихия Андреевича. Высокие надои молока и привесы на откорме скота — у него же в хозяйстве. И лучшие доярки, свинарки тоже были в колхозе «Знамя труда». Так что и в районе, и в республике с ним считались, уважали его. Хотя, честно говоря, и побаивались: любого, невзирая на должность, мог раскритиковать принародно.

Помню, как однажды проходило в районе совещание, посвященное путям развития животноводства. Тогда как раз в стране начали строить большие животноводческие комплексы, и хвалили их, видя в них один из ключевых путей развития животноводства. И приехавший к нам в район высокопоставленный чинов-

ник (кстати, очень опытный, толковый специалист сельского хозяйства) тоже начал в своем выступлении нахваливать комплексы. Да еще почему-то сослался на зарубежный опыт, приводил примеры, как эта работа поставлена в Англии, Франции, Германии. И поэтому все в зале затаили дыхание, когда слово тут же попросил председатель колхоза «Знамя труда», чье отрицательное отношение к фермам-гигантам было всем нам хорошо известно. Голос Евтихия Андреевича был громкий, ясный и в то же время на редкость сердитый. Он недоумевал, как же, работая на такой высокой должности, человек не знает положение дела в Чувашии, не вникает в производство, не видит наших отечественных доярок, свинарок, которые добиваются наилучших результатов, — нет, он хвалит иностранцев: немцев да французов. Вот такие-то руководители, закончил Е.А. Андреев, и доводят республику, страну до нищеты этими своими хвалеными комплексами.

В зале стояла тишина.

А для меня эта пламенная речь была настоящим откровением. Поразила смелость Евтихия Андреевича, прямота, такая авторитетная, прямая и серьезная критика в адрес руководства республики. И сейчас, много лет спустя, вновь и вновь убеждаюсь, какой у Евтихия Андреевича был ум, как далеко он видел вперед, что можно, а что нельзя делать на селе. Ведь в настоящее время практически все построенные тогда комплексы развалились. Надо было, как он не раз советовал, строить небольшие механизированные фермы вблизи сел и деревень: и экономно, и села бы развивались.

Когда мы с семьей жили в Моргаушах, устроились вначале в частном доме у одной крестьянки. Со слов хозяйки сразу поняли, как они все довольны, как гордятся своим председателем. Называли они его между собой «батькой». Всех, кто работал в колхозе, здесь обеспечивали дровами с доставкой на дом. Кто строил новую избу, не искал что-то на стороне: колхоз помогал деньга-

ми, стройматериалами и при необходимости выделял автомашину. Когда мы с женой и детьми переехали ближе к зиме на другую частную квартиру, вернее, в маленький домик-баню, там, через огород, совсем рядом, жил и Андреев Е.А. Дом у него был деревянный, сам построил, а его семья жила очень скромно.

Узнав, что мы теперь живем по соседству, не раз к нам приходил. Он очень любил играть в шашки и всегда у меня выигрывал. За такими встречами и разговорами мы еще больше сблизились и стали почти друзьями. Он удивлялся, как это мы, вчетвером, живем в таком крохотном доме, ночью топим железную печку — «буржуйку», — и все равно радуемся, улыбки у всех. Хвалил нас за то, что умеем приспосабливаться к любой обстановке, а мы отшучивались, что зиму как-нибудь переживем, а как потеплеет, так и вовсе повеселей станет. И правда, летом двор был таким уютным, зеленым, и мои дети с удовольствием играли с детьми Евтихия Андреевича. Его дети были удивительно способные, веселые и очень уважали дисциплину, порядок во всем.

Потом меня перевели работать главным инженером Сундырского отделения «Сельхозтехники», и мы переехали. С Андреевым Е.А. встречались теперь редко: на совещания в Моргауши ездил управляющий, а я, главный инженер, занимался производством. Сундырское отделение «Сельхозтехники» специализировалось на ремонте двигателей для тракторов «Беларусь». Мы сами строились, внедряли у себя культуру производства. И, во избежание всяких случайностей, не пускали к себе на территорию посторонних. И вот однажды, уже в сентябре 1966 года, когда в цехе мы осматривали двигатель, который только что привезли обратно из одного хозяйства по рекламации, и шел весьма острый разговор с контролером-механиком, допустившим этот неприятный для нас брак, прибегает техничка и говорит: «Какой-то дядька ругается, требует главного инженера, не хочет мыть сапоги».

А тогда мы в Сундыре в цех по ремонту двигателей не пуска-

ли никого чужого, да и «своих» заставляли в грязную погоду мыть обувь. И техничка строго выполняла мои инструкции. Выхожу я во двор, гляжу — сам Евтихий Андреевич старательно моет сапоги, и что-то про себя ворчит. «Евтихий Андреевич, здравствуйте, давно не видел вас», — с радостью приветствую его. Он узнал меня и говорит: «Что это за бюрократия у вас, уже и в мастерскую не пускают председателей колхозов, заставляют ноги мыть. У нас в Моргаушах не так». Я подзываю техничку: «Это же Андреев Евтихий Андреевич, его не то, чтоб не пускать — надо было на руках сюда нести». Она заохала: «Конечно, я слышала о нем, но не узнала, извиняюсь, теперь знаю, кто это — сам Евтихий Андреевич».

— Ладно, — миролюбиво отвечает тот, — теперь сапоги вымыл, можно и зайти, посмотреть, чем вы тут занимаетесь? Мы с ним прошли по цеху, показал ему все производство, начиная с мойки двигателей до их обкатки и склада готовой продукции. Цех у нас был весь в цветах и зелени, рабочие — в фирменной спецодежде, конвейер по сборке двигателей работал четко, как часы. Сборку вели высококвалифицированные рабочие, инструменты работали с чистым воздухом. Евтихий Андреевич с явным одобрением сказал: «Это не мастерская, а настоящий завод. Почему же у нас в Моргаушской «Сельхозтехнике» — настоящий бардак?» Тогда, действительно, «Сельхозтехника» в Моргаушах сильно отстала от нас по реконструкции мастерской, а без этого далеко было и до внедрения культуры производства.

Сообщил мне Евтихий Андреевич и о причине своего приезда: «Сломался двигатель, нужен капитальный ремонт». Я отвечаю, что завтра же можно будет получить готовый двигатель в обменном пункте. Он говорит: «Что-то не верю, может, не в обменном, а в обманном пункте?»

Но на следующий день колхоз получил, как и было обещано, хороший мотор. Двигатель этот работал в колхозе после ремонта более 3-х лет. И Евтихий Андреевич меня всегда хвалил за него.

А через год меня вдруг пригласил первый секретарь райкома и говорит: «Нужно ехать в Моргауши. В Моргаушское районное объединение «Сельхозтехники» в качестве управляющего». Я отвечаю: «Мало еще работаю, дайте возможность подольше поработать главным инженером в Сундыре». Тем более, я хорошо знал, что в тот период Моргаушская «Сельхозтехника» совсем не подготовилась к зиме. Котельная не готова, крыши нет, мастерская стояла без дверей, ремонтников не было, работали всего один токарь и один сварщик, да и те ходили вечно пьяные. И потому считал, что не «потяну». Но был я тогда кандидатом в члены КПСС, и меня обязали-таки стать управляющим «Сельхозтехники» в Моргаушах.

И только потом я понял, что это было предложение Андреева Е.А., с мнением которого всегда считались руководители района и республики.

И вот в канун зимы стал я управляющим Моргаушским районным объединением «Сельхозтехники». Прихожу впервые на работу, — окружили механизаторы, водители, возмущаются, что нет ни горячей воды, ни тепла, — сплошные неудобства. Я успо-

Самые бравые парни работали в райсельхозтехнике при А. Кушкове (5-й слева в первом ряду)

каиваю их, как могу, говорю, что если все вместе возьмемся, за две недели много можно сделать. Тут откуда-то появился Евтихий Андреевич и, видимо, сразу поняв, почему люди спорят и ругаются, говорит: «Что же вы за рабочие, если не можете сами для себя создать нормальные условия труда? У нас, например, все машины стоят в теплых гаражах, потому и водители все веселые и довольные, а почему же в «Сельхозтехнике» все в таком запущенном состоянии? Поддержите нового управляющего, Кушков сможет все изменить к лучшему, сделать так, чтобы не хуже было, чем в нашем колхозе, чем в мастерской в Сундыре, где он до этого работал, — я сам видел, какой у них там порядок. Стыдно вам должно быть за такое положение».

Потом мы с ним пошли в контору, около часа сидели, говорили о делах. Много полезных советов дал он мне тогда. Для меня Евтихий Андреевич был учителем, наставником, а еще я у него учился мужеству. Его смелые высказывания, умные решения и меня подталкивали вперед. Старался во всем быть, как он: чтобы никогда, ни при каких обстоятельствах не унывать, не хныкать, а работать красиво, на совесть.

Когда еще жив был Е.А. Андреев, моя судьба в дальнейшем сложилась так, что я долго работал в Чебоксарах, руководил агрохимической службой Чувашии, был председателем Чувашского республиканского объединения «Чувашсельхозхимии» и одновременно первым заместителем министра сельского хозяйства. Так что наши пути-дороги продолжали пересекаться. Хочу отметить, что Евтихий Андреевич был активным в применении минеральных удобрений, но его подход к их внесению был по-настоящему научным, и он правильно критиковал иногда сплошную химизацию, которая порой приносит непоправимый вред. Он стоял за научное внесение органических удобрений в сочетании с химизацией и применял это в своей практике.

Когда, например, мы начали внедрять в республике комплексное агрохимическое обслуживание полей, он одобрял это. А

вот применение при химизации полей крупных тракторов К-700, Т-150 считал даже вредным, потому что тяжелые колесные трактора нарушают структуру почвы. Ратовал за мини-технику для разбрасывания минеральных и органических удобрений — доступную по цене для хозяйств, тем более, что и провести эту работу можно силами родного колхоза. Он не доверял никому другому, чтобы работали на родных ему колхозных полях.

Какой же он был замечательный мужик, — настоящий, умный, решительный, смелый в поступках! Когда меня избрали первым секретарем Вурнарского РК партии, он говорил, что это не моя работа, твердил: «Ты же прирожденный хозяйственник!» И долго сетовал: «Зачем согласился?» Потом меня выбрали председателем Вурнарского райисполкома. Затем — министром сельского хозяйства Чувашии, и он шутливо меня называл «своим министром-мужиком».

Каждый раз, вспоминая об Андрееве Евтихии Андреевиче, я делаю один вывод: это был скромный труженик села, всю свою кипучую жизнь отдавший развитию сельского хозяйства, крестьянству. И до сих пор удивляюсь, как он мог так точно предвидеть, что будет дальше? И как смело и решительно критиковал иные необоснованные преобразования, те или иные решения правительства ЦК КПСС по развитию сельского хозяйства. Тогда ведь все инстанции республики от министерств, обкома КПСС до райкомов принимали наперебой громкие решения по неперспективности малых деревень, новым путям развития крупных животноводческих ферм, их специализации, по ликвидации травопольной системы земледелия и т.д. и т.п. Андреев Е.А. называл их тупыми, глупыми решениями, которые приносят вред развитию сел и деревень и в целом развитию всего сельского хозяйства, считал, что такие решения могут принимать только неграмотные люди, случайно попавшие в руководство. Сегодня мы видим, что он был стопроцентно прав по всем этим вопросам.

Для меня Евтихий Андреевич является Человеком с большой буквы, это крупный ученый, новатор, патриот своей Родины, несгибаемый борец за интересы крестьянства. Он был убежден, что будущее России зависит от развития сельского хозяйства, и за это боролся смело и решительно всю свою жизнь.

Александр Кушков

Часть IV

НА ЖУРНАЛИСТСКИХ ТРОПАХ

«АРИФМЕТИКА» ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ

Осенью 1953 года мне случилось во время одной лекторской поездки познакомиться в Чувашии с председателем моргаушского колхоза «Знамя труда» Евтихием Андреевичем Андреевым.

О его упорстве, энергии и строптивости ходили чуть ли не легенды. Начальство — и районное и республиканское, — видя, как за два года колхоз, где он хозяйствовал, буквально воскрес и даже выбился в передовые, мирилось с «трудным» председателем. Уже тогда ему удалось организовать в колхозе образцовое свиноводство. Это быстро стало приносить большой денежный доход, а за ним пришел и общий подъем всего хозяйства. Но заинтересовал меня Андреев не только своими хозяйственными успехами и даже не только самобытностью характера. Евтихий Андреевич — человек государственного ума: он совершенно органично чувствовал на себе ответственность за все, что происходит в деревне.

Колхозники «Знамени труда» давно знали Андреева, уроженца близлежащего селения. Он работал в их районе уполномоченным по государственным заготовкам сельхозпродуктов. После того, как в колхозе сменилось за два-три года несколько председателей, колхозники на отчетно-выборном собрании твердо потребовали:

— Дайте нам Андреева!

И заочно выбрали его председателем.

Приехав в колхоз, он созвал собрание и сказал:

— Избрали меня в председатели — давайте договариваться. Не я, вы хозяева колхоза. Вы будете его поднимать. Давайте мозговать вместе, как и что делать. А там уж я буду отвечать перед вами за выполнение этих решений. И не обессудьте: на работе попрошу слушаться. Все недовольства — на собрание, на правление, а на работе чтобы мое слово — закон.

Никогда Андреев не позволял ни себе, ни другим, какие бы начальственные посты они ни занимали, забывать о колхозной демократии, предписывать или «указывать» правлению, а тем более колхозному собранию те или другие решения. Важные хозяйственные меры принимаются в «Знамени труда» лишь после того, как члены коллективного хозяйства убедятся в целесообразности этих мер, станут их сознательными сторонниками, когда решение будет действительно коллективным.

И тогда уже Андреев не отступит от выполнения принятого решения, как бы ни требовало этого любое начальство.

«Решение правления!» — говорит Андреев, как сказал бы: «Требование закона!»

И эта убежденная, сознательная опора на демократическую природу колхоза, заставляя нередко отступать и самых ретивых администраторов, верно оберегала «Знамя труда» от многих разорительных «указаний», а в колхозниках растила чувство гражданской ответственности.

Девизом Андреева было и есть: «Внимание к экономике!»

— Убыточность коллективного хозяйствования, — говорил он в одну из наших встреч, — это такой опасный враг, такой союзник мелкособственнической психологии, с каким речами и лекциями не сладишь. Этого врага нужно бить экономикой.

Андреев говорил о вредном влиянии создавшихся в известный период в колхозной экономике противоречий на сознание колхозника, о росте индивидуалистических, частнособственнических тенденций. Не получая необходимого дохода от общественного производства, колхозники отсталых артелей невольно переключали все свои трудовые усилия на личное подсобное хозяйство в ущерб колхозному, искали рынка, на котором бы подороже продать картошку со своего огорода или яйца от своих кур. Искали средств к существованию лишь на своем приусадебном участке, и на работу в колхозе начинали смотреть как на повинность.

В «Знамени труда» эти тревожные симптомы почти не проявлялись. Коллективная продуманность хозяйственных мер, обеспечивших быстрый рост денежных доходов, и созданная системой оплаты труда прямая личная заинтересованность каждого члена артели в общем успехе делали свое дело. Но экономические неурядицы деревни сказывались, понятно, и на их хозяйстве, а главное — Андреев не мог думать о своем хозяйстве изолированно, не думая о путях всей нашей деревни.

— Горожанин, вынужденный обращаться к рынку, обижается на колхозника, — с горечью говорил мне Евтихий Андреевич, — что тот дорого с него берет. Для горожанина все колхозники равны. Он, стало быть, и мне это говорит. И мне совестно перед ним и обидно. Обидно потому, что мы-то в своем колхозе большую часть своей продукции продаем государству по заготовительным и закупочным ценам. Но потребитель, то есть прежде всего рабочий, знает одно: продукты недешевы. Центнеры, засеянные гектары, литры молока — все как будто увеличивается, а скажите: намного подешевели мясо, молоко, яйца? Забываем о прямой материальной заинтересованности колхозника в развитии общественного колхозного производства. Пытаясь поднять отсталые колхозы, мы иногда игнорируем объективные экономические законы, — твердо закончил Андреев.

...Несколько минут мы шли молча. Повсюду виднелись новые строения. Не было здесь раньше ни вот этого гаража, ни пяти больших зернохранилищ и нескольких бригадных складов. А дальше — новый свинарник, овчарня, конюшня, телятник, птичник...

— Ну и настроили вы тут всего! Чудеса какие-то! — восхищенно говорю я.

Андреев с усмешкой разводит руками:

— А нас все ругают: не строимся! Сейчас за стройку у нас считают только силосные башни.

«По-прежнему, значит, воюет с начальством неуемный председатель», — подумала я.

Мы подошли к одному из пяти новых общежитий при фермах. Поднялись на высокое крыльцо, вошли в чистую, прибранную комнату с новыми кроватями, хорошим постельным бельем, добротными, аккуратно заправленными одеялами. Хозяек-доярок дома не было: на ферме шла вечерняя дойка.

На обратном пути Андреев опять заговорил о тех же, видимо, не дающих ему покоя, вопросах:

— Мы часто говорим о материальной заинтересованности. Даже как будто создаем ее: даем премии, поощрения, вводим прогрессивку. Но все это разрозненно, по мелочам и так запутанно, что никто уже не понимает, за что сколько ему платят. А нет заинтересованности в развитии коллективного хозяйства — тормозится и его экономическое развитие, и его влияние на психологию колхозника.

— Но вы же пришли сюда и подняли все хозяйство, — возразила я.

Вместо ответа Андреев, внезапно остановившись, показал мне на двух усердно работавших в сумерках воскресного вечера молодых плотников. Они возводили новый забор вдоль главной улицы села. Любуясь их ловкими движениями, он сказал:

— Поднимают колхоз — и наш, и все другие — вот такие мастера-работники, для которых труд сам по себе нужен и радостен, если даже и не очень прибылен. Посмотрите, как красиво работают! И очень большую ошибку делаем мы, — убежденно добавил он, — когда все успехи и все неудачи в колхозах приписываем только руководству. А ведь богатство ниоткуда нельзя взять, кроме как от труда, то есть от самих же колхозников. Руководитель только тогда и может наладить дело, когда сумеет собрать весь опыт людей, все их мысли, обобщить этот опыт и претворить в жизнь, чтобы крестьянин чувствовал — умно дело ведется, чтобы выгоду видел от этого руководства.

Сколько раз с тех пор, слыша и читая о воспитании гражданственности, я вспоминаю этот разговор и всю деятельность Анд-

реева в колхозе. Он добился многого.

В Моргаушах не запираются амбары и склады, нет «проблемы» борьбы за дисциплину, бригадиры не ходят по домам собирать колхозников на работу. И председатель за семнадцать лет, что знаю этот колхоз, не наложил самолично на колхозников ни одного дисциплинарного взыскания.

Но если бы вы спросили Евтихия Андреевича о его воспитательной работе, ему пришлось бы, отвечая на ваш вопрос, рассказать не только и даже не столько о беседах, спорах с колхозниками по множеству нравственных и просто житейских вопросов. Мало было бы рассказать, как заодно с председателем — страстным любителем кино — такими любителями становятся и колхозники. Недостаточно было бы рассказать вам и о том, как прочно вошла в быт, в дом колхозника, вслед за домом председателя, книга — научная, практически нужная, как убедились колхозники, хозяйству, а затем и художественная. Мало было бы даже сказать вам о том, как личный пример Андреева, лютого ненавистника пьянства, и не всегда, скажем, деликатное обращение его с пьяницами так основательно «придушили» в колхозе зеленого змия, что ему и нос высунуть страшно на моргаушские улицы.

Отвечая на ваш вопрос о воспитательной работе, Андрееву пришлось бы рассказать — и в этом главное — о всей своей хозяйственной деятельности. И прежде всего, о том, какими мерами — экономическими и организационными — осуществляется в колхозе его кредо: «чтобы крестьянин чувствовал — умно дело ведется, чтобы выгоду видел от этого руководства».

Андреев справедливо видит именно здесь — в умении доказать крестьянину выгоду от коллективного хозяйствования — ключ к воспитанию нового сознания. Он исходит из глубокого уважения к уму крестьянина, к его трудовому опыту.

— Все условия жизни, сама природа всегда заставляли крестьянина думать, — говорил он мне. — Превратности погоды, множество непредвиденных случайностей всегда ставили перед кре-

стьянином задачи, которые под страхом голода нужно было решать быстро и мудро. И самая серьезная из допущенных нами ошибок в организации сельского хозяйства — это пренебрежение к разуму крестьянина, к его хозяйственной мудрости, самонадеянное стремление учить его сельскому хозяйству, вместо того чтобы самим у него учиться.

Это не было в его устах пустой фразой.

Андреев уверенно полагается на хозяйственную мудрость колхозника, на его трудовой опыт, на сознание ответственности за общее дело даже в острых конфликтных ситуациях.

При мне в колхозе был такой случай.

Значительный участок овсяного поля пострадал от ливневого дождя. Убирать полегший овес было трудно, на выработку трудодня приходилось затрачивать вдвое, а то и втрое больше времени. Кто-то в бригаде заговорил о необходимости повысить на этой работе оплату трудодня.

— Ну что ж, подумайте, решите, — сказал Андреев. — Можно сделать и так. Только ведь вы понимаете — денег на это брать неоткуда, кроме как из того же фонда, что мы с вами определили на оплату трудодней. Придется, значит, для этой добавки снизить оплату трудодня на других работах. Посчитайте, будет ли выгодно.

Бригада, обсудив вопрос на коротком производственном совещании, решила работать по действующим расценкам.

Однако, на этом дело не кончилось. На следующий день один из недовольных принятым решением не явился на работу. Бригадир, встревоженный чрезвычайным для «Знамени труда» происшествием, как раз при мне доложил о нем Андрееву, сказал, что после работы соберет бригаду, спросил, придет ли председатель…

— А зачем? — спокойно возразил Евтихий Андреевич. — Дело бригады — бригада пусть и решает.

Бригада решила не допускать провинившегося к работе на всем овсяном поле: не захотел разделить с другими трудные дни

— не разделишь и легкие.

Участие колхозников «Знамени труда» в управлении своим хозяйством, от бригады до колхоза в целом, мне кажется, потому и реально, что зиждется оно на ясном понимании экономической сущности хозяйственных решений. Они приучились видеть экономическую перспективу, сложность стоящих перед колхозником экономических задач.

Это дает им возможность решать вопросы не «сиюминутно», а с заглядом в будущее, учитывать и отдаленные последствия принимаемых мер, заставляет думать.

— Ведь крестьянин искони привык считать не только рубли, но и копейки, — говорит Андреев. — Этого жестко требовала от него жизнь, нужда. Без счета нет хозяйствования. Это же бесхозяйственность! Крестьянин не может мириться с бесхозяйственностью. И не должен! — вдруг рассердился Андреев. — Крестьянин прав, когда хочет от нас не команды, не призывов, а умного, трезвого хозяйственного расчета. Арифметики!

Девиз Андреева — «Внимание к экономике, к рублю, к «арифметике» — верно служит не только хозяйственным успехам колхоза, но и пониманию колхозниками глубинных экономических процессов, а тем самым и подлинной их гражданской ответственности за ход этих процессов, за ход общего дела.

Самостоятельность мысли, инициатива, взаимопомощь в труде рождаются вместе с этой гражданской ответственностью за общее дело так же естественно, так же «автоматически», как автоматически голое администрирование, командование, игнорирование общественного мнения рождают в людях безответственность, равнодушие к общему делу и к чужой нужде, развязывают и растят антиобщественные, эгоистические свойства и качества.

В жизни «Знамени труда» передо мной до наглядности ясно вскрылась внутренняя связь тончайших психологических процессов, душевных качеств человека с «грубой» обыденностью его общественной практики, с тем, как и кем принимаются самые про-

заические хозяйственные решения, делаются самые будничные общественные дела.

Как же приводится в действие «механизм» этой связи? Что делает хозяйственную «арифметику» Андреева «арифметикой» воспитания в колхознике гражданина?

* * *

Вскоре после этого разговора я отправилась в колхозную контору, решив, что не уйду, пока не разберусь в андреевской «арифметике».

Было еще очень рано, но деловой день в колхозе был уже в разгаре. Со строек доносились стук молотков и визг пил. К складам уже шли с поля груженные картофелем машины, навстречу им спешили на поля порожние. Нигде не видно было человека не только праздного, но даже работающего, как говорят, «с прохладцей».

В беседе нашей с председателем колхоза приняли участие и бухгалтер, и агроном, и заходившие в контору по делам колхозники. Хотя в новом доме конторы были две просторные комнаты, Андрееву больше нравилось сидеть не в своем новом кабинете, а по-прежнему в общей комнате, на народе.

— Хотите арифметику нашу узнать! — засмеялся он. — У нас даже не четыре, а только три правила. Но уж отступить от них Захар Макарыч, наш бухгалтер, не даст!

В кругу соратников, на своем привычном месте, председатель, казалось, забыл тревожные думы. Глаза его, показавшиеся мне вчера усталыми и озабоченными, сейчас светились победным, чуть хитроватым смешком знающего свою силу деревенского мастера-знатока.

И началось мое посвящение в «тайну» невидимого равнодушному глазу превращения рубля, хозяйственного расчета, системы оплаты труда и прочих экономических категорий в действенные факторы убеждения крестьянина в единстве его личного ин-

тереса с интересами колхоза и государства, в факторы нравственного воспитания крестьянина.

— Первое наше правило: считай не центнерами, а рублями. Смотри, что чего стоит. Так ведь, Захар Макарыч?

Бухгалтер, невысокий, чуть полноватый человек тех же средних лет, что и Андреев, но, не в пример последнему, степенный и неторопливый, утвердительно кивнул головой.

— Так вот, счет. Нас ведь все ругают, — опять засмеялся Андреев. — Надои малы, поголовья мало. Надои у нас действительно небольшие: две тысячи — две тысячи двести.

Трех-четырех тысяч от нашей помеси красногорбатовки с местной породой не надоишь. Но менять ее на ярославку пока не собираемся. Для наших мест ярославка сейчас невыгодна. Почему? А вот считайте: наша прекрасно ест грубые, то есть дешевые, корма— сено, солому, которые без нее в хозяйстве и съесть некому, а ярославке нужен корм дорогой. Молоко ее в наших условиях обошлось бы в такую копеечку, что не она бы работала на колхоз, а колхоз на нее. Тут вот и подходит наше второе правило: считай все в совокупности.

Агроном Еннафа Алексеевна добавила:

— Видите ли, когда мы планируем посевы разных культур или рост поголовья коров, овец, птицы, мы обязательно учитываем, что это даст другим отраслям хозяйства, всему колхозу. Вот, например, поголовье овец. Мы подсчитываем, сколько овец может прокормиться на неудобных пастбищах, по оврагам, кочкам, где и скосить траву нельзя, и никто ее, кроме овец, не съест. Коров держим столько, чтобы получаемый с завода обрат можно было полностью использовать на откорм свиней.

А доходит ли, подумала я, вся эта «арифметика» до колхозников? Ведь лишь в этом случае она будет служить не только хозяйству, но и сознанию крестьянина, его хозяйственному расчету.

Словно бы отвечая этим моим думам, в разговор вступил За-

хар Макарович.

— Мы добиваемся, — сказал он, — чтобы не только в бухгалтерии велся счет рублям, но и каждый колхозник привыкал мыслить комплексно, учитывать все стороны дела и мерить свои успехи готовой продукцией. В этом и есть наше третье правило: простой трудодень, измеряемый единицей продукции.

Одна из зашедших в контору колхозниц, прислушавшись к разговору, заметила: — Мы другой раз спросим у соседних доярок, как им трудодень исчисляют, так даже удивляемся, как они могут понять: сколько-то им за уход платят, сколько-то за надой, сколько-то за вывозку навоза. Так они и говорят: мы и сами ничего не понимаем.

— А у вас как же? — спросила я.

— Мы одно знаем: литр молока. За каждый литр, что надоим, получаем две с половиной сотки трудодня.

Я спросила, как исчисляется трудодень на таких работах, которые, собственно, продукции не дают. Например, трудодень шофера.

— Принцип остается тот же, — сказал Захар Макарович.— Возим, например, лес из-за Волги. Измеритель, один кубометр привезенного леса, — ноль и пять десятых трудодня. Никаких доплат нет. За текущий ремонт не платим; поломал машину — чини как знаешь.

Беседуя впоследствии с шоферами, я узнала, что порядок этот, показавшийся было мне чересчур жестким, верно служит все тому же чувству хозяина общественного добра, приучает беречь его, воспитывает чувство ответственности.

— Иной раз в мороз, по хорошей дороге, сутками из машины не вылезаешь, а уж в распутицу машину ломать не поведешь.

Кстати, машины в «Знамени труда» всегда в образцовом порядке, и на заработки шофера не жалуются.

Я попросила Захара Макаровича познакомить меня с результатами, которых добился колхоз. Захар Макарович подал лис-

ток бумаги с рядами цифр.

Успехи моргаушского колхоза, ровный, не прерывавшийся и в неурожайные годы подъем его были очевидны, но связь этих успехов с общими мыслями Андреева не была еще ясна мне. Сравнить бы основы моргаушского хозяйства с каким-нибудь другим! Где же лучше побывать? Посоветовавшись с руководителями района, поехала в соседний колхоз «Свобода».

Замещавший уехавшего в отпуск председателя молодой агроном и почти такой же молодой счетовод рассказали мне о своем хозяйстве.

Я попросила познакомить меня с цифрами развития колхоза «Свобода» за последние пять лет. Хотелось сравнить их с моргаушскими. Таких цифр у моих собеседников не оказалось. Пришлось довольствоваться сравнением некоторых показателей за один год.

Куда же, думала я, сравнивая эти показатели с моргаушскими, девается в «Свободе» и в десять раз большая, чем у соседей, площадь под кукурузой, если кормов у них много меньше, чем в Моргаушах, центральной усадьбе «Знамени труда», и более высокая урожайность зерновых, и значительно превышающая соседскую численность свиностада, если зерна и свинины получают они на 100 гектаров пашни, оказывается, меньше? Почему всей вообще продукции на 100 гектаров земли здесь получают чуть не втрое меньше, чем в Моргаушах? Ведь земля-то одинаковая! Почему так сильно разнится денежный доход двух соседей, так отстает оплата трудодня в «Свободе»?

Может быть, просто мало в «Свободе» земли? Может быть, негде колхозникам применить свои силы? Но тут же узнаю: на каждого трудоспособного колхозника в «Свободе» приходится земельных угодий вдвое больше, чем в «Знамени труда».

Где же корни сравнительной бедности «Свободы»? Видно, прав Андреев, утверждая, что самые прогрессивные мероприятия, если применять их, не задумываясь о том, рентабельны ли

они, не заинтересовав в этой рентабельности каждого колхозника, могут пойти не на пользу, а во вред делу.

Раздумывая обо всем этом, я пришла на животноводческие фермы «Свободы». Утопая в грязи, пробирались мы с заведующим МТФ к вросшим в землю, крытым соломой коровникам и свинарникам. После прочных, под тесовыми крышами, светлых и чистых моргаушских ферм эти свинарники и коровники казались убогими. Свиньи здешние показались мне даже принадлежащими к какому-то иному, чем моргаушские, виду животных: худые, длинные, грязно-серого цвета, они не походили на упитанных, бело-розовых моргаушских красавиц. Зато они помогли мне решить, по крайней мере, одну из мучивших меня загадок. Стало понятно, почему 60-70 свиноматок в Моргаушах обеспечивают колхозу выход свинины, в пять раз превышающий то, что в «Свободе» получают от значительно большего числа маток. Коровы были здесь разных пород, но — увы! — и вальяжные ярославки мало чем отличались по надоям от своих неказистых местных подруг, но болели значительно чаще.

Зашли в общежитие доярок. С трудом взобравшись по обломанным порожкам, мы увидели грязную, неуютную комнату, неряшливые, неприбранные постели.

Памятуя об андреевской «арифметике», я спросила заведующего МТФ, как начисляется дояркам трудодень, и услышала в ответ именно то, что осуждала моргаушская колхозница: трудодень доярки слагается в «Свободе» из целого ряда разных показателей, среди которых основной показатель — надой молока — составляет лишь какую-то небольшую долю.

— А если только за надой платить? — спросила я.

— Что вы! У нас тогда все доярки разбегутся, — ответил заведующий фермой. — Удои же у нас очень маленькие. Что же доярки тогда заработают?

Итак, вроде бы, забота о человеке: мало заработают. То же услышала я, спросив о трудодне шоферов.

— Платим ли за ремонт? Ну, а как же не платить! Иной ведь на две-три недели с ремонтом засядет. Как ему тогда жить?

Возникла новая загадка: в Моргаушах все подчинено заботе о производстве, но люди там выглядят оживленными, деятельными, увлеченными своей работой и, не боюсь сказать, гордыми. В «Свободе» все подчинено как будто заботе о людях, а люди-то как раз вялы, пассивны, равнодушны.

Возвращаясь с фермы, я разговорилась со старым колхозником «Свободы» — шорником Демьяном Спиридоновичем Щукиным.

— Да что ж, живем помаленьку, — не очень весело отозвался он на мои расспросы. — У кого, конечно, силы поболе, хозяйство покрепче, тот получше живет — возит на базар картошку, свинину, яйца...

Колхозные урожаи и неурожаи, колхозные доходы и убытки в этих думах старика о жизни никак не фигурировали. Они как бы вовсе его и не касались, хотя ему-то как раз на личный огород и рынок сил давно уже не хватало.

А вокруг между тем высилось много новых изб, какие избами-то уже и назвать, по сути дела, нельзя, — хорошие дома. Контраст этих ладных домов с убогостью колхозных строений резал глаза.

Я спросила Демьяна Спиридоновича:

— Это что же, особо хорошие колхозники построили? Старик взглянул на меня с удивлением.

— Это как хорошие? — недоуменно спросил он меня.

— Ну, которые много трудодней заработали. Или премии получили.

— Они-то? — еще больше удивился мой собеседник. — Да нешто на трудодни построишься? Трудодни им нужны только-только, чтобы в колхозе числиться. Пусть бы хоть и не платили совсем. Им участок нужен, права нужны колхозные. А хозяйство у них свое.

«Хозяйство у них свое». А психология? Можно ли ждать от этих «колхозников» заботы о коллективном хозяйстве, чувства ответственности, достоинства гражданина? Я спросила, есть ли в округе колхозы, где живут зажиточнее и без помощи базара.

— Да вот рядом, — живо откликнулся старик, — не слыхали? «Знамя труда» колхоз.

— Отчего же там лучше? — спросила я. Старик задумался, потом сказал твердо:

— У них трудодень очень аккуратный.

— Это как так аккуратный?

— А так, что весь в работе. Хочешь заработать, сидеть уж погоди. И с толком все. Зря время не гоняют. Оно и заработок большой, и колхозному хозяйству прибыток.

Аккуратный трудодень. Не о нем ли думал и Андреев, говоря о производительности труда в колхозах? Имевшиеся у меня данные — число трудоспособных колхозников в каждом колхозе и количество полученной за год продукции — позволяли подсчитать, что дает своему хозяйству, а стало быть, государству, народу каждый трудоспособный колхозник в колхозе «Знамя труда» и в колхозе «Свобода».

Оказалось, что по всем видам продукции, за исключением зерна («Свобода» как семхоз пользовалась элитными семенами!), выработка на одного работающего, то есть *производительность труда*, в «Свободе» значительно ниже, чем в «Знамени труда».

Выходит, Андреев опять-таки прав. Основа колхозного богатства, как, впрочем, и следовало ожидать, в труде колхозника, в производительности этого труда. Встретившись на следующее утро с Андреевым, рассказала ему о своих впечатлениях в «Свободе», о беседе с соседским шорником, сказала о его мысли насчет «аккуратного» трудодня.

Евтихий Андреевич весь просиял:

— Вот видите, правильно понял старик, где основа колхозного богатства! Не сказал ведь, что им, мол, наверно, государ-

ство больше помогает или председатель хороший попался, оттого и живут лучше. В самую точку старик попал... — Он замолчал, задумался. Потом добавил убежденно: — Труженик, видно. Мастер!

* * *

Пришел трудный для нашего сельского хозяйства 1963 год. В конце августа, когда я приехала в Чувашию, заведующий отделом сельского хозяйства обкома КПСС угрюмо, недовольно говорил мне о «Знамени труда»:

— Противоречивый колхоз. Показатели, правда, хорошие, но кукурузу не сеют, сахарную свеклу не сеют. Вообще, все делают по-своему.

Андреев не был тогда еще членом обкома партии, депутатом Верховного Совета РСФСР. Заслуженное признание его трудов хозяйственного руководителя и воспитателя было еще далеко впереди: высшая награда труженика — звание Героя Социалистического Труда — пришла к нему тоже много позже. Но в колхозе Андреев тогда работал, как и раньше. В то самое время, когда «наверху» высказывали недовольство противоречивостью «Знамени труда», колхоз уже полностью продал государству и предусмотренное планом количество зерна, и немало сверхпланового. На картофельных плантациях кончали копать картофель, — по 250-300 центнеров с гектара, причем, колхоз уже тогда продал государству сверх плана большое количество клубней. На токах шла слаженная, безупречно организованная работа — домолачивали богатый урожай ржи, овса; огромными валами тянулись скирды прекрасного сена, ржаной и овсяной соломы. Всюду в колхозе порядок, верный трудовой ритм.

Из бесед с председателями «Знамени труда», «Свободы» и других чувашских колхозов, из собранных и проанализированных мною данных колхозных бухгалтерий, Статистического управления республики и республиканского Министерства произ-

водства и заготовок сельхозпродуктов выяснилось следующее. Колхоз «Знамя труда» выделяется из всех чувашских колхозов производительностью труда колхозников, количеством сельскохозяйственной продукции, получаемой с гектара колхозной земли, количеством проданной государству только высшими сортами продукции в расчете на 100 гектаров; выгодно выделяется колхоз и высокой оплатой трудодня.

О качестве работы колхозников на полях и фермах мне восхищенно говорили проходившие там практику учащиеся республиканской школы подготовки руководящих колхозных кадров:

— Мы наблюдали копку картофеля. Удивительная работа! В поле не оставляют ни одной картошинки, самой мелкой. Тут же ее сортируют: мелкая идет на корм скоту. На полях после жатвы мы не могли найти ни колоска ржи или овса!

Трое учащихся из соседствующей с Чувашией Татарии говорили мне:

— После того, что мы видели в наших колхозах, мы тут смотрим и не верим собственным глазам. Мы даже не думали, что такое может быть. Такое богатство кормов, такие богатые фермы. А главное — такое заботливое, по-настоящему хозяйское отношение колхозников к общественному добру.

* * *

Теперь в Чувашии Андреева уже не называют упрямым. Не стану перечислять побед «Знамени труда». Их много. Они теперь признаны. Все, за что корили и ругали «упрямого» председателя, оказалось не упрямством, а страстностью в защите нужных народу позиций. Жизнь показала, что прав был Андреев, когда неколебимо стоял за «арифметику» — экономическую обоснованность всякого хозяйственного начинания, за то, чтобы эти начинания диктовались не приказом сверху, а коллективным разумом самих хозяев колхоза — колхозников. Прав был моргаушский председатель, что держался только тех форм организации и оплаты тру-

да, которые обеспечивают прямую материальную заинтересованность каждого колхозника в развитии, в рентабельности всего колхозного хозяйства.

...Когда я, впервые приехав в «Знамя труда», допытывалась у Евтихия Андреевича, какими путями он за два года поднял колхоз, вывел его на твердую дорогу экономического подъема, он ответил:

— Вывели колхозники. Я просто помог им научиться считать, что выгодно колхозу, что невыгодно.

— Не хотите ли уж вы сказать, — возразила я, — что ваши колхозники думают в первую очередь не о своей личной, а о колхозной выгоде? Может, даже прямо о государственной?

— Скажу: и о государственной! Только почему вы противопоставляете: не о своей, а о государственной? Думают и о колхозной, и о государственной именно потому, что не могут не думать о своей. Надо только сделать это единство очевидным и нерушимым.

Наталья Четунова,

(Из книги очерков «А жизнь идет...», Москва, 1982 год. Печатается в сокращении)

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Моргауши — райцентр, он расположен на берегу речки Моргаушки. Вокруг села раскинулись поля, луга, шумят вековые леса. Моргауши — село немаленькое. Куда ни глянь — везде новые дома, резные ворота, срубы. Колхоз «Знамя труда» объединяет пять деревень, расположенных вдоль речки Моргаушки.

Рано утром по снегу, слегка хрустящему, я отправился в правление колхоза. Две комнаты. Одна — рабочая комната председателя колхоза, другая — бухгалтерия. В комнате на стене — порт-

рет А.Г. Николаева — летчика-космонавта, нашего земляка. Моргаушцы выбрали Андрияна Григорьевича депутатом Верховного Совета РСФСР. У своих избирателей он бывал несколько раз.

Думал я, что пока куры не сошли с насеста, в правление никто не приходит. А напрасно. Я пришел очень рано, а председатель — задолго до меня. Оказывается, у него привычка такая: зимой приходить к семи, а летом, в разгар страды, даже в 2-3 утра, и до темноты — на работе.

Евтихий Андреевич очень беспокойный, подвижный человек. За день успевает побывать везде: в бригадах, на полях, на фермах. Любит ходить пешком. Говорит, что председатель должен работать больше, чем колхозник.

Его по праву можно назвать богатырем колхозного движения. Он умеет вести хозяйство, умеет делать копейку, умеет работать с людьми. К нему приходят за помощью не только свои колхозники, но и жители других деревень. Со всеми говорит тепло, доброжелательно, дает советы. Потому его любят, уважают, верят в него, доверяют.

Родился он в 1912 году в деревне, в большой крестьянской семье, но родители были очень рады, что появился четвертый сын. На шестом году жизни он, младший, со своими старшими братьями с серпом пошел жать в поле. В 10-12 лет Евтихий научился пахать. Но зерна до весны не хватало, и он, чтобы помочь семье, стал плотничать, и освоил плотницкое дело мастерски (это после шестилетки-то!). Когда в 1930 году в деревне образовалось коллективное хозяйство, в его дела активно включился и восемнадцатилетний Евтихий. Стал он бригадиром-полеводом. Затем его послали на курсы счетоводов. Видя, что в парне есть толк, односельчане выбирают его председателем колхоза. В 1934 году Евтихия Андреевича призывают в армию. По возвращении его снова выбирают председателем родного колхоза. Дела шли хорошо, о нем заговорили как о толковом руководителе, и скоро Анд-

реева переводят директором районного лесозаготовительного хозяйства. Но не проработал здесь и года, как перед новой посевной односельчане добились, чтоб отозвали его. Евтихий Андреевич с радостью вернулся в свой колхоз. Когда началась война, Евтихий Андреевич, оставив колхозную печать другому, ушел на фронт. Там был политработником, вдохновлял солдат. А дома его жена Татьяна Егоровна за двоих неустанно работала в колхозе. После войны Е.А. Андреев, уже офицер, возвращается домой. Этой же весной начинает работать заместителем уполномоченного Министерства заготовок страны в своем районе, затем — и уполномоченным. За время работы не раз вдоль и поперек обошел весь свой район. В том числе, и расположенный в Моргаушах отстающий колхоз «Авангард».

Е.А. Андреев согласился стать его председателем: вернее, в 1951 году начал работать в объединенном колхозе «Знамя труда», «хромавшем» тогда на обе ноги.

Теперь колхозники перестали ждать манны небесной. В поте лица добывают свой хлеб.

Они научились любить родную землю, как мать, лелеять, работать по науке. Их золотые руки умеют работать на земле и достигать больших успехов.

Моргаушцы-колхозники,
Хозяева полей,
Выращивать умеют
Хлеба для всех людей.
Моргаушцы-колхозники —
Хозяева всех благ!

Григорий Петров

* * *

Известный в Чувашии председатель Моргаушского колхоза «Знамя труда» Евтихий Андреев как-то рассказывал:

— Приехал ко мне однажды «голова» соседней артели. «По-

советоваться, — говорит, — хочу. Кормов у нас много, а свиньи тощие — едят плохо. С чего бы это?». Взяло меня любопытство, поехал к ним. Захожу в свинарник — дышать нечем. Оказывается, свинарки после приготовления корма чаны не промывают, а сразу же закладывают туда свежий. И так изо дня в день. В чанах все перекисает. Выходит, свиньи голодовку объявили в знак протеста против антисанитарии, а председатель этого понять не может…

Зашли в другое помещение, а в нем туман, с потолка каплет. «Всегда тут сыро, наверное, место низкое», — строит догадки сосед. А причина-то совсем в другом — потолок не утеплен. Возмутился я тогда элементарной неграмотностью этого руководителя. «Читать умеешь?» — спрашиваю. «А как же, — отвечает. — Однако, странный ты вопрос задаешь». «Что же прочитал за последнее время?». «Нам ли, — говорит, — председателям, до чтения, Евтихий Андреевич? Вертишься с утра до вечера, как белка в колесе». Ишь, куда загнул: не ему, а «нам». Дал я тогда соседу за это «нам»!..

Андреев благоговеет перед книгой, не понаслышке знает он труды Докучаева, Прянишникова, Тимирязева… Как бы ни были беспокойны председательские обязанности, он три-четыре часа ежедневно посвящает чтению. Ходит и в кино, не пропускает ни одного концерта и спектакля приезжих артистов. Впрочем, во всем этом нет ничего удивительного. Современный руководитель колхоза, если, разумеется, он не случайно оказался на своем посту, — это человек широкой эрудиции, высокой культуры.

Почему же так происходит в жизни: одни руководители колхозов находят время для постоянного расширения своего кругозора, а другие теряют и то, что приобрели в институтах?

Думается, во многом объясняется это степенью культуры председательского труда, которая позволяет по-разному использовать равный для всех бюджет времени. Тот, кто сумел выбрать рациональный метод, успевает справляться и с производственными обя-

занностями, и находит возможность пополнить собственный багаж знаний.

Председатель — будь он даже семи пядей во лбу! — не может обойтись сегодня без постоянного пополнения своего багажа, если он хочет по-научному вести дело. Образец председателя колхоза — это человек всесторонне образованный, по-современному культурный. Одной «крестьянской хваткой» теперь не проживешь.

Виктор Фоменко

* * *

Евтихий Андреевич был руководителем думающим, прозорливым. В основе его хозяйственной политики лежала мысль о том, что колхозы созданы для того, чтобы коллективно кормить себя, да еще и побольше давать государству. Давать, обратите внимание, а не брать! Достичь же этого легче всего, когда у людей есть личная заинтересованность в конечном результате. И трудодень, прямо завязанный на совокупный валовой продукт, как раз и служил этой цели. Он поддерживал стремление производить побольше, чтобы и себе было вдоволь, и государству оставалось. Вот вам и самоокупаемость!

Колхозные ветераны рассказывали, как после правительственного решения о переходе на гарантированную оплату с ежемесячной выплатой практически еще не заработанных денег механизаторы потребовали соответствующих реформ и в своем колхозе. Конфликт возник в конце года, в межсезонье, когда трактористы и комбайнеры не всегда вырабатывали и по полтрудодня. Собрались они однажды, пригласили председателя и заявили: если правление не отменит трудодень, то они потребуют созыва общего собрания и «отменят» — освободят, значит, — его самого.

Евтихий Андреевич не стал с ними спорить. Он лишь попросил для себя два дня — подумать. Это была уловка. Дело в том, что колхозная бухгалтерия уже заканчивала работу по оконча-

тельному расчету с колхозниками. Через день-другой станет известно, сколько кто получит по итогам года. А год, надо сказать, выдался урожайный, щедро наполнивший не только колхозные закрома плодами полей и лугов, но и кассу доходами от проданной государству продукции. Неделю возили колхозники на свои дворы заработанное зерно, сено, солому. За хлопотами механизаторы и забыли, что собирались снимать председателя с должности. Он сам напомнил им о том. В конце дня пришла в правление делегация с извинениями: погорячились, мол.

С тех пор никто больше не посягал на трудодень. Более того, не порушив в поспешности собственные подсобные хозяйства, люди вскоре по достоинству оценили как преимущество трудодня, так и председательскую мудрость, позволившую его сохранить. И когда строптивого колхозного руководителя надумали было районные власти отправить на пенсию, встали за него стеной.

История вышла такая. Вызвали Евтихия Андреевича в райком и сказали буквально следующее:

— Вы хорошо поработали, спасибо большое! Теперь у нас к вам последняя просьба: выступите на колхозном собрании и попросите колхозников, чтобы они отпустили вас на заслуженный отдых.

Андреев понимал, что стоит за такой просьбой, но к партийным поручениям он привык относиться серьезно. А потому подавил нахлынувшую было обиду, и после доклада о работе колхозного правления за отчетный период, поблагодарив персонально почти каждого из присутствовавших крестьян за проявленные трудолюбие и самоотверженность в сложные для колхоза моменты, заявил, что уже стар, сильно устал, и попросил отпустить его с миром доживать свои дни на печке. В зале, почуяв неладное, загудели. Представитель райкома успокаивающе поднял руку. Тогда в наступившей тишине из средних рядов раздался громкий мужской голос:

— Евтихий Андреевич! А ты сидеть можешь?

— Могу, — ответил ничего не подозревавший председатель.

— Ну вот, сиди и думай! Это твое дело. А мы не подведем!

Зал разразился аплодисментами. В них, так до конца и не оглашенная, навсегда утонула идея устранить несговорчивого руководителя. Видя открытую поддержку людей, Андреев, как он потом рассказывал, впервые в своей взрослой жизни не смог сдержать благодарных слез.

Виктор Овчаров

СЛАГАЕМЫЕ УСПЕХА

Земля еще лежала под снегом, но в звуках капели, запахе соломы, в голосистом пении петухов — во всем чувствовалось приближение весны.

У правления колхоза «Знамя труда» стояла гнедая лошадь, запряженная в сани. Узнав, что председатель собирается на фермы, я напросился ему в попутчики: хотел подробно познакомиться с хозяйством.

Лошадка бодро бежала по неукатанной дороге, отбрасывая копытами комья рыхлого снега. Евтихий Андреевич сидел, по-крестьянски выставив правую ногу, и часто поддергивая вожжи. Справа от дороги показались большие колхозные постройки.

— Там у нас техника хранится, — пояснил он. — А вот наши фермы: тут овцеферма, там свинарник, дальше — молочнотоварная ферма…

На каждом шагу, в каждой мелочи внимательный глаз увидел бы здесь руку умного, дельного хозяина. Все животноводческие помещения расположены на возвышенности, вокруг них —

канавы. Здесь хорошо понимают, что сырость не менее опасный враг для скота, чем бескормица и холод. Около ферм «база» — большие сараи с грубыми кормами, мякинницы, подвалы с корнеплодами, склады. Коровники, телятники, свинарники огорожены.

Председатель прежде всего заходит в сараи, отмечает, сколько осталось кормов.

— Дня через три надо будет подвезти, — как бы про себя рассуждает он.

На мой вопрос, как часто пополняются запасы, Евтихий Андреевич ответил:

— В два-три месяца раз. Мобилизуем весь транспорт и за один день управляемся. Зимой это делаем на лошадях — 80-100 подвод достаточно…

Во владениях моргаушцев наиболее доходные статьи — производство картофеля и свиноводство. Колхоз выращивает высокие урожаи картофеля и откармливает самое «полновесное» поголовье свиней. В «Знамени труда» хорошо знают арифметику успеха.

— Овцеводство — выгодная для нас отрасль, — говорит председатель. — Овца — животное невзыскательное, любит жнивье, в оврагах может пастись. Реализовать продукцию легко, много получаем высококачественной шерсти…

Как истинный крестьянин, Евтихий Андреевич обладает хозяйской жилкой. Наведываясь на фермы, он прежде всего направляется не к скотине, а в сараи с кормами, на склады. «У коровы молоко на языке» — гласит народная мудрость.

В «Знамени труда» редко встретишь каменные склады или помещения для скота, зато все фермы сухие и теплые. И здесь соблюдается принцип экономии и целесообразности. — Лет двадцать назад, — вспоминала агроном Еннафа Алексеевна Ильина, — наш колхоз был подобен тому, который фигурирует в кинофильме «Председатель». В 1950 году хлеб здесь побило градом,

артель совсем попала в беду. Не хватало даже семян. О распределении по трудодням не могло быть и речи…

Ныне «Знамя труда» — одно из передовых хозяйств в республике, а сам Евтихий Андреевич Андреев — один из признанных руководителей колхозного производства, Герой Социалистического Труда. Каким же секретом владеет этот потомственный чувашский крестьянин? Умением считать, предвидеть результат преобразований? Правильно расставлять людей?

И тем, и другим, и третьим. Трудно было, конечно, Евтихию Андреевичу, когда он принял хозяйство. Но народ верил ему. Начал он с семян. Поехали колхозники в заготзерно, взяли фуражный овес и хорошенько отсортировали. Лошади еле таскали ноги. Когда возвращались с семенами, они не смогли одолеть подъем у оврага… Колхозники взвалили мешки на себя. Засеяли 700 гектаров.

Взяли 90 тысяч рублей ссуды у государства — первый и последний раз. Нужно было искать источники средств, способные обеспечить доход. Чутье или опыт подсказали Евтихию Андреевичу: фермы! Их объединили, начали строить новые помещения. Прежде всего, отделали свиноферму, продукция которой могла быстрее и выгоднее окупиться, и вскоре удалось расплатиться за полученные кредиты, а через два года — первое распределение по трудодням, правда, еще небольшое, всего по 20 копеек на трудодень, но колхозники твердо поверили в нового председателя, в его умение вести дело.

Люди менялись на глазах. В колхозе давно уже не применяется такое административное взыскание, как штраф. Нет даже замков на складах — артельное добро бережет каждый колхозник.

Народ своими глазами видел, как заботится председатель об общественном хозяйстве. Сначала сам он получал, как и в других местах, твердый оклад — 1200 рублей (старыми деньгами) в месяц. Но еще тогда, в трудное для колхоза время, задумывался Евтихий Андреевич, ведь люди могут сказать: «Тебе что, предсе-

датель, ты же всегда получишь свое, а поработай-ка ты, как мы работаем, — за трудодни». И вот однажды на общем собрании колхоза он предложил оплачивать труд председателя по тому же принципу, как и всем колхозникам — начислять ему трудодни. Народ принял предложение, и поначалу председатель стал получать 112 трудодней в месяц. По мере роста весомости трудодня, по его собственной просьбе неоднократно сокращали эту цифру, он стал получать 90, потом 80, а с 1958 года — 70 трудодней.

Получает деньги председатель за трудодни вместе с колхозниками, по одной ведомости, радуется, что они стали зарабатывать больше, жить лучше. Надо ли говорить, как это располагает к нему сердца людей. С полновесным трудоднем пришел в дома колхозников достаток. Поэтому нет ничего удивительного в том, что моргаушцы не спешат на свой приусадебный участок, пока не убран весь картофель на колхозных полях, ибо основной источник их доходов — общественное производство.

Говоря о сегодняшней структуре экономики артели, председатель упоминает о таких трех «китах»:

Первый — зерновое хозяйство, под которое отведено 70 процентов общей земельной площади.

Второй — картофелеводство.

Третья отрасль — сеянные травы. Особенно, клевер. Он выгоден, потому что не требует больших расходов при подготовке почвы и севе. Обогащает землю. Время уборки удобное, себестоимость низкая. Дешевые корма дают больше возможностей увеличить поголовье скота. Много скота — много удобрений, а значит, выше урожайность полей.

Так в едином комплексе связаны все ветви производства.

Но эта схема была бы мертва, если бы мы не сказали о главном — об отношении самих колхозников к труду. Задает тон председатель. Для него нет мелочей. И в то же время в «Знамени труда» на полезное, перспективное дело средств не жалеют.

Рассказывают, что поначалу, когда правление колхоза по-

мещалось в маленькой избенке без крыльца, приехал в Моргауши один руководящий товарищ из Чебоксар и пожурил Евтихия Андреевича за излишнюю прижимистость:

— Колхоз набирает силы, удобно ли держать правление в таком ... «доме»?

— Это ничего, — ответил председатель, — вот если фермы развалятся, тогда, действительно, будет стыдно...

Экономят здесь на всем, в том числе, и на штатах административно-управленческого аппарата — в артели нет зоотехника, его обязанности выполняют сам председатель и заведующие фермами, председатель обходится без заместителя. «Отрегулирован» в Моргаушах сам механизм управления. В «Знамени труда» заседают не часто. С управленцами Евтихий Андреевич встречается ежедневно на рабочих местах, там и дает необходимые указания, советуется.

В то же время председателя не обвинишь и в ненужной опеке: каждый на своем месте должен быть самостоятелен, уметь принимать свое решение, а не ждать, когда укажут «вышестоящие», — так понимает Евтихий Андреевич взаимоотношения между руководителем и подчиненными.

За уважение к людям любят его колхозники. Нет такого человека в колхозе, который бы не признавал за Евтихием Андреевичем достоинства рачительного хозяина и опытного руководителя. Деловая хватка, природная сметливость, прекрасное знание народного опыта в земледелии, дружба с наукой, постоянное стремление к новому — вот качества этого замечательного самородка.

Иван Михайлов

ОБЕД В РЕДАКЦИИ «РАЙОНКИ»

За 1962—1964 годы работы в условиях укрупненного Чебоксарского района, куда входили тогда Чебоксарский, Моргаушский и Марпосадский районы, мне, журналисту районной газеты, довелось неоднократно встречаться с Е.А. Андреевым, бывать в руководимом им колхозе «Знамя труда» и увидеть его, как говорится, в деле. Известный хлебороб остался в моей памяти (и не только, наверное, в моей) как человек неординарный, умный, дальновидный, прагматик и лирик одновременно, с крестьянской хитринкой и мудростью. Взяв бразды правления в ранее отстающем хозяйстве в свои руки, сумел за короткий срок вывести его в число передовых. В свое время ему предлагали более высокие руководящие должности в районе и даже республике, но он отказался и до конца остался верным «Знамени труда». Не согнули его и угрозы партвыговоров, и даже попытка покушения на жизнь. Остался до конца несгибаемым, сильной воли человеком.

Хочу рассказать о нескольких наших встречах на журналистских тропах…

* * *

Как сегодня, помню проходившую во второй половине апреля 1963 года очередную планерку нашей «районки»: редактор газеты обратил внимание на главную задачу дня — освещение предстоящей весенней страды в условиях укрупненного района. Он заявил: «Мы должны начать с колхоза «Знамя труда», — чтобы задать тон другим хозяйствам. Репортаж о первом дне весен-

не-полевых работ поручается подготовить моему заместителю Михайлову». На следующий же день я приехал в село Моргауши и поспешил в правление колхоза «Знамя труда». К счастью, председатель был на месте. «Вовремя приехал, — ответил он, услышав о цели приезда, — завтра комиссия как раз выезжает на поля, и на месте изучим: поспела почва или нет». У агронома Е.А. Ильиной я вооружился цифрами: где и сколько гектаров предстоит культивировать и сколько сеять, записал в блокнот фамилии механизаторов, которые завтра — послезавтра поведут своих стальных коней на битву за новый урожай.

На следующий день на поля выехало сразу две комиссии. Первую возглавила сама агроном Е.А. Ильина (одновременно и бригадир тракторной бригады). Она, два бригадира и пожилой колхозник тщательно изучали почву на предмет ее спелости и сделали вывод: почва еще сырая. С началом боронования и культивации следует повременить. Вскоре наши машины подъехали к другой деревне, где работала вторая комиссия. Здесь же застали и самого председателя: он то брал комочки земли, пощупывал их, прикладывая к успевшей поседеть голове, то кидал комочек за комочком оземь, стремясь, видимо, раздробить их, но они не рассыпались. Наконец, он подошел к нам и попросил Е.А. Ильину доложить обстановку. Еннафа Алексеевна была немногословна: почва на осмотренных участках еще сырая, с началом полевых работ придется повременить. Такой же вывод прозвучал из уст самого председателя, который к сказанному добавил: «Землица еще не готова принять пахаря. Подождем пару дней, а там поглядим».

Вернувшись в Моргауши, я связался с редактором газеты, доложил обстановку. Редактор сказал: обязательно эти пару дней поживи в Моргаушах, ищи пока материалы по другим темам. Я так и поступил: мой блокнот заполнился цифрами и фактами с передовой по республике молочно-товарной фермы, ряд интересных материалов был подготовлен и о работе сельского совета,

районного Дома культуры и центральной библиотеки. Но весенне-полевые работы в «Знамени труда» не начались и через 2 дня: почва все еще была сырая. «Не будем спешить — поля портить, — сказал Евтихий Андреевич. — Как только почва будет готова, то сможем хоть завтра в помощь тракторам вывести на поля 100 лошадей на боронную вспашку, и сев проведем за неделю, в лучшие агротехнические сроки». Так и уехал я, несолоно хлебавши. Вернувшись в редакцию, узнал, что весенне-полевые работы уже второй день ведут южные хозяйства, о них и подготовил информацию сельхозотдел. Мой же репортаж о «первопроходцах» из «Знамени труда» не состоялся.

* * *

В конце июля этого же года в редакцию нашей районной газеты в Кугесях нежданно-негаданно заявился сам председатель колхоза «Знамя труда» Е.А. Андреев. Мы довольно близко познакомились с ним в недавние апрельские дни, когда я приезжал в колхоз готовить репортаж с моргаушских полей о первом дне весенне-полевых работ, и мне была приятна новая встреча с прославленным хлеборобом. Спросив разрешение, он сел за пустовавший редакторский стол. «Можно, я тут у вас пообедаю?» — спросил он, выложив на стол буханку хлеба и жареную курицу, пригласив и меня к трапезе. «Вызвали вот в район на совещание по уборке, — сообщил он, — а мы сегодня как раз жатву озимых завершили». Это было приятной неожиданностью, хорошей новостью для журналиста, и я предложил дать об этом интервью в газете, на что он охотно согласился. Рассказал и о том, что в хозяйстве выращен хороший урожай: по предварительным данным, получат свыше 30 центнеров с гектара. Я торопливо записывал и все ждал, когда же он скажет о героях жатвы, но не дождался и сам попросил назвать имена комбайнеров, отличившихся на уборке.

— Комбайнеры, говоришь? — последовал ответ. — Уж не

хотите ли вы оставить наших колхозников голодными?

И, прекратив трапезу, поведал о том, что героями жатвы являются рядовые колхозники, многие из них вручную, серпами, за 5-6 дней убрали по целому гектару. За каждый же гектар убранного хлеба им выплачивалось по 100 рублей.

— Вот газеты пишут о результате уборки хлебов, — продолжал он, — а ведь жатва вручную — это и есть раздельная уборка, плюс к тому, качество лучше, потерь меньше, не то, что после комбайна. И в снопах зерно лучше дозревает. А комбайн у нас есть, — закончил он, — мы используем его на уборке многолетних трав для семян. Тут Евтихий Андреевич посмотрел на часы и, буркнув, что опаздывает на важное совещание, быстро ушел, по виду довольный преподанным жизненным уроком о вреде уборки комбайнами. Как дежурный редактор по номеру, я поставил на первую полосу информацию Е.А. Андреева о завершении уборки озимых в колхозе «Знамя труда». Его жнецы, герои жатвы, в информации не были названы: пропаганда ручного труда в то время в печати была под запретом.

* * *

На сессию районного Совета народных депутатов вынесли вопрос о состоянии дел в животноводстве и перспективах его развития. Большой зал Дома культуры был переполнен: кроме депутатов, на сессии присутствовали председатели сельских советов и колхозов, зоотехники, заведующие фермами. Сразу же после доклада слово предоставили руководителю колхоза «Искра»: до сих пор ничем особым не выделявшееся хозяйство выступило инициатором строительства «модного» в те времена животноводческого комплекса КРС на 400 голов. Председатель рассказал, что уже составлена и утверждена проектно-сметная документация, завезены кирпич, цемент и другие стройматериалы. И скоро колхозные буренки должны справлять новоселье. Конкретными цифрами он старался убедить, что животноводческие комплексы —

верный путь к механизации кормления, ухода и содержания скота, реального повышения удоев и привесов. И только как бы между прочим, в самом конце, он назвал стоимость строительно-монтажных работ. Сумма получилась довольно-таки кругленькая, далеко не по карману хозяйству. И потому, видимо, не выдержал председатель колхоза «Знамя труда» Е.А. Андреев, и тут же, прямо с места, задал не успевшему еще уйти с трибуны оратору вопрос:

— На какие деньги делают расчет «искровцы» — на свои или на банковский кредит?

— Конечно, на кредит, — последовал ответ, — он уже получен, мы одолжили деньги.

Тут произошло неожиданное. Евтихий Андреевич вскочил на ноги: «На свои деньги надо строить, — заявил он, — я больше вас слушать не буду. Надо этим иждивенцам, в конце концов, жить по средствам, — сказал он, как бы обращаясь к своим коллегам, — такие хоромы нашим коровам — не слишком ли дорогая роскошь, подумайте об этом». С этими словами он покинул сессию.

В зале наступила гнетущая тишина: слово руководителя самого экономически крепкого в то время хозяйства сильно подействовало на председателей колхозов, сказалось на настроении депутатов, всех участников сессии. Конечно, обсуждение вопроса было продолжено, «опыт» «Искры» по строительству животноводческого комплекса одобрен, и как отметил в своем выступлении глава района, «он должен найти дорогу в другие хозяйства».

Сейчас, по истечении времени, можно сказать, что «опыт» колхоза «Искра» в районе так и не нашел «широкую дорогу» в другие хозяйства. Прав был Евтихий Андреевич: не по карману оказались такие «хоромы» даже экономически крепким хозяйствам. В той же «Искре» животноводческий комплекс ни один год не использовался на полную мощность, его содержание обо-

шлось дороговато коллективному хозяйству.

* * *

В середине лета 1964 года мне вновь довелось встретиться с председателем колхоза «Знамя труда» Евтихием Андреевичем. Я, заместитель редактора районной газеты, на общественных началах исполнял обязанности ответственного секретаря районной организации общества «Знание». Приехали тогда мы в Моргауши с председателем правления республиканской организации общества, чтобы заключить договор по обслуживанию колхоза лекционной пропагандой и «заполучить» за это денежки. Выслушал нас Евтихий Андреевич и сказал, как отрезал: «Лекторы общества «Знание» в колхозе не бывают», — и что никакого договора с нами он не подпишет.

Предполагая возможность такого поворота дел, мы были вооружены убедительными данными о том, что местными лекторами здешнего общества проведено за последнее полугодие свыше 50 выступлений среди колхозников. Я назвал в числе наиболее активных в лекционной пропаганде директора средней школы Михаила Васильева, нескольких учителей

— А что, они члены вашего общества? — переспросил удивленный Евтихий Андреевич.

— Да, — ответили мы, — у нас в Моргаушах — одна из самых больших первичных организаций общества «Знание».

Тут Евтихий Андреевич заулыбался и поведал нам о том, что Васильев действительно очень часто бывает в бригадах и на фермах. Своими выступлениями он помогает создать тот настрой, который необходим в трудовых коллективах.

— За Васильева я подпишусь, — наконец-то, заявил он то, что нам так хотелось услышать от него, — давайте ваш договор, а деньги завтра же перечислим.

С чувством радости за успешно выполненное задание мы выехали из Моргауш. Договор был подписан, в моем портмоне ле-

жало заявление прославленного хлебороба Е.А. Андреева о принятии и его в члены общества «Знание».

Андрей Михайлов
(печатается в сокращении)

ЧЕЛОВЕК ОТ ЗЕМЛИ, САМОРОДОК

Осень 1970 года. Моя первая командировка в село. Почему-то посоветовали побывать в Моргаушском районе, у председателя здешнего колхоза «Знамя труда». Фамилия у него была простая, поэтому запомнилась сразу — Андреев.

В Моргаушах зашла в райком партии разузнать, куда держать путь дальше. «Никуда ехать не надо, колхоз находится на территории райцентра, сейчас туда сообщим». Инструктор по сельскому хозяйству набрал номер телефона: «Это «Знамя труда»? А где Евтихий Андреевич?» (Имя-то какое редкое, отметила я про себя). «Передайте, к нему едет корреспондент».

Правление колхоза оказалось совсем недалеко. Два поворота от дороги — и вот бревенчатое здание конторы. У крыльца приделана металлическая скоба, и я старательно вожу по ней подошвами резиновых сапог, счищая налипшую грязь. Потом дергаю за ручку двери, которая поддалась не сразу. Переступив порог, окунаюсь в теплоту. Чувствуется, что недавно топили печь. Полы деревянные, чистые, у двери постелен домотканый половичок. Ищу взглядом кабинет председателя. Кажется, надо направо. А тут и дверь, словно сама, распахивается. Мне навстречу

шагнул высокий кряжистый мужчина в черном костюме, такой же рубашке и строго так стал осматривать с головы до ног. Я здороваюсь и называю себя. Евтихий Андреевич пригласил в кабинет, а сам по-прежнему не сводит с меня взгляда. Интересно, почему он такой хмурый? И вдруг слышу:

— А у тебя другой юбки нет?

— Есть, — отвечаю, — а что?

— Так зачем сюда в такой короткой заявилась?

Я не знаю, что сказать, и удивленно таращу на него глаза. Ну да, на мне мини-юбка, в Чебоксарах все в таких ходят, и что в этом плохого, если мода такая? Мне лично нравится.

— А в деревне, — начал так же строго объяснять Евтихий Андреевич, — голый зад не показывают. Да и холодно тебе в такой юбке, наверное. Ну ладно, садись.

Вот так и состоялось мое знакомство с удивительным человеком, Героем Социалистического Труда Е. Андреевым. Отчитав меня как школьницу, Евтихий Андреевич наконец-то перешел к делу: «С чего начнем разговор?»

Собеседником он оказался редкостным — говорил так, что заслушаешься. Сначала рассказал, как живут его колхозники.

— У меня техничка в конторе получает больше, чем у вас в городе. Потому что у нас — трудодни. Слыхала про такое?

Я неуверенно киваю головой. Евтихий Андреевич воодушевляется и громко, с пафосом начинает рассказывать про колхозную систему оплаты труда. (Уже позже я выяснила, что трудодни остались только в колхозе «Знамя труда»). Я не очень-то запоминаю, но мне интересно наблюдать, как ведет себя председатель. Голос у него как у оратора — то возносится к потолку, то опускается почти до шепота. Руки все время в движении, он жестикулирует ими так же азартно, как и говорит. Вот стиснул кулаки и с силой — я аж вздрогнула — ударил ими по столу.

Я ничего не записываю в блокнот, да это и невозможно при такой скорости речи, как у Е. Андреева. Наверное, сидим уже

час, а я не могу и слова вставить. Вот это председатель!

Е. Андреев продержал меня в кабинете до вечера, с перерывом на обед. Очень жаль, что память не удержала наш разговор, и нельзя уже восстановить многое из того, о чем так увлеченно рассказывал председатель колхоза «Знамя труда» молоденькой журналистке. К большому моему удивлению, Евтихий Андреевич разразился бурной речью против политики обкома КПСС. Критиковал, не жалея язвительных эпитетов, даже ЦК! Тогда это казалось неслыханной смелостью. Но Е. Андреев был Героем Социалистического Труда и мог позволить себе такую вольность. Потом в редакции коллеги рассказывали, что он так же резко выступает на партийных пленумах и конференциях, не всегда соглашаясь с проводимой тогда «линией». Так, например, он в штыки воспринял идею о строительстве Чебоксарской ГЭС. И очень переживал, когда Волгу стали перегораживать плотиной. Говорят, даже плакал, не стесняясь своих слез, при известии о начавшихся работах возле Новочебоксарска. Очень сожалел о потере богатейших лугов за Волгой, предрекал гибель рыбы в реке, изменение природы и климата...

На второй день командировки пришла в правление пораньше. Евтихий Андреевич обещал показать колхозные фермы. Признаться, до этого я не бывала в других хозяйствах, поэтому сравнивать было не с чем. Но Е. Андреев просветил хорошо: фермы должны быть такими, как в колхозе «Знамя труда» — удобные, теплые, небольшие, не в пример новомодным животноводческим комплексам из бетона (тогда поощрялась гигантомания, весь скот концентрировали на центральных усадьбах, для чего строились дорогостоящие огромные молочные и откормочные помещения).

— И сена надо побольше запасать, — втолковывал Евтихий Андреевич, словно споря с кем-то.

Фермы в колхозе «Знамя труда» действительно имели ухоженный вид, а в стойлах были упитанные буренки.

— Все — красногорбатовской породы, — с гордостью нахваливал высокоудойных коров председатель. Мы с ним залезали даже на чердаки, обходили скотные дворы — везде порядок был отменный. Моя командировка подходила к концу, а уезжать из колхоза не хотелось.

— Приезжай летом, поведу на уборку урожая, — напутствовал на прощание Евтихий Андреевич.

Но прошло несколько лет, прежде чем удалось выполнить обещание, данное председателю колхоза «Знамя труда».

...Редакционный «Уазик» с проселочной дороги вырулил прямо в поле, буквально усеянное снопами. Это было непривычное зрелище — комбайнов нигде не видно, а снопы, перевязанные соломенными жгутами, аккуратно собраны в конусы и красуются на свежей стерне.

— А где же комбайны? — спрашиваю Евтихия Андреевича?

— На току стоят.

Мне и невдомек было, что в колхозе «Знамя труда» комбайны не используют на жатве хлебов. Здесь они только вымолачивали зерно, для чего скошенные вручную снопы свозились на ток. Так председатель Е. Андреев добивался очень качественной уборки — в поле не терялось ни зернышка. Ни в одном хозяйстве Чувашии этот «дедовский» метод не практиковался. Но в моргаушском колхозе долго держались за него, зато и урожаи здесь получали много весомее, чем у других. Существовала еще одна веская причина для ручной уборки зерновых культур — людей в колхозе много, надо было всех занять работой.

О полузабытом том эпизоде зашел недавно у нас разговор с Героем Социалистического Труда Е. Васильевой, немало лет проработавшей заместителем министра сельского хозяйства республики. Евлалия Ивановна так объяснила приверженность Евтихия Андреевича «старине»:

— Он не хотел, чтобы мякина зря пропадала в поле. Это ведь очень ценный корм — два его килограмма равны одной кормовой

единице. Мякину запаривали и скармливали животным на фермах.

За Е. Андреевым прочно утвердилась слава своенравного председателя с очень сложным характером. Но все признавали и его цепкий ум, крестьянскую смекалку, обширные познания, позавидовать которым мог бы иной кандидат наук. Евтихия Андреевича называли человеком от земли, самородком. К сожалению, о колхозе-миллионере «Знамя труда» писали в те годы не часто — может, потому, что все знали — там все налажено, как надо. Да и нам, газетчикам, перепевать одно и то же, рассказывая о передовом хозяйстве, не очень-то хотелось. Но и сам Е. Андреев не любил «светиться» и не столь уж охотно шел на контакты с прессой. К тому же все знали о его непростых взаимоотношениях с обкомом...

Е. Андреев не терпел краснобайства, но очень ценил людей дела. Примером для него, вспоминает работавшая в те годы секретарем обкома КПСС по сельскому хозяйству К.И. Груздева, был председатель колхоза «Победа» Яльчикского района Василий Васильевич Зайцев, тоже Герой Социалистического Труда. Они были одногодки, со схожей во многом судьбой. Оба — фронтовики, возглавили когда-то отстающие хозяйства и сумели превратить их в образцово-показательные. Они нередко советовались друг с другом — два самых известных руководителя в Чувашии. И оба оставили после себя неоценимое наследство — свой богатейший опыт работы на земле.

Елена Лосева

ЯКОБИНЕЦ ИЗ МОРГАУШ

Наши враги говорят, что социализм нивелирует личность. Что все мы похожи, как патрончики и начисто лишены всякого своеобразия. Ерунду говорят наши враги. Я хочу рассказать об одной «нивелированной личности», встреченной в Чувашии. Сначала услышал разговоры о нем.

«Андреев? Голова! Умница и большой оригинал».

«Упрямец. Его хлебом не корми — дай только наоборот сделать. Сломает когда-нибудь голову. А был бы спокойнее, звездочку данным давно бы получил».

«Им хорошо. У них Андреев».

«Английский консерватор. Копейку лишнюю не потратит. Скупой рыцарь».

«Хозяин».

«Пробивной мужик. Всё, что угодно, выколотит для своего колхоза. Друг Андрияна Николаева». — «При чем здесь «друг»?» — «Евтихий Андреев всё знает. Книжки свободно читает на финском и американском». — «Английском, дядя». — «Какая разница? Всё равно читает». «Передовой, знаменитый... А рожь вручную косит. Серпами. Смех и позор. И водопровод отвергает. Говорит, что колодезная вода вкуснее. Переборщил он. Человек с завихрениями».

«Председателю колхоза «Знамя труда» товарищу Андрееву. Заявление. Прошу принять в артель...» Виза: «Нет никакой возможности».

Андреев, Андреев... Фигаро здесь, Фигаро там. Сто человек — сто мнений. Нет, им нельзя было не заинтересоваться. Поехал в Моргауши. Еще раз съездил. Еще. До сих пор не верю в привалившее журналистское счастье, которое облегчило работу. На моих глазах Андреев трижды предстал один на один перед людьми, вынужденный силой обстоятельств говорить, как на исповеди. Я сохранил его речь целиком, лишь слегка смягчив крепость

некоторых формулировок.

Откровение первое. Люди не поместились в его кабинете. Они стояли, подпирая спинами стены, сидели на корточках в другой, смежной комнате правления, жадно ловя сквозь открытую дверь каждое слово председателя. Горячий монолог продолжался около полутора часов, и все это время люди боялись скрипнуть половицей. Они то подавались вперед, цепенея от неожиданных выводов, то откидывались назад, трясясь от приступов смеха после очередного афоризма председателя. Из того, что он говорил, я понимал только пять слов: «Россия», «партия», «производство», «бригадир», «трудодень». (Да, еще «Сельхозтехника»). Но яростный накал его речи, произнесенной на чувашском, был таков, что перевод не требовался. Позднее мне рассказывали, что один на один он может ворчать, иронизировать над вышестоящим руководством, но когда нужен человек, способный поднять молодежь и разбудить сонных, на трибуну призывают Андреева. Лучше его никто «не озадачит». Спрашивают: «Почему не всегда так говоришь?» Отвечает: «Нельзя всегда так говорить. Людей надо держать в беспокойстве. Чтоб они на меня были злы. Чтоб опровергали меня делом».

После его речи семьдесят пять человек сели в машины и поехали вслед за председателем. Андреев командовал ими так, словно то были его колхозники, хотя это были не его колхозники и с ними приехал их руководитель — секретарь райкома партии. Но Андреев прочно взял власть в свои руки и не выпускал её до конца. Невысокий, не богатырь, в старом, потертом пальто с черным каракулевым воротником, с партизанской щетиной на щеках, — он водил делегацию с фермы на ферму, топая валенками с калошами по талому снегу так хозяйственно и выразительно, словно под его ногами были не колхозные гектары, а по меньшей мере, весь земной шар. За ним ходили, как не ходят за экскурсоводом в Дрезденской галерее — гуськом, рысью, стараясь не отстать и не упустить место в первом ряду, где слышнее. И когда, сокращая

путь, он перемахивал через невысокую изгородь, то же самое делали семьдесят пять его слушателей. Он шел, показывал и рассказывал, рассказывал и показывал. А семьдесят пять человек не выпускали из рук блокнотики и вели себя послушнее иностранных туристов, которые записывают всё, что им говорят.

— Видите, дороги в поле? Они что, всегда были? Не всегда. Проложили. Навоз вывозить. А зима ой, какая снежная была! Дорого? Урожай дешёвый будет.

— Когда подготовили машины к весне? Они у нас всегда готовы. Мы не делаем капитальный ремонт. Мы не запускаем машину до такой степени. Кто ремонтирует? Нет, «Сельхозтехнике» дорого не платим. У нас своя мастерская. А ребятам дайте металл — сами трактор сделают.

— Кто спросил, почему на ферме нет вентиляции? Это только неумные люди делают. В нечерноземной полосе не нужна она. Азотные удобрения улетучиваются. Деньги в трубу вылетают, а они в землю должны идти.

— Но вы же не правы.

— Тогда докажите мне. Надо руководствоваться законами природы. Зерно все отдает новому зерну, как разумная мать детям. Себе соломинку оставляет. Долго рассказывать.

Каждая его третья фраза, густо насыщенная цифрами рационов, привесов и кормовых единиц, заканчивалась словами: «долго рассказывать». Строгий лимит времени не позволял ему в полной мере проявлять свою эрудицию, и он, лишенный возможности вырисовывать на картине своего производства мельчайшие детали, набрасывал её размашисто, мазками, торопясь помочь гостям постичь соль своей сельскохозяйственной и человеческой концепции.

— У нас семичасовой рабочий день у животноводов. Гарантированная оплата труда. Урожай — неурожай, а меньше 2 руб. 50 коп. человек на трудодень не получит. Почему не переводим на денежную оплату? А где написано, что нужно обязательно пе-

реводить? Люди привыкли к трудодню. Главное — не в названии. Главное, чтоб было чем расплачиваться. Грамотно надо делать всё. По науке. Я иногда немножко читаю. Думать надо о высокой товарности. И не только о ней. Чтоб твоя корова не потравила колхозные посевы. Чтоб твоя жена не ставила себя выше колхозницы. Чтоб люди не воровали и не обманывали. У нас дома не закрывают на замок. Почему? Воров нет. Почему? Условий нет для паразитов. Почему? Я их в руки взял. Доказал, что воровать нерентабельно. А замок всегда открыть можно. Наши специалисты сейф в милиции вскрывали, когда ключ потеряли. Надежнее любого замка вера в людей.

Его интересно было слушать. Его интересно было видеть. На ферме, уловив вдруг тоску в глазах буренок (им накануне дали лекарство от бруцеллеза), он забеспокоился, не заметили ли это все. Смешно, но истина. Тонкорунные красавицы, завидев его, подняли беспокойный овечий переполох. Они приветствовали его одна громче другой, словно желая «выслужиться». Они знали его, как четвероногие артисты цирка знают своего дрессировщика. В добротный свинарник, где в станках под лучами фиолетовых солнц лежали огромные, как танки, породистые свиноматки с потомством, ввел экскурсию, словно в приемный покой. В коровнике с высокими потолками он рассердился на вопрос: «Где вы берете лес?»

— Выколачиваю. Мне же, говорят, все дают.

А потом, укоризненно покачав головой, открыл секрет:

— Самая богатая лесом страна — моя Россия. Наши колхозники всю зиму работают в леспромхозе. Санитарную рубку ведут. Две нормы дадут — нам говорят: «Бери лес». 250 кубометров ежегодно привозим.

Поразили улицы андреевского колхоза, забитые аккуратными штабелями дров. Их запасов хватит приблизительно до двухтысячного года.

— А кирпич у вас есть?

— Неужели бы мы упустили такую возможность, если бы она была?

Он с гордостью обвел взглядом коровник, построенный еще в начале пятидесятых годов, но выглядевший совсем новеньким и, медленно повышая интонацию, начал очередную речь. В своем духе:

— Таких есть много, у которых буржуазное, нахальное, мещанское отношение к государству. Они жалуются власти и требуют фонды. А потом кредит. Они хотят раздеть мою Родину, а не задумываются над тем, как в три раза продлить жизнь древесины. Они не понимают, что государство — такой же колхоз. Только побольше нашего.

Откровение второе. На следующий день он делал доклад на партийном собрании колхоза.

— Написали уже? — спрашиваю.

— Я никогда не читаю по бумажке.

— Можно присутствовать?

— Только с правом совещательного голоса и без претензий на место в президиуме.

Условия устроили.

Возвысившись над столом президиума, он заложил правую руку за пояс, шумно вобрал в грудь воздуха и начал... по-чувашски. («Ну вот, напрасно ехал пятьдесят километров»). Минут через пять я осмелился попросить:

— Евтихий Андреевич! Нельзя ли по-русски? — Он свирепо сверкнул глазами.

— Спрашивайте разрешения у президиума. — Президиум разрешил, и он начал снова. Вот сжатый конспект его выступления, протокольно зафиксированный ход его мысли:

— Нас 31 коммунист. Подавляющее большинство занимают руководящие должности и выполняют основные виды работ. Бригадиры, механизаторы. Мы принимаем человека в партию не для того, чтобы он занимал руководящую должность. Какой будет

коммунист — такой будет колхоз. А коммунисту положено быть в десять раз сильнее беспартийного. А теперь слушайте внимательно. Запоминайте цифры. Они не с потолка. В основе их — научно разработанные нормы. И мы уже получали в лучшие годы такие урожаи. А есть ли год лучше этого? Полвека нам.

Покончив с цифрами, он с презрением убежденного трезвенника набросился на пьянство.

— Это что же получается, товарищи? Пьем. Во вред здоровью и производству. Сегодня в одном доме, завтра в другом. Но зачем допускать такие случаи без всякой надобности? Вы хорошие люди. Я вас больше уважаю, чем себя. Вы такой труд делаете! А хорошего человека в каждый дом приглашать будут. А где сила воли отказаться? И идти в гости не ко всем и не всегда, куда приглашают. Потому что на другой день он — уже не работник. Правильно я говорю? — поименно назвал он троих из присутствующих.

У троих из тридцати лица покраснели, как индикаторы, точно выявив тех, кому предназначалась критика.

Потом он сел на любимого конька — эрудицию.

— Чтоб тебя уважали, надо развиваться. Работать над собой. Земля вертится. А у нас в колхозе что? Вот Оньков — молодец. По животноводству читает журналы. Ораин — по технике. Меркурий Григорьевич Григорьев с женой ходит к соседям по телевизору смотреть передачи, касающиеся сельскохозяйственного производства. К сожалению, я больше не могу хороших примеров назвать. Вон, у Валентина свой телевизор. А он в столовой, в чайной в карты играет. Не на деньги. Но время всё равно проигрывает. А нам не только себя — других надо воспитывать. Не на собраниях, а на работе. Собрались люди — воспитывай, не вступая в перебранку.

Но это все его слова. А дела? В том-то и смысл, что у него нет водораздела между словом и делом. Все, что приняло его сердце, что стало его убеждением, он активно внедряет в жизнь, не дожи-

даясь указаний сверху. Семичасовой рабочий день животноводов у него установлен в 1959 году. Гарантированная оплата труда существует больше десяти лет. Творчески и смело восприняв принципы «планирование снизу», «хозяйственная инициатива и самостоятельность», «учёт местных условий», он нашел возможным не сеять в колхозе кукурузу и стойко вынес шквальный огонь газет, суливших его хозяйству экономическую гибель. Выдержал критику «сверху» и опроверг её-таки делом, а не словесными аргументами: решил кормовую проблему с помощью картофеля и клевера. Картофеля он получает столько, что его хватает не только для развития собственного животноводства, но и для торговли с Донбассом и Монголией.

Уяснив из политэкономии, что богатство создается трудом непосредственных производителей материальных благ, он своей властью, не посчитавшись с инструкциями и штатными расписаниями, до жесточайшего минимума сократил в колхозе число тех, кто сам не растит рожь и не доит коров. В своем лице он сочетает функции экономиста, инженера по строительству и идеологического работника, не получая за это дополнительной оплаты. В конторе у него только трое. Заведующие фермами — одновременно ветеринары, зоотехники, учетчики и механизаторы. Специально подбирает таких, имея в виду, что фермы у него не очень большие, справиться можно, если работать плотно, без перекуров. Но зато он освободил их от ненужной работы ходить к бригадирам, привозить фураж (не правда ли, элементы сельскохозяйственной НОТ). Пожарник — заправщик. Рассыльный — заведующий биржей строительных материалов. Все вопросы строительства и ремонта решает спецслужба. Только 6% из общего фонда зарплаты получают у него те, кто не производит материальные ценности. У него в колхозе на каждом участке своя, пригодная только для этого хозяйства технология и агротехника. Но об этом «слишком долго говорить». Нельзя лишь умолчать вот о чем: система андреевского хозяйствования привела к тому, что колхоз ни разу не

был должником государства, только раз в жизни — когда становился на ноги — взял у него ссуду. Артель привлекла к себе 663 трудоспособных, убедить которых в том, что где-то можно жить лучше, напрасный труд; и, наконец, на счету у артели столько денег, сколько у 36-ти (!) хозяйств района, вместе взятых. Это поразительно. В чем его сила?

Колхозники на крылечке: — Он с нами с 5-ти утра. Он говорит с каждым и каждому рассказывает, что и как делать. Он справедлив, и если наказывает, то, значит, так надо. Он живет, как не живут некоторые председатели бедных колхозов. На собрании, когда устанавливали оплату, он предложил себе 60 трудодней в месяц. Мы возмутились и еле-еле настояли прибавить еще десять. На следующий год он от них отказался. Сказал: «Не «проедаю столько»». Мы снова заставили. Его жена работает рядовой колхозницей.

Секретарь райкома партии: — Он боец и гражданин. Редкая принципиальность и требовательность. Работа с людьми, кадрами. Изучает, внедряет. Дома читает. В правлении тоже. Мне звонит: «Читал?» Я, честно говорю, не успеваю столько читать, сколько он. Ему все интересное в статьях подчеркивают и несут. Чуток к новому, передовому. Услышал о финском опыте производства молока без применения сочных кормов, пробует.

(Вот, оказывается, откуда: «читает по-фински и американски»).

Секретарь райкома комсомола: — Его характер передается колхозникам. Землю видит насквозь. Никогда не опаздывает с севом и уборкой. Удивительное мастерство убеждения. Сам считает, «как это можно в душном городе жить», и молодые в его колхозе так считают.

Министр сельского хозяйства республики:

— Я всегда привожу от него что-то новое. Хозяин. Всё знает. Он непростой мужик. С ним нелегко работать. И легко. Любят его в колхозе. Я как-то был на отчётно-выборном собрании. Кол-

хозники притихли, шепчутся. «Зачем, мол, министр на собрание пожаловал? Не иначе, как снимать». Спрашиваю: «Кого будем избирать председателем?» Минут пять молчали. А потом вдруг кто-то крикнул: «Киввине хаваратпар!» Значит: «Старого оставим!» И все как захлопают!

Меньше всего хочу, чтобы он был понят, как икона, на которую неизбежно надо молиться, и как схема железобетонного, сварливого, постоянно вечно куда-то бегущего человека, которого по ночам преследуют сны на производственные темы. Спит он без сновидений. Регулярно минимум семь часов в сутки. Весь скроен из парадоксов. И часто бывает не прав. Все понятно: ведь за его плечами шесть классов. Но зато обладает богатым жизненным опытом, который помогает ему умело руководить таким сложным хозяйством. Постоянно стремится к умножению общественного богатства колхоза и улучшению жизни тружеников полей.

Фотокорреспонденты не снимают в его колхозе уборку урожая. Сейчас объясню, почему. Андреев убежден, что ни один комбайн так чисто не скосит поле, как рука человека. Говорит так и тем не менее влюблен в машины, и в его мастерской можно найти уникальные станки, кем-то списанные, купленные за тридевять земель и отремонтированные. Критически относясь к уровню современных фильмов («Слишком много целуются»), обходя стороной клуб, он на собрании приказал показать обе серии «Председателя» и об исполнителе главной роли Михаиле Ульянове отзывается с восхищением. Уважая молодежь и ее запросы, он, однако, считает, что стадион — роскошь, что колхозный труд полезнее любого спорта. Он, наверное, единственный человек в стране, который не сидит по ночам у телевизора и не болеет за наших хоккеистов и футболистов. Он признает только сельскохозяйственные передачи и чемпионаты по фигурному катанию на коньках. А на балет в Чебоксары вывозит колхозников на машинах.

Признавая за собой право не соглашаться с мнением других, себя он всегда считает... непогрешимым. И авторитет его в Чува-

шии, пожалуй, чересчур велик, магически действует на других председателей и порой заставляет их делать все, как Андреев. Но это уж не его вина. Такой уж он, этот Андреев, человек, скроенный из противоречий и неисчерпаемый, как атом.

Завоевывая высоту за высотой, он постепенно приучал своих оппонентов к мысли: все равно, несмотря ни на что, в конечном счете, будет по-андреевски. А колхоз, поняв, какое счастье привалило ему в лице Евтихия Андреева, крепко ухватился за него. Есть хозяйства, где за 22 года сменились 30 председателей. А он в «Знамени труда» два десятилетия подряд не выпускал власть из своих рук: не дают выпустить.

Да, конечно, крылышки под его гимнастеркой не прощупываются. Он излишне ершист. Чересчур самолюбив. Не очень дипломатичен. Спорит, когда надо промолчать. Но если у него такой характер! И темперамент неудержимый. Что плохого в том, что, дожив до седых волос, он сохранил мальчишескую непосредственность и драчливость, воинственно не принимая ложь, ханжество и несправедливость? Белая ворона? Чепуха. Грубоват? Может отрезать: «Болтун!»? Да, может. По высокому праву, данному ему собственной честностью, добросовестным отношением к обязанностям.

Он действительно всегда куда-то спешит. Но я видел его в 12 часов дня беззаботно возлежащим на правленческом диване. На этот раз он был чисто выбрит и благоухал «Шипром».

— А-а, корреспондент. Снова приехал? Зачем бензин даром жжешь?

— А я не даром. Экономически обоснованно.

— Ну, тогда другое дело. Говори, зачем пожаловал?

Мы говорили долго и серьезно даже о «несерьезных» вещах. Нащупав в его характере что-то идущее от Чапаева, я спросил, как Петька спрашивал Василия Ивановича:

— А вот вы смогли бы быть министром сельского хозяйства?

Он подумал и ответил:

— Нет. Эрудиции не хватит. Широты. Советчиком смог бы быть. Многое бы рассказал.

— А вот если бы хозяйство было бы вашим личным, а не колхозным, вы бы так же работали или больше? Он ответил: — Больше бы не смог. Не приучен. У нас у всех один закон: чтобы в колхозе порядок был, а свое поле — потом.

— Вы не щадите себя, Андреев. Так легко сгореть. Разве можно в ваши 60 столько отдавать работе?

— А я втянулся, корреспондент. Мы ж с тобой материалисты. Не гоним коней быстро на гору. Ритм, а не система атак. Я и в отпуск не хожу поэтому. Нет, не потому, что не доверяю людям. Просто за отпускной месяц я пять килограммов прибавлю, а за другой — десять спущу. Экономически невыгодно.

— О вас много говорят. Хорошего и надуманного. Какие разговоры вам больше всего не нравятся?

— «Куда Андреев деньги девает?» Действительно, куда. Не пью. Не курю. Гостей не собираю. Жена работает. Дом построен. Куда? А я шоколад люблю. И яблоки. Откуда ж у меня энергия? От хлеба, что ли?

— Трудно вам живется, Андреев? — Он задышал часто, встревоженно.

— Было пять колхозов. Объединили. Привезли председателя. «Так, мол, и так, любите и жалуйте». А колхозники: «Не хотим». Тогда избрали меня. Это 22 года назад было. Колхоз... 46 коров. Люди разбежались. Семян нет. А тут еще анонимки косяком пошли… Чуть дела на лад пошли — свинарник построили, сушилку. А как стали гараж строить, — снова жалобы в центр: «Рядом со школой шум создает». Приехал из пожарной охраны подполковник. «Пре-кра-тить!» Наложил штраф на колхоз. Тысячу рублей сняли со счета. Я в правительство республики. «Где такие законы, чтоб без суда колхоз разорять? Пусть с меня взыскивают». В правительстве умные люди сидят. В отставку подполковника «ушли».

— И сколько же, Андреев, у вас выговоров? Он улыбнулся и с гордостью сказал:

— Ни одного. Даже «на вид» ни разу не поставили. Потому что я не соглашался. Я отстаивал свою правоту. И убеждал. А если не убежден, так лучше сиди и не «рыпайся».

Откровение третье.

— «Не знаю, что и делать. Эх, бабы, бабы. Все вам мало. Жадность наша нас губит. Хлеба, что ль, нет? Денег не хватает? Решили, значит, сами проявить заботу о повышении материального благосостояния? Путем спекуляции. Шерсть продал — рубль в кошель. Грамотные больно стали. Только я при чем? Зачем пришли?» — Человек в черной кавалерийской гимнастерке распекал двух женщин, замечательно соединяя слово газетных передовых с народным словом.

— Взял бы, Евтихий Андреевич, нас на поруки, — жалобно пропела одна из них.

— На поруки? — он округлил глаза, словно удивившись дерзости предложения. — Чтобы потом говорили: «Андреев либерал, Андреев мягкотелый»? Нет у меня времени вас перевоспитывать. Работать надо.

Он сидел перед ними верхом на табурете, огорченный, усталый, заметно подавленный случившимся и с большими паузами бросал им в лицо обидные фразы, нисколько не заботясь об их благозвучии.

Они сидели на длинной правленческой лавке, как на скамье подсудимых, обреченно потупившись, безвольно отдав себя в руки председательского правосудия. Приходили люди. Рассаживались вдоль стен. Слушали.

Потом председатель затих. Угомонилось и общество. Стало слышно, как тикают часы. Председатель думал. Он думал долго. Минут двадцать. Тяжело дыша, словно ему не хватало воздуха. Закрыв глаза ладонью. Наверное, вот так принимал свои знаменитые решения царь Соломон.

— Ну, вот что, — наконец, медленно проговорил Андреев и резко взвинтил темп. — Завтра на работу. Чтоб, как штыки, без опозданий. Доложите бригадиру. Скажите, чтоб созвал собрание. Всем расскажите, как было, И передайте: взял с одним условием. Если хоть одна из бригады сделает как вы... Понятно? Все.

С проворством, неожиданным для их возраста и комплекций, виновницы спорхнули с лавки и, поклонившись на прощанье, хлопнули дверью.

Мне было интересно угадать, какое решение примет председатель. За время, пока он думал, я успел предположить пять возможных вариантов. Но такого не ожидал. «Если хоть одна из бригады». Значит, из правления по воле председателя ушли два активных агитатора, лично заинтересованных в том, чтобы бригада жила честно. А прав ли он, «закрепостив» их таким вот образом? Не перегнул ли? Не проявил ли администрирования? Ведь не все же от тех женщин зависит. И чего здесь больше — обычной житейской хитрости или педагогической стратегии?

Аргументы против председателя не хотели находиться. Подумалось: а сколько у него таких ежедневных столкновений, где он обязан, как командир в бою, оперативно принять единственно правильное решение, безошибочно выбрав его из десятка возможных. И лишь тогда, когда люди убедятся, что он не может быть неправым, что в решениях его упрямо пробивается забота обо всех их, послушных и непутевых, твердых и ошибающихся, что даже неправота и заблуждения председателя идут от большого желания сделать так, чтоб им было лучше, — они поймут, признают его и пойдут за ним. Не потому ли так внимательно и уважительно слушали его люди, что авторитет председателя в колхозе непререкаем и высок? Как высок он во всей республике.

Да, с ним считаются в Чувашии. К нему возят делегации изу-

чать опыт. Былые фельетоны сменились очерками. Из последних рядов зала, где обычно сидят непопулярные председатели колхозов, он постепенно переместился в первые, оттуда шагнул в президиум и на экран кино. Он депутат. Его уважают.

Владислав Аникеев

Из документальной повести «Якобинец из Моргауш», Чебоксары, 1973 год. (Печатается в сокращении)

ДВА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

В 70-е годы прошлого века чувашское село начало заметно стареть, как впрочем, многие другие селения страны. В поисках лучшей жизни молодежь уходила в города, оставались в деревнях одни старики доживать свой век. На фермах коров доить ста-

В студии Чувашского ТВ. В 1-м ряду 3-й справа — П. Крысин, рядом — М. Ульянов, Е. Андреев, М. Васильев

ло некому. А если и оставались на селе девушки, то для них не было женихов. И, наоборот, там, где парни работали механизаторами, им не с кем было свить семейные узы. Таких неперспективных деревень в республике стало немало, сельский труд для молодых людей становился неинтересным, жизнь однообразной, скучной. Но были селения, где руководители хозяйств умели организовать работу так, что она привлекала молодежь. Среди них — и моргаушский колхоз «Знамя труда», руководимый Евтихием Андреевичем Андреевым: председатель совместно с директором школы Михаилом Семеновичем Васильевым и учителями сумели привить ученикам любовь к сельскому труду, родной природе, милой родине. И парни и девушки, окончив школу, оставались в деревне, находили работу по душе, а те, которые продолжали учебу в высших учебных заведениях, получив специальность, возвращались в родной колхоз.

Чебоксарская студия телевидения решила рассказать об опыте совместной воспитательной работы правления колхоза и школы, мы пригласили председателя хозяйства, директора школы и самих учеников в Чебоксары. Тогда все передачи велись, как сейчас принято говорить, в прямой трансляции, без предварительной записи. Случилось так, что именно в этот день в Чебоксары приехал народный артист СССР Михаил Александрович Ульянов. Известные всей стране люди в республике бывали тогда редко, и я, возглавлявший тогда Гостелерадио Чувашии, решил пригласить его для выступления по телевидению. Поинтересовался, конечно, целью его приезда к нам, в республику.

— Цель очень простая, — сказал актер. — Меня пригласила к себе Екатерина Алексеевна (Екатерина Алексеевна Фурцева, тогдашний министр культуры СССР — П.К.) и предложила поехать в Чувашию. Там есть один председатель колхоза, сказала она, который хочет организовать в деревне встречу с известными деятелями литературы и искусства. Вы являетесь членом комиссии по оказанию шефской помощи селу — вам и карты в руки.

У меня оказалось свободное время от работы в театре и съемок в кино — вот я и приехал.

Михаил Ульянов назвал мне фамилию того председателя колхоза, любителя приглашать к себе известных писателей и артистов, хотя я и сам уже догадывался, о ком идет речь. Был такой руководитель в Чебоксарском районе, хозяйство его ничем особым не выделялось в районе, даже не входило в число середняков. Нетрудно догадаться, какое впечатление оставило бы у народного артиста посещение этой деревни, когда там даже клуба нет.

Михаил Ульянов должен был выступать перед телекамерой после завершения передачи с участием школьников из Моргауш. Когда он зашел в студию вместе с нашим диктором Галиной Серовой, я предложил Евтихию Андреевичу и директору школы Михаилу Семеновичу чуть повременить с выездом в Моргауши и встретиться с народным артистом, когда тот освободится. Мое предложение они приняли с удовольствием.

И эта встреча состоялась. Ульянов сфотографировался со школьниками, с нашими работниками. Своего сотрудника Юрия Ананьева, который очень хорошо был знаком с Евтихием Андреевичем, будучи ранее фотокорреспондентом ТАСС, попросил снять Евтихия Андреевича и Михаила Александровича вместе, отдельно от остальных. Снимок получился неплохим, и мы с Юрием назвали его «Два председателя», — правда, один из них «не настоящий», но всей стране был известен как председатель колхоза по очень популярному тогда кинофильму

Два председателя

«Председатель». Михаил Ульянов несколько лет назад великолепно сыграл Егора Трубникова в этой картине, чем заслужил Ленинскую премию, а народ воспринял его как истинного председателя.

Самым ценным в этой встрече стало то, что между Ульяновым и Андреевым состоялся очень интересный разговор. Хотя встреча продолжалась недолго, но Ульянов сумел «выпытать» у собеседника все, что волнует чувашского председателя. Евтихий Андреевич, как обычно, открыто высказал свое недовольство тем, что многие хозяйства, увлекшись широкой пропагандой кукурузы, перестали возделывать высокодоходные культуры. От овса, например, говорил он, получаешь и зерно, и весьма высококалорийную солому. Как сейчас помню, он говорил Ульянову: «Сейчас у меня подмосковные колхозы закупают солому по цене зерна, килограмм соломы отпускаем им за килограмм зерна, они ведь понимают, это очень ценный корм». Артист весьма заинтересованно слушал Евтихия Андреевича.

Об этой встрече Михаил Ульянов долго не забывал. Помню, он в нескольких выступлениях по Всесоюзному радио рассказывал об Евтихии Андреевиче. Будучи в Чувашии, говорил он, я встречался с очень интересным, умным председателем колхоза, — и приводил его высказывания по вопросам сельского хозяйства.

Такова история снимка «Два председателя».

Евтихий Андреевич был незаурядной личностью. Его имя мне стало известно задолго до личного знакомства с ним. Родом я из деревни Басурманы, что почти что рядом с Моргаушами. Хотя с 14 летнего возраста и не жил в деревне, во время учебы в техникуме, затем, после войны, в институте, летние каникулы проводил в деревне, со всеми вместе работал в поле на жатве хлебов. Пашни нашего и моргаушского колхозов были рядом, их разделяла лишь речка. По расположению местности поля моргаушцев с нашей стороны видны как на ладони. После жатвы хлебов — тогда уби-

рали вручную, серпами — копны из снопов на моргаушских полях стояли так редко, что наши колхозники говорили: «Моргаушцы, видно, поля не засевают, а высаживают на них зерна». Через несколько лет картина резко изменилась, скирдов стало много, и от наших деревенских частенько можно было слышать: «Вот Евтихий Андреевич только взялся руководить колхозом, и сразу такой урожай». Так я впервые услышал о нем.

В моей жизни было несколько памятных встреч с Евтихием Андреевичем. В день смерти И.В. Сталина я, инструктор обкома партии, дежурил на работе. На другой день, 6 марта 1953 года, как только передали сообщение о смерти вождя, бюро обкома партии утвердило состав делегации Чувашии для участия в похоронах И.В. Сталина, куда был включен и Евтихий Андреевич, как руководитель колхоза, носящего тогда его имя. Приехал он в Чебоксары для выезда в Москву. Помню, как расхаживал по кабинетам в белых чесанках, — в ту пору очень модно было их носить, — по ковровым дорожкам коридора Дома Советов. Мы, как земляки, поговорили о текущих делах, о его предстоящей поездке в столицу.

По роду своей деятельности мне приходилось принимать участие в партийных конференциях, бывать на пленумах, собраниях партийно-хозяйственного актива. Где-то читал, по-моему, в «Литгазете», что на писательских съездах в Москве, когда председательствующий объявлял о предстоящем выступлении Шолохова, расходившиеся «по кулуарам» участники съезда устремлялись в зал, чтобы послушать маститого писателя. Точно так же в Чебоксарах, когда предоставляли слово Евтихию Андреевичу, зал всегда — весь во внимании, все знали, что он скажет что-то новое, свое, неординарное.

Для журналистов он был настоящей находкой. Помню, собственный корреспондент газеты «Советская Россия» Владислав Аникеев, побыв совсем недолго в Чувашии, сумел написать о нем большой очерк «Якобинец из Моргауш», который затем вклю-

чил в сборник своих корреспонденций. Накануне выборов Верховного Совета РСФСР в «Известиях» появилась большая статья Натальи Четуновой, в которой она открыто изложила взгляды Евтихия Андреевича на многие вопросы развития сельского хозяйства, в частности, его отношение к кукурузе. Как мне стало известно, выдвинутый кандидатом в депутаты Евтихий Андреевич приехал даже в обком партии посоветоваться, не следует ли ему после этой статьи снять свою кандидатуру. Здесь его убедили, что в высшем органе власти как раз нужны люди, имеющие свои убеждения, свой взгляд на жизнь.

В республиканских газетах много писалось об опыте передового хозяйства, руководимого Евтихием Андреевичем. К сожалению, мне, как журналисту, ни разу не довелось писать о нем. В годы моей работы заместителем ответственного редактора «Коммунизм ялаве» в Моргаушах был собственный корреспондент газеты Петр Павлов, и мы все задания по подготовке материалов о колхозе и его председателе давали ему. Однажды, когда Петру Павловичу исполнилось 50 лет, редактор поручил мне выехать в Моргауши и поздравить от имени коллектива юбиляра. На праздничном ужине у именинника гостем был и Евтихий Андреевич. Он не увлекался спиртным, но и без него был отменным рассказчиком. Весь вечер рассказывал о мировоззрении французского философа 18 века Жан Жака Руссо, восхищался его романом «Исповедь». Известно, что он интересовался и современной литературой и искусством. Помню, как однажды позвонил мне на работу и настоятельно попросил передавать по Чувашскому радио по утрам хорошую музыку, красивые, мелодичные песни. «Чтобы народ шел на работу с хорошим настроением», — говорил он.

При различных жизненных обстоятельствах мне нередко приходилось вспоминать его имя. В 1975 году мы, три журналиста из Советского Союза — заместитель редактора Московской областной газеты, редактор подмосковной районной газеты и автор

этих строк в течение недели знакомились с Румынией. Мы видели хорошо ухоженные поля, засеянные без огрехов. Мои московские товарищи восхищались этим и говорили, что мол у нас в стране так хорошо земля не обрабатывается. Нет, возразил я им, и у нас есть колхозы, где земля используется очень плодотворно: в хозяйстве, руководимом Евтихием Андреевичем, не остается ни клочка земли не обработанным, все, как и здесь в Румынии, засевается — и вокруг опор линий электропередач, у краев дороги и т.д. Я им рассказал очень много о талантливом председателе колхоза. Или еще на память приходит другой пример. В Вологде, где проходил семинар журналистов России, пишущих на сельскохозяйственные темы, встретил того самого Аникеева, написавшего, как я уже говорил выше, очерк об Андрееве. Аникеев после Чувашии был «переброшен» в одну из сибирских областей, затем возвратился в Тулу. Весь вечер у нас с ним прошел в разговорах об Евтихии Андреевиче. Его, как журналиста, интересовало буквально все, он вслух сравнивал увиденное в Сибири, Тульской области и здесь, в Вологде, во время семинара, с услышанным от меня, тем более, что и сам он хорошо знал о председателе колхоза из Моргауш.

Поистине, неизгладимый след оставил Евтихий Андреевич в памяти тех, кто работал с ним, знал его.

Павел Крысин

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Превеликое множество интересных людей посчастливилось мне встретить за долгие годы служения журналистике. Среди них одна из самых колоритных личностей — Евтихий Андреевич Андреев. Не раз сводили нас репортерские тропы. Но ярче всего врезались в память две встречи, в том числе, и самая первая.

С полупудовым магнитофоном через плечо: очередное радиоинтервью

Я тогда только-только приехала в Чувашию с берегов Невы после окончания Ленинградского университета вместе с мужем-журналистом, уроженцем одного из чувашских селений. Так сложилась судьба, что мне, филологу с дипломом учителя русского языка, не нашлось места в школе, и начинала свою трудовую биографию в редакции новостей Чувашрадио. Недостаток житейского и журналистского опыта восполнялся желанием поскорей «открыть» для себя вторую родину: постоянно разъезжала с микрофоном по городам и весям республики, интервьюируя людей самых разных профессий, в своих репортажах выступала, поистине, как «и швец, и жнец, и на дуде игрец».

И вот однажды, в самые первые месяцы работы в радиокомитете, кто-то из старожилов подсказал мне имя председателя моргаушского колхоза «Знамя труда» Евтихия Андреева: мол, и хозяйство передовое, новаторское, и его «голова» — интереснейший человек. И что будет он вскоре в Чебоксарах на одном из совещаний работников сельского хозяйства республики, так что не придется в распутицу добираться до Моргаушского района. Естественно, тут же взыграло журналистское любопытство, и — бегом с полупудовым служебным магнитофоном через плечо в тогдашний Дом политпросвещения (ныне — республиканский Театр кукол), где проходило совещание, — задолго до его начала. Знакомые показали мне Евтихия Андреевича, но его постоянно окружала целая толпа, — подходили, уходили, — ну, никаких условий для интервью, и я «кругами ходила» поодаль, зорко следя, куда же он сядет. И в нужную минуту была тут как тут: Андре-

ев двинулся к одному из последних рядов вместительного зала, «на галерку», — я, конечно, за ним, заняла место по соседству справа. Сидим, внимательно слушаем докладчика, молчим. Мысленно свожу воедино свои первые впечатления о соседе: одет явно не «по-городскому», видавшие виды высокие сапоги, лицо, вроде, простоватое, но какой же умный, цепкий взгляд с хитринкой, — поневоле вспомнишь строки Маяковского о крестьянине, который «землю попашет — попишет стихи».

Но, похоже, и сам Евтихий Андреевич исподтишка наблюдал за явно «выбивающейся» из коллективного «портрета» участников сельхозсовещания незнакомой юной соседкой, — горожанкой «майрой», о профессии которой без слов говорил огромный портативный магнитофон, — уж кому-кому, а ему-то наверняка не раз приходилось иметь дело с местными радиожурналистами. И когда, выбрав подходящий момент во время скучноватого выступления очередного оратора, я, наконец, заговорила с ним, и, тихонько представившись, попросила об интервью, он вдруг ошарашил меня: «Девушка, какое интервью?! Какой недруг посоветовал вам это? Держитесь от меня подальше, если не хотите неприятностей: я ведь опальный, нахожусь в «черном списке» у республиканских властей, меня постоянно критикуют».

Мама родная, а ведь и вправду: с трибуны вдруг донеслись какие-то критические выпады в адрес колхоза «Знамя труда» и его ершистого председателя. «Ну, вот: слышите?! А я что говорю?» — и так убедительно, по-дружески сочувственно, заговорщицки, а главное, на полном «серьезе» звучал его горячий шепот, что у «необстрелянного» еще салаги-журналиста душа ушла в пятки.

За долгие годы работы в журналистике мне довелось брать интервью у тысяч самых разных людей, в том числе, и у всемирно знаменитых, начиная от нашего земляка-Улыпа Андрияна Николаева в первые же минуты его пребывания в родной Чувашии после полета в космос, и даже у Президента России Владимира

Путина, когда приезжал он в Чебоксары. Нелегко давались многие из этих интервью, в ходе их приходилось собирать в «единый кулак» все силы, нервы и профессиональное мастерство, но признаюсь: дважды в жизни в ходе таких бесед чувствовала я абсолютный внутренний дискомфорт и полнейшую неуверенность в своем профессионализме. Впервые — во время знакомства с Евтихием Андреевичем, и второй раз это произошло несколько лет назад, когда мне, корреспонденту ИТАР-ТАСС, довелось в чебоксарском аэропорту интервьюировать «гремевшего» на всю страну знаменитого генерала Александра Лебедя. Как ни старалась тогда, на все свои вопросы слышала от него в ответ лишь однозначное «Да, сударыня», «Нет, сударыня», «А вы как думаете, сударыня?», сопровождаемые поистине мефистофельской улыбкой. И очень удивилась потом, прослушивая диктофонную запись все-таки состоявшегося, в конце концов, этого злополучного интервью, что мой голос звучал привычно уверенно: а мне-то казалось, что с каждым новым вопросом он все больше становится похож на жалобное ме-е-е-канье молоденького козленка.

Каким, не сомневаюсь, и в самом деле был когда-то мой голос в конце той памятно-давней встречи с Евтихием Андреевичем, и я даже не помышляла записывать его рассказ на магнитофонную пленку: мне уже вообще стало не до разговоров. По молодости и неопытности я просто не поняла тогда, что знатный председатель, которого многие в свое время сравнивали с острословом Дедом Кельбуком, просто подшутил надо мной, и приняла его слова за чистую монету, так что в растерянности мысленно ругала и знакомого, что так «подставил» меня, посоветовав обратиться к Андрееву, и себя саму, что сижу в середине ряда и не смогу теперь выйти из зала до перерыва, и свою профессию с ее непредсказуемыми опасными рифами.

Позже, когда мы ближе познакомились и подружились с Евтихием Андреевичем, то не раз посмеялись, вспоминая наше первое знакомство. И будто в компенсацию за то несостоявшееся

интервью, он однажды одарил меня такой доверительнейшей беседой, столь яркими лирическими высказываниями, что до сих пор живо сохранились в памяти даже его интонации. Встретились мы в «пик» лета уже на центральной усадьбе знаменитого на всю Чувашию андреевского колхоза. Побывали по традиции на животноводческих фермах, главной гордости председателя, неизменно поражавших меня образцовой чистотой и порядком во всем, по-хозяйски ухоженной скотиной. Объездили поля, где наливалось зерно в тугих колосьях ржи, вымахавшей высотой в человеческий рост. В полном разгаре была сенокосная страда, и на деревенских улицах — ни души, даже сонно-вялые мухи затаились где-то в холодке.

Мы сидели вдвоем в тенечке на скамейке перед правлением, неслышно крутилась кассета в репортерском магнитофоне, и с каждым новым вопросом-ответом я делала для себя все новые и новые открытия в этом, вроде бы, уже давно и хорошо знакомом человеке. Куда подевалась его привычная суховатая сдержанность в рассказе о повседневных делах хозяйства? — что ни фраза — будто стихи в прозе. Он говорил о земле-кормилице, о том, как важно понимать саму душу земли и к каждому полю искать свой подход, о мозолистых руках крестьянина, о том, что матушка-рожь кормит всех сплошь, а не по выбору, как пшеничка, и о том, что нет ничего выше хлеба на земле. А какие поэтические эпитеты находил Евтихий Андреевич, говоря о любимой с детства деревенской природе («ни на какой город никогда не променяю ее!»), о том, как именно родная земля помогает ему, как когда-то и сказочному Антею, обрести душевное равновесие в самую трудную житейскую минуту: «Выйдешь на зорьке за околицу, вдохнешь всей грудью свежий ветер — и будто сил прибавится, любое дело снова становится по плечу!»

Припомнил он и древнюю, очень мудрую чувашскую поговорку: «Если не удался урожай — на один год горе. Если не удались дети — на всю жизнь горе». И говорил о самой главной сво-

ей заботе и мечте — о будущей надежной хлеборобской смене, о том, как важно научить молодежь любить и по-хозяйски беречь землю предков. Тут, по его мнению, самый главный и надежный учитель — труд. И — так уж к слову пришлось — рассказал Евтихий Андреевич и о школьных годах собственных детей. О том, как радовалась и гордилась дочь, когда собственными руками сшила себе удобный цветастый фартук, — в первое время ночью, бывало, даже под подушку положит этот и вправду удавшийся юной швее фартучек. А вот сыну оказалась не менее дорога и не очень-то красивая, колченогая табуретка, которую он долго и прилежно мастерил. «Вот что значит душу вложить в свой труд, увидеть его плоды, и как важно сызмалу заложить такие добрые семена в детские души и бережно пестовать эти неокрепшие пока ростки,— чтобы и молодые на всю жизнь прикипели сердцем к земле-кормилице», — сказал тогда Е.Андреев.

Пророческими оказались эти слова: и спустя десятилетия живы традиции, заложенные им, до сих пор по-доброму вспоминают о нем сельчане, славящиеся своим трудолюбием.

Да и собственные дети-внуки не подвели: разве случайно, что именно они взялись за нелегкое дело создания этой книги — венка памяти Евтихию Андреевичу?

Валентина Иванова

Часть V

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ — НАЧАЛО НАЧАЛ

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА:
ЕВТИХИЙ АНДРЕЕВ

Родился я 25 мая 1912 года в деревне Хозанчино Чувашской АССР. Родители, как до Октябрьской революции, так и после, занимались земледелием. Отец, Андрей Васильевич, происходит из крестьян-середняков, всю жизнь занимался земледелием, родился и жил в деревне Хозанчино. Умер в 1935 году. Мать, Агре-

Потомственная крестьянка Агрепина Семеновна, мать восьмерых детей

Евтихий Андреевич в 1948 году

пина Семеновна, родилась в семье крестьянина-середняка. Всю свою жизнь занималась земледелием, и в настоящее время работает в колхозе. Брат Степан 1896 года рождения, с 1918 года по сей день находится в Красной Армии, военное звание полковник, служит в г. Ленинграде. Брат Николай 1909 года рождения, работал в колхозе «Сеятель» председателем колхоза и председателем Чемеевского сельсовета. Сестра Мария 1904 года рождения, с 1927 г. работает с семьей в соседнем со мной колхозе «Страж

Последний привет от брата Виктора из июля 1941-го. Совсем скоро, в первый же год войны, он погибнет в бою

А старший брат Степан и после Победы, уже в звании полковника, будет служить Отечеству

Старшая сестра Мария

Младшая сестра Нина

Брат Николай

Брат Борис

революции». Сестра Нина 1915 года рождения, работает с семьей в другом соседнем колхозе. Мать за воспитание 8 детей награждена Орденом Материнства в 1945 году. Брат Виктор погиб в 1941 году в Великой Отечественной войне. Никого из родных и родственников лишенных избирательных прав нет, никто в войсках и учреждениях белых правительств не служил, и за границей не были и нет.

Окончил 6 классов Б. Чурашевской школы колхозной молодежи в 1927 году. Не удалось продолжить учебу ввиду отсутствия рабочих рук в хозяйстве. В члены ВКП/б/ вступил 18 июля 1940 г. Принят Сундырским РК ВКП/б/ Чувашской АССР. Рекомендовали для вступления в партию:

1.Сундырский РК ВЛКСМ;

2.Анисимов Яков Анисимович — сундырский райвоенком, погиб в Отечественной войне, посмертно присвоено звание Героя Советского Союза;

3.Степанов Прокопий Степанович — управляющий сундырской райконторой «Заготлен», умер в 1941 году.

С 1931 по 1939 г.г. состоял членом ВЛКСМ. С 15 лет, т.е., с 1927 года, после окончания 6 классов ШКМ, стал работать в хозяйстве родителей в качестве земледельца, проработал до 30 марта 1930 года, когда в деревне образовался колхоз «Сеятель», куда вступило и наше хозяйство. До января 1931 года работал рядовым колхозником, потом был избран членом правления колхоза и назначен счетоводом, 22 марта 1933 года был избран председателем колхоза, где проработал до 7 ноября 1934 г., когда призван в Красную Армию. Был демобилизован по болезни, и 25 февраля 1935 года вновь избран председателем колхоза и проработал до 1938 года, когда был выдвинут на работу в качестве прораба в Сундырский райлесзаг ЧАССР, где в феврале 1940 г назначен директором этого же райлесзага, а в ноябре был избран вновь председателем колхоза «Сеятель». 31 августа 1941 г. был мобилизован в Красную Армию, демобилизован — 14 марта 1946 года. После демобилизации назначен заместителем Уполминзага СССР по Советскому району ЧАССР, потом назначен уполномоченным по этому же району, а в мае 1948 года переведен в Моргаушский район на эту же должность.

Партийных взысканий не имел. Как до революции, так и после, под судом и следствием не был. За хорошую работу в колхозе «Сеятель» по повышению урожайности, начиная с 1931 г., ежегодно премировался денежной премией. За участие в Великой Отечественной войне награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 г.г.»

60-е годы. «Летит время. Совсем взрослой стала у нас дочь...»

Жена — 1921 года рождения, Андреева Татьяна Егоровна, происходит из семьи крестьянина-середняка, работает в колхозе «Сеятель». Ее отец Прохоров Егор Прохорович происходит из крестьян-середняков, работает в колхозе. Ее мать происходит из крестьян-бедняков. Есть один ребенок — дочь 6 месяцев.

Состояние здоровья неудовлетворительное. Болею туберкулезом легких.

Из автобиографии Е.А. Андреева,
собственноручно написана
24 мая 1948 года

ЕГО ЗВАЛИ ЕВТИХИ-КУККА

Семья Андреевых была большая, 8 человек детей, моя мама, Мария Андреевна, была на 8 лет старше Евтихия Андреевича. Семья крестьянская, всю жизнь они работали на земле. Мама много рассказывала о своем детстве, о семье, братьях, сестрах, конечно, и об Евтихии. Время их детства было очень тяжелое. Всю работу делали сами, — и на земле, и дома, работали на мельнице, ухаживали за скотиной и т.д. Семья была дружной, помогали друг другу, с детства знали, что такое труд. Моя мама вышла замуж в соседнюю деревню, из нашего огорода был хорошо виден дом, где жила семья дяди Евтихия. Мы его звали Евтихи-кукка.

Самое раннее воспоминание о дяде связано с 1947 годом, когда у них родилась дочь. В этот день Евтихия Андреевича дома не было, где-то он пропадал на работе, пришел через три-четыре дня, я как раз была у них в гостях. Имени у девочки еще не было, ждали отца, он вошел в дом, на вопрос: «Как назовем дочку?», — ответил: «Пусть будет Валя, как у Марии», и вот мы, две Вали, росли вместе. Сколько помню, дяди часто не было дома, работал на различных местах, должностях, тогда я, конечно, не понимала, что и как, знала только — уехал на работу, скоро приедет. Теперь это знаю из его биографии. В первые годы, когда Евтихий

Андреевич работал председателем в Моргаушах, семья жила в деревне Хозанчино, дядя каждую неделю приезжал домой, особенно запомнились приезды зимой, на санях. Увидев из своего дома запряженную лошадь, я бегом бежала через овраг к ним. Помню, как он распрягал лошадь, выносил из сарая сено (корм для лошади из колхоза никогда не привозил). Часто я оставалась у них ночевать, он не хотел отпускать.

Дядя был очень веселый, всегда шутил, был жизнерадостным, расспрашивал, как мы учимся, что узнали нового. Помню, как дядя Евтихий ездил отдыхать в Крым, на Черное море. После приезда рассказывал нам о море, юге, показывал фотографии, где он фотографировался с друзьями по отдыху около больших горных камней. Дарил нам фотографии, рассказывал, как правильно питаться, мол, мясо нельзя кушать вечером, хорошо пищу нужно пережевывать, особенно мясо, хорошо, если его перетирать мясорубкой. Мы внимательно слушали его, потом рассказывали другим. Он никогда не ругал, не кричал ни на кого, умел слушать других, никого не перебивал.

Евтихий Андреевич часто ездил в Москву, рассказывал нам о столице, Кремле, о встречах с известными людьми, например, с Н.С. Хрущевым, привозил много фотографий, это было для меня, школьницы, очень впечатлительно. В середине 50-ых годов мама нам купила радио с наушниками: будучи председателем передового колхоза, дядя Евтихий часто выступал по Чувашскому радио, и вот мы, племянники, по очереди слушали его речь, как он рассказывал о своем хозяйстве «Знамя труда», как ударно колхозники трудятся на полях, фермах. В нашем семейном фотоальбоме есть фотографии дядя Евтихия, связанные с его молодыми годами. Хочу особо рассказать об одном фото, на обратной стороне которого запись четким, ровным, красивым почерком:

Член Минского горсовета, член бюро ВЛКСМ части,
боец 5-го Белорусского полка НКВД Андреев Евтихий
Хакла тавансене ыра сунса паратап
22/I — 1935

Эти теплые слова напоминают нам сегодня о том, как он был внимателен к своим родным, к семье старшей сестры. Мама рассказывала, дядя часто бывал в отъездах — и всегда давал о себе весточку, писал не только домой, но и своим родным теплые письма.

Валентина и Зоя, племянницы Е. Андреева, во время студенческой практики в колхозе

Каждый год, 19 августа, в яблочный Спас, у нас собирались родственники поздравлять маму с днем рождения. Дядя Евтихий с дочерью приезжали днем, мы всегда ждали их часов в 12, готовили стол: мед, яблочный пирог, компот из яблок, какай шурпи, ширтан. Дядя очень любил стряпню моей мамы, у нас была пасека, яблоневый сад, это очень нравилось Евтихию Андреевичу, он привозил подарки маме, гостинцы всем. К вечеру они уезжали, дядя не любил большие компании, застолье с питьем. Я до сих пор до мельчайших подробностей помню эти приезды дяди, как он ходил по саду, смотрел каждую яблоню, какой урожай, какие сорта яблонь, все помнил, смотрел наши строения, хозяйства, подсказывал, где какой ремонт требуется. Потом мы садились за стол. Он мог позволить выпить одну рюмку вина, больше — нет. Мама давала им домой мед в банке, завязывала ее бумагой и толстой ниточкой очень аккуратно (тогда крышек не было). Дядя говорил: смотрите, учитесь аккуратности. Это повторялось каждый раз, один раз в год — 19 августа. Дядя в этот день откладывал (как сам говорил) все свои дела, и непременно приезжал на именины свой старшей сестры.

В 1964 году мы с двоюродной сестрой Зоей Андреевой, будучи студентками, проходили практику в Моргаушской средней школе. Нам на кафедре биологии было дано задание вырастить со школьниками капусту сорта «Кольраби». Дядя выделил нам колхозный участок земли около речки Моргаушка, где мы вырастили неплохой урожай, потом писали отчеты по практике. Жили мы в это время у Андреевых дома, летом ездили на велосипедах домой, прямая дорога от Моргауш — 12 километров. Он каждый раз спрашивал, как на полях растет хлеб, в какой стадии развития, чьи поля лучше, его колхоза или соседних, и «почему у других хуже, как вы думаете?» И делал выводы: землю надо любить, правильно с ней обращаться, именно земля нас кормит.

Сейчас я вспоминаю, когда уже и мне немало лет, как правильно он воспитывал нас, как любил свою работу, свой колхоз, своих колхозников. Приходилось мне не раз видеть его, как он объезжал на машине колхозные поля, часто выходил из машины, смотрел вдаль, и шел по полям пешком. Дядя никогда не говорил о плохом, что ему трудно, наоборот, говорил: хорошо, мол, и будет еще лучше, только надо трудиться, что-то надо уметь делать, иметь специальность такую, чтобы могли заработать кусок хлеба.

В последние годы его жизни я редко приезжала в Моргауши, но многое знаю об Евтихии Андреевиче, его колхозе, о нем часто писали в газетах, говорили по радио. Я всегда гордилась его именем, именем своего знаменитого дяди.

Бывая в селе Моргауши, всегда посещаю семью дочери Евтихия Андреевича, своей двоюродной сестры Валентины Евтихиевны. Подойдя к дому, в который уже раз читаю слова на мемориальной доске, которая висит на доме, и долго стою перед ним. Только потом захожу в дом. Он и поныне такой же гостеприимный, как и при жизни дяди. Очень хорошо встречают нас в этом доме, угощают своими яствами, солениями и другими вкусными вещами. Начинаются наши бесконечные воспоминания: о детстве,

о юношестве и, конечно, о бывшем хозяине этого дома. Долго сидим, бывали случаи, что проговорим всю ночь. И всегда во время приезда в Моргауши стараюсь отдать дань памяти дяде и его жене Татьяне Егоровне, посетив их могилы на местном кладбище.

Моя работа связана со школой. Вот уже 37-ой год работаю в школе, хочу верить, что черты характера моего дяди, Евтихия Андреевича, — его трудолюбие, желание помочь людям, доброжелательность, — передались и мне. И это помогает в воспитании молодежи в моей работе.

Валентина Кузнецова

ОН СТАЛ МНЕ И ОТЦОМ, И ДЕДУШКОЙ

Так получилось в жизни, что с пятилетнего возраста я жил в семье Евтихия Андреевича, и он мне стал одновременно и дедушкой, и отцом. Как раз с этого времени его дочь Валентина, поступив в институт, поехала учиться в Чебоксары, приезжая домой только на выходные. И четыре года, в основном, мы жили втроем — Евтихий Андреевич, Татьяна Егоровна и я. Я к нему обращался по-чувашски: «мучи» («дедушка»). С тех пор и многие в колхозе начали его звать так же.

Дети рядом с отцом, только что получившим Звезду Героя

Он относился ко мне заботливо и с любовью, но в то же время был очень требова-

тельным. Особенно не терпел плохо выполненную работу, будь то в учебе или по хозяйству. Считал, что если человек что-то выполняет, спустя рукава, то так же он может поступить и в более важных делах. Часто говорил, что человека видно даже за обедом — «как ест, так и работать будет».

Несмотря на достаточную уже к тому времени материальную обеспеченность, не позволял излишеств ни себе, ни нам. Так, у нас в доме никогда не было телефона. Считал, что он не нужен, так как до правления колхоза всего пять минут ходьбы. Поэтому к нам прямо домой часто приходили люди по колхозным делам. Бывало, вырвется с работы на полчаса пообедать, а вслед уже спешит бригадир или еще кто-то — у них срочное дело. Они и подождали бы, но знают, что в таком случае им просто «попадет» от него — обязательно будет сказано: «Почему не пришли ко мне вовремя?!».

Если говорить о работе, казалось, что он только и живет одним колхозом. Уходил на работу очень рано, домой приходил поздно, работал даже по выходным и праздникам, — считал, что если не он, то кто же будет тогда следить за порядком в колхозе.

Зато в те редкие дни, когда бывал дома, казалось, что он хотел провести с пользой каждую минуту. При этом ставил непременное условие — быть всем вместе. Если работали по хозяйству — то все дружно должны выполнять одну общую работу. Во дворе, — значит, во дворе, а если в огороде — то все там. Решили посмотреть интересную передачу по телевизору — опять же, все вместе, обедать или ужинать, то, если это возможно, тем более, обязательно вместе.

У меня тогда была такая привилегия — ходить с ним на работу. Часто брал меня с собой, когда объезжал поля и фермы. Нередко ездил с ним и в город, если вызывали его на различные совещания. При этом мне очень не нравилось ждать в машине — слишком долго. На обратном пути он частенько ворчал. Говорил, что из-за пустяшного дела столько времени и бензина истра-

тили.

Бывая с ним в колхозе, мне приходилось не раз наблюдать за его разговорами с колхозниками. Вспоминаю типичную сцену в правлении. Заканчивается планерка. Все только и ждут момента, чтобы скорей разойтись по своим объектам. Озабоченно продолжает сидеть лишь бригадир плотников. Потом-то я понял, что Евтихий Андреевич специально обратился к нему лишь в самом конце планерки: «Что у тебя?». Оказалось, что у того на исходе доски, еще нужны бревна. Как все видят, на сегодня уже все автомашины расписаны, да и грузить некому — так что «загорать» строителям до завтра. Но тут председатель обращается к водителям: «Успеем отвезти до рейса?». При этих словах все присутствующие молча, как будто по команде, встают и дружно идут грузить материалы для стройки. Лишь кто-то из них тихонько бормочет: «Пойдем, поработаем за Отечество». Впоследствии я многократно наблюдал такую же картину, причем, кто-то обязательно произносил традиционную фразу «Поработаем за Отечество!».

Евтихий Андреевич очень много читал. В правлении колхоза всегда были кипы газет и журналов. Также и на дом выписывали множество изданий. Мне больше всего нравились журналы «Наука и жизнь», «Юный техник», «Техника-молодежи». Но чего никогда на дом не выписывали, так это сатирические журналы «Крокодил» и «Капкан». Он говорил, что дураков и бездельников приходится видеть и без этих журналов.

Если по анкете Евтихий Андреевич имел всего шесть классов образования, то на самом деле он был весьма просвещенным человеком благодаря огромному практическому опыту, каждодневному чтению разнообразной литературы и удивительной природной мудрости. Начиная любое дело, он вначале старался всесторонне проанализировать ситуацию. Потому ему удавалось избегать неудачных решений, даже если такие неудачные пути настойчиво навязывались «авторитетными» людьми сверху. То,

например, что он отказывался сеять кукурузу, доказывая, что это нецелесообразно в наших условиях, к тому времени уже переросло в легенду. Я же сам уже был свидетелем, как он говорил: «Пока не будет качественных комбайнов, хлеб будем убирать вручную».

Евтихий Андреевич с грустью вспоминал «старые добрые полуторки». Не раз повторял, что кроме большегрузных автомашин, колхозам позарез нужны легкие и экономичные грузовички. Не секрет, что на руководящих должностях тогда частенько оказывались некомпетентные люди, а решали они многое. Он с болью про них говорил, что ничего не понимают, не умеют работать, а хотят решить все «одним ударом» — растоптать нашу землю тяжелыми машинами, загубить скот в громадных животноводческих комплексах, сгноить урожай, собирая его со всех хозяйств в огромные бестолковые хранилища. Если это где-то выгодно, у нас-то совсем другие условия. Наблюдая сегодня, как повсеместно с эффектом используются современные «полуторки» — «Газели», думаю: как же он был тогда прав.

Евтихий Андреевич был не только умелым хозяйственником, но и мудрым воспитателем. Отмечу, что зачастую в колхозе, да и в райцентре, приходилось слышать: «Так Дедушка сказал». Звучало это уважительно. Появилось же это ласковое прозвище с чьей то легкой руки — когда кто-то вместо слов «Евтихий Андреевич» произнес, подражая мне, «Дедушка». И я очень горжусь своим отцом-дедушкой, его славными делами, доброй людской памятью о нем.

Валентина и Николай на лыжных гонках на призы Е. А. Андреева. Моргауши, 2002 год

Николай Ефимов

ДЛЯ НАС ОН ВСЕГДА ЖИВОЙ

В селе Моргауши, в доме бабушки и дедушки, мы сделали первые шаги, научились говорить первые слова. Они воспитывали нас своей добротой, крестьянской мудростью, вековечными методами народной педагогики. И когда мы переехали из Моргауш в Чебоксары (одному из нас было тогда четыре с половиной года, младшему — всего-то два года), очень скучали по своему сельскому дому. С нетерпением ждали выходные дни, когда поедем туда. Желание почаще быть рядом с дедушкой и бабушкой было настолько сильным, что мы однажды, не дождавшись родителей, решили сами идти к ним пешком. В свои тогдашние девять и шесть лет мы, конечно, даже не представляли себе, за какое же время можно до них добраться. Стало уже темнеть, когда решили вернуться обратно. Мимо нас проносились машины, некоторые тормозили, предлагали нас довезти, но мы отказывались, потому что, конечно же, у нас не было денег. Усиливающийся голод утолили кочаном капусты, выпавшим с кузова проезжающего мимо

грузовика. К полуночи доплелись, наконец, домой. Мама, увидев нас в дверях, не в состоянии была хоть что-то сказать, а мы, усталые донельзя, чувствуя свою вину, поскорей улеглись спать.

На следующий день, в воскресенье, мы всей семьей поехали в Моргауши. Родители, конечно, рассказали дедушке о случившемся. Он нас не ругал, только посмотрел на обоих долгим взглядом, обнял и сказал: «А вы ведь могли сесть от усталости на мерзлую землю, уснуть — и застыть навсегда. Вы хоть у папы с мамой попросили прощения за то, что заставили их волноваться?» Мы виновато посмотрели на него и прошептали: «Да-а…».

Мудрый совет сельских аксакалов всегда важен для председателя

Дедушка никогда нас не наказывал, не кричал, был добрым, сердечным. Разговаривая, всегда глядел в глаза. Ему нравилось, когда мы обнимаем его за шею, но сам почему-то высказывать свои чувства вслух воздерживался. Не любил, когда мы капризничали.

Он целые дни проводил на работе. И бабушка не раз посылала нас к нему в правление, — поторопить, чтобы скорее приходил обедать или завтракать. Но у него всегда было много народу! И порой бывало так обидно: со всеми он подолгу разговаривал, а мы, которым он больше всех нужен, не смеем подойти к нему, чтоб не помешать. Мы тихонечко стояли в углу и ждали, когда же он нас заметит и спросит, что будет вкусного на столе. Нам самим тогда все казалось вкусным: и рассыпчатая каша, и румяные пироги, и суп прямо с пылу-жару из печки, и знаменитое чувашское национальное кушанье ширтан, который мы, увидев в первый раз, называли «ежиком». До сих пор помним бабушкины фирменные блины, которые она мастерски пекла в печке на углях.

И возвращался домой дедушка тоже поздно. Так много работал, что, казалось, у него просто времени уже не остается, чтоб обращать внимание на какие-то мелочи. Но как бы не так.

Однажды мы играли с сельскими ребятами около колхозных тракторных мастерских и нашли невдалеке шарикоподшипники. Разобрав их, дружно поделили между собой блестящие шарики. Их было у нас не так уж и много, но дедушка за ужином увидел эти шарики. Спокойно, как бы между прочим, спросил: «Откуда это?» Мы наперебой стали рассказывать. Нам-то тогда казалось, что просто подобрали никому не нужные железки. Когда все закончили ужинать, он и говорит: «Идите немедленно к заведующему мастерской, верните это и извинитесь». Мы стояли, опустив головы, а он молча повернулся и ушел из дома. Ох, как же нам было стыдно, как трудно заставить себя идти и просить прощения. Но ничего не поделаешь. Пошли оба. Глядим, а у мастерской полным полно народу. Там же и наш дедушка. Теперь-то, повзрослев, понимаем: он явно поджидал нас, хотя делал вид, что не замечает своих внуков. Мы стояли, опустив головы, наблюдая одним глазом за дедом, с нетерпением ожидая, когда же, наконец, он уйдет. И словно услышав нашу мысленную мольбу, он ушел. Но, уходя, взглянул на нас так, словно говорил: «Набедо-

курили — найдите в себе мужество признаться».

Мы, конечно, вернули эти злополучные шарики, будто обжигавшие нам руки. И хотя дедушка ни в тот вечер, и никогда больше не напоминал нам об этом случае, но у нас самих на всю жизнь осталось чувство стыда и раскаяния. Урок мы получили отменный.

Нам очень нравилось провожать его в Москву, когда он уезжал на поезде, а потом встречать. В то время не было такого множества игрушек детских, как сейчас. Но он нам каждый раз привозил не просто яркие машинки или еще что-то в этом роде, а разные кубики для строительства, самолеты для сборки, хитроумные конструктора, над которыми надо было немало поломать голову. Когда немного выросли, привез нам «всамделешную» железную дорогу с множеством вагонов, и даже с семафором. Мы храним ее и до сих пор. А как-то обоим привез костюмы моряка. С такой радостью и гордостью носили мы их! Если он сам болел, никогда не жаловался. Но очень беспокоился за нас. Всегда приходил к нам, если попадали в больницу. Тогда старался быть особенно веселым, шутил с нами, подбадривал. Мы же с нетерпением ждали его появления, даже просили, чтобы поскорее забрал нас домой.

Всегда с большой охотой рассказывали ему о своих школьных успехах, тем более, что учились мы с удовольствием. Когда исполнялось по одиннадцать лет, в каникулы учил нас косить сено, работать рубанком. Потом с огромным интересом наблюдал за нашей работой, охотно хвалил. Как же это было приятно!

Последнее «прости» от родных

Нам очень повезло в жизни, что у нас был такой дедушка. Все, что связано с ним, вспоминаем с

особой теплотой и нежностью. Когда его не стало, было нам десять и тринадцать лет. Воспоминания людей, кому посчастливилось пройти вместе с ним большой жизненный путь, помогают нам открывать для себя в его характере все новые и новые грани и ставить перед собой более высокие задачи.

Для нас он всегда живой.

Олег и Вадим, внуки

ГЛАЗАМИ ДОЧЕРИ

Родители

34 года я прожила с отцом, Евтихием Андреевичем Андреевым, для меня самым удивительным и неповторимым человеком.

Многие почему-то представляют его себе лишь суровым, горячим председателем колхоза. Большая часть его жизни, действительно, протекала на нелегком председательском посту. И хотя он не стоял в стороне и от общественной жизни, но полностью отдавал себя именно работе, колхозу. Глазами дочери, возможно, трудно смотреть объективно, но, рассказывая о том, каким был отец дома, в кругу семьи и родственников, я стремилась дополнить тот не совсем полный образ человека, который мог сложиться у иного читателя этой книги, никогда не видевшего, не знавшего его лично, а узнавшего только по рассказам других.

Когда я появилась на свет, отец работал и жил в Моргау-

шах. Мы с мамой жили в его родном доме, в деревне Хозанчино, в двадцати километрах от Моргауш. Это была совсем маленькая деревенька, она и сейчас осталась такой же. Примыкает к ней еще несколько селений, и тогда нам казалось, что мы живем в центре большой деревни с ее крутыми оврагами и балками. Дома все были деревянные, наше Хозанчино украшали два сада, посаженные руками моих предков. По воспоминаниям старожилов, последние дни жизни мой дедушка провел в этом саду, и там же покинул этот мир. Недалеко от нас жили его брат Николай и сестры Мария и Ксения со своими семьями. Дедушку я не видела, а бабушка умерла, когда мне не было еще и года. Отец приезжал только на выходные и, можно сказать, почти все время со мной была тогда моя мама, Татьяна Егоровна. Мне, единственной дочери, приходилось общаться лишь с соседскими ребятами и со своими двоюродными сестрами. Они были старше меня, и хорошо помнят, как отец радовался моему появлению на свет. Ему тогда было уже 35 лет.

Умница - «Бабочка» не подкачала и тогда, когда в седоках у нее оказался А. Николаев

Мы жили очень скромно. В доме, кроме печки, двух металлических кроватей, стола и скамеек, ничего не было. Но в нем мне все было дорого, как дорого и все, что нас окружало. Казалось, что наша деревня — это одна большая семья. Отец приезжал к нам на день, иногда — на два, на лошади по имени «Бабочка». Она была такая умная и красивая, что многие из тех, с кем он работал, помнят ее до сих пор. Иногда отец брал меня с собой. Мы с ним укрывались тулупом, а лошадь сама через поля довози-

ла нас до дома. Тогда он жил на квартире. Приезды отца всегда становились для меня большим праздником. И вместе с ним распрягала лошадь, а мама в это время доставала из печки горячие щи. Пока он снимал теплые вещи и мыл руки, я помогала матери накрывать на стол. Всегда старалась садиться рядом с отцом. За обедом он интересовался всем, что было в его отсутствие. Хотя, казалось, он ни во что не вмешивается, и всеми заботами по хозяйству «управляет» мама, ответственность за все лежала именно на нем.

Никогда не кричал, не командовал, не шумел. Когда забывали выполнить его просьбу или же что-то ему не понравилось, он вздыхал и был немного молчаливее обычного, и тогда в доме становилось неуютно. Но такое случалось очень редко.

Когда я пошла в школу, он знал всех моих одноклассников, их родителей, не говоря уже об учителях. Читать и считать научил меня отец. Счетные палочки для уроков арифметики тоже

На выпускном школьном вечере дочери

делали вместе. Чем бы мы ни занимались, — то ли пилили дрова, то ли убирали сено, — проверял меня: как усваиваю материал в школе. И делал это настолько ненавязчиво, что мне такие экзамены казались праздником. Он знал наизусть почти все стихотворения, которые я учила в школе. Очень часто приносил мне красочные книги. А через неделю непременно расспрашивал о прочитанном. Занятия с ним были совсем неутомительны. Когда я знала материал, с гордостью демонстрировала свои знания. К каждому его приезду хотелось получить больше пятерок. Но один раз приключился и такой случай. По письму, — то ли из-за грязи, то ли много ошибок было, — поставили мне двойку. И хотя ее тут же сменили более высокие оценки, но в середине-то тетрадки была двойка, и я к приезду отца начала новую тетрадь, надеясь, что он ничего не заметит.

Приехал, все было, как обычно. После ужина начал интересоваться моими успехами в школе, попросил показать тетради. Я ему отдала все, кроме одной. Он их проверил, похвалил и спросил: «Это все оценки за неделю?». Я опустила голову и ответила: «Да». И сразу стало как-то не по себе, почувствовала: что-то неладное сделала, — и всю ночь не спала. Дождавшись, когда отец уснет, вырвала листик с двоечкой. Но оказалось, он тоже не спал и наблюдал, как буду «выкручиваться» из своего вранья. Наступило утро, и я всячески принялась отвлекать его на другие дела. Он после завтрака как-то загадочно посмотрел на меня и вдруг сказал: «Может быть, позанимаемся по правописанию?». Я сразу поняла, что он все знает, от стыда не знала, куда глаза девать и расплакалась. А он: «Если слезами можно оценки исправлять, тогда сильнее плачь. Что же перед Марией Михайловной-то (так звали учительницу) не поплакала, может «5» поставила бы?» Это было мое первое и последнее вранье.

Я отца никогда не видела без дела, беззаботно лежащим. С вечера еще спрашивал, что будем завтра делать. Мне очень нравилось с ним работать. Чем бы мы ни занимались, всегда объяс-

нял, почему пилу надо прямо держать, как легче колоть дрова и т.д. Все учил, как законы физики нужно в жизни применять. Физический труд после умственного труда считал активным отдыхом. Никогда дома не видела его попусту раздраженным или за бутылкой. Не могу сказать, что был очень прихотлив к еде, но любил вкусно поесть, и при этом, чтобы все было свежее. И не пропускал без внимания, если увидит в холодильнике несвежий творог или сметану, подчеркивая, что они очень вредны для здоровья, и при этом даже вставлял: «Зачем же производить продукты, чтобы они пропадали». А на вкусную, качественную еду не жалел денег.

Казалось бы, он уделял семье лишь один день в неделю, но был в курсе всего, что происходило, и не только дома. Поскольку перед нашим домом была крутая горка, зимой в свободное время катались на лыжах. Часто кончалось тем, что ломались лыжи. От матери, конечно, попадало, но отец, наоборот, говорил: «Молодец, покажи, какую горку преодолела?». И при возможности привозил новую пару лыж. Хорошо помню и другой случай. Из Моргауш привез он как-то солому. С ним были еще два человека. После того, как сообща убрали солому, все сели за стол. Естественно, самые хорошие куски мяса мать разложила гостям, а мне -косточки. Я тогда еще в школу не ходила. И вот отложила ложку и говорю: «А люди мясо едят»... Конечно, это не понравилось отцу, и он — в ответ: «Когда ты закинешь целый воз соломы на сеновал, тебе тоже дадут мясо». Гости, конечно, начали мне предлагать часть своих кусков, мол, пускай ребенок ест, раз хочет. Но он, остановив их, посмотрел на меня, — и сразу у меня невольно вырвалось, что я не хочу мяса.

Вещи для него существовали, как предмет, для самого необходимого, для развития личности. Как-то он взял меня с собой в Чебоксары и купил велосипед. Радости не было конца. Зная, что велосипед есть не у всех, тут же подчеркнул, что он не только для меня, но и для всех, кто захочет на нем покататься. Дружно жили

тогда в деревне. По очереди ходили друг к другу зимой на посиделки. Молодые девушки и парни, пожилые, — все собирались вместе вокруг керосиновой лампы. Занимались рукоделием. А вот один раз мы с соседской девочкой играли и не поделили сосульки изо льда. Она взяла и укусила меня за щеку. Я заплакала, побежала домой жаловаться. Дома был и отец. Из щеки текла кровь. Сначала обработали ранку, а потом отец: «Раз укусили, значит, сама виновата. Почему меня не укусили? Иди и мирись». С тех пор я никогда не жаловалась.

Хороший день: и вся семья в сборе, и соседи в гостях (супруги Д. и З. Григорьевы, участники ВОВ)

Так прожила в этой деревне до 6-го класса. К тому времени отец начал строить дом в Моргаушах. Пока он еще не был готов, один год я прожила с отцом в колхозном правлении. Это было небольшое пятистенное здание. До тех пор отец жил на квартире, сначала в Шептаках, потом в Моргаушах у Ермаковых. Это были очень хорошие люди. В передней части избы за печкой стояла односпальная металлическая кровать, в середине — письменный стол с множеством стульев и черный диван с этажеркой. А через дверь сидели работники правления. Было там тогда всего 3 бухгалтера. Была и тетя Клена, которая и убирала, топила печь, и выполняла обязанности курьера, помогала нам готовить еду. Когда я жила все это время рядом с ним, поняла, какая трудная у отца работа, сколько силы и времени отдает он ей. Тут уж видела его не только спокойным, как дома, уравновешенным человеком. И когда его эмоциональные выступления становились слышны

не только в нашей комнате, но и на улице, очень волновалась. Частенько позволял он себе спорить и доказывать свою правоту вышестоящим чиновникам.

Но отец никогда «не приносил» свои рабочие проблемы домой. Здесь он очень много читал. И на работе, и дома выписывал великое множество всевозможных журналов и газет. Удивляло то, когда и как он успевал их читать. Когда, уже в институте, мне удавалось прочитать какую-то интересную новинку, хотелось поскорей поделиться впечатлениями с отцом и предложить ему тоже найти и почитать эту книгу. И ни разу (!) не удавалось его опередить. Отец никогда не пел и не играл на музыкальных инструментах. Но музыку любил и понимал. Мне даже купил мандолину. Когда я немного научилась играть на ней, всегда с интересом слушал. Ему очень нравились чувашские и русские народные песни. Знал творчество многих известных певцов и композиторов.

К нам часто приезжали его и мамины родственники. Всегда подробнейше расспрашивал у них обо всем, вплоть до того, чем питаются. Когда семья одной из маминых племянниц строила дом и находилась в затруднительном положении, он привез их пятилетнего сына Колю к себе, т.е. к нам. Так мы и выросли с ним вместе, как брат с сестрой. И ни в чем никогда нельзя было заметить, что он был ему не родным сыном. Когда я уехала учиться в Чебоксары, он ему стал даже ближе. Со школьной скамьи для нас обоих летние каникулы были, как и для всех других сельских ребят, трудовым лагерем вместе со взрослыми. С 14 лет он научил меня косить сено. Летом дни начинались с восходом солнца, а возвращались мы домой на закате. Для меня не было никаких поблажек. Он был добр, но в то же время его сдержанность не позволяла ему открыто показывать свою любовь к нам, потом даже и к внукам.

Отец уходил на работу очень рано. Завтракал поздно, уже когда распределит все работы в колхозе. Мы жили недалеко от

колхозного правления, и он почти всегда обедал дома. Когда в страду мама целый день пропадала в поле, обязанности по приготовлению обеда ложились на меня, потом — на Колю. Если отцу обед нравился, не забывал похвалить «домашних поваров». К нам иногда заходили его друзья, но больших застолий по какому-либо поводу не бывало. Только тогда, когда впервые приехал в Моргауши летчик-космонавт А.Г. Николаев, стол накрыли дома. С Андрияном Николаевым у них были очень добрые, уважительные отношения. Обычно же маме чаще по гостям ходить приходилось одной. Она по этому поводу иногда проявляла недовольство, упрекая папу, что кроме работы. для него ничего не существует. А он мотивировал это тем, что сам не пьет, и остальных этим будет смущать. Но с годами она к этому привыкла.

В доме дорогой гость, совсем недавно «на ты» говоривший со звездами

Думаю порой, что редко судьба и природа бывают столь щедры и милостивы, чтобы в одном человеке соединить все, что имел отец: самоотверженность, мудрость народную, предельную честность, трудолюбие, любовь к жизни и людям. Его отличала поразительная энергия, огромный запас знаний. На любую тему всегда было ему, что сказать собеседнику, и тем более интересно самому что-то новенькое у него узнать. Он не задавал вопросов «из вежливости», чтобы тут же выбросить ответ из головы. Он спрашивал только в том случае, если это его действительно интересовало. Говорил всегда о своем и по-своему. Отец умел давать советы, не навязывая их. Но на работе, если считал, что прав,

Интересно, о чем дотемна говорили тогда земляки в колхозном правлении!

Чем это так озадачил Евтихия Андреевича писатель В. Ржанов!

отстаивал свою точку зрения до конца. При том, что его знали многие, при своей широкой известности был очень скромным. Никогда не козырял полученными наградами.

Как-то, когда вместе с ним возвращались из Москвы, произошел такой случай. Только мы устроились в двухместном купе, заходит какой-то молодой человек и раздраженным голосом требует отца освободить ему место. Зная темперамент отца, я ждала, что он сейчас начнет спорить, доказывать, что это наши места. Но он был удивительно спокоен и вежлив: «Сейчас подойдет проводник и всех устроит». Но пассажир уже начал выставлять наши сумки в коридор. Тут подошел проводник, проверил билеты, — и оказалось, что у нашего «гостя» билет вообще в другой вагон. Тогда тот, даже не извинившись, побежал туда. Отец попросил меня вновь расставить вещи по местам и при этом внимательно посмотрел на меня, в его глазах был вопрос: извлекла ли я из этого урок?

Отец был хорошим оратором. Его выступления продолжа-

лись иногда часами. Но он никогда не писал заранее текст выступления. Когда я училась в институте, часто к экзаменам готовилась дома. Историю, политэкономию, философию он знал лучше меня. Очень часто, особенно, если билет касался материалов партийных съездов и их решений, то настолько доходчиво все объяснял, что не нужны были никакие учебники. Он знал каждого политического деятеля страны и мог охарактеризовать и их самих, и все их действия.

Когда появились у него внуки, очень их любил, и они отвечали ему тем же. Да у него не только к своим внукам, — вообще, ко всем детям, было очень доброе отношение. С детьми любого возраста разговаривал, как с равными. Ни маленькой девочке, ни взрослому юноше никогда не говорил: «Ты еще маленький, подрастешь — узнаешь». Собеседнику любого возраста давал высказать свое мнение, с уважением выслушивал его. Я не помню, чтобы мне, брату Коле или моим детям сказал: «Не вмешивайся, не твое дело». Наоборот, я твердо знала, что у меня в семье есть право голоса. И какие бы хозяйственные дела не обсуждались на семейном совете, отец не забывал спросить: «А ты, Валя, или Коля, как думаешь?» Так же он относился и к внукам, не баловал их показной лаской. Папа всегда находил нужные слова и ответы на все детские «почему». В этот «почемучный» период внуки жили вместе с ним. После того, как мы переехали в город, дети с нетерпением ждали, когда же снова окажутся рядом

Внуки Олег и Вадим с собственным корреспондентом газеты «Московский комсомолец» А. Хинштейном.

В короткие минуты отдыха

с дедушкой и бабушкой. А каникулы школьные всегда проводили только в Моргаушах. Для них отец был не только дедушкой, но и хорошим другом. Когда кто-то из членов семьи заболевал, он проявлял особую заботу и беспокойство. Ему в жизни немало пришлось переживать из-за болезни близких, — и матери, и меня, и внуков. Его забота помогала нам вернуться к нормальной жизни после тяжких недугов. А вот о собственном здоровье совсем не заботился. Считал себя абсолютно здоровым.

Однажды, после моей тяжелой болезни, мы поехали вместе в санаторий. Но такой отдых был явно не для него: он скучал, хотя и был общительным человеком, даже книги были ему тогда не в радость, хотя дома очень много читал, — но там ведь это не отвлекало его от работы. Так было и тогда, когда сам с ослабленным здоровьем оказался в больнице. Когда я пришла навестить его, лечащий врач сказал мне, что у отца очень плохие анализы, и надо его уговорить пройти полный курс лечения. А он вместо этого, едва только стало немного получше, тут же стал рваться на работу. И когда я стала настаивать на том, что нужно продолжить лечение, он вдруг в ответ сказал нечто для меня совсем неожиданное: «Доченька, при чем здесь «плохие» анализы, я чувствую себя хорошо». Помолчав, добавил: «Ты разве не видишь, что жизнь так устроена. Мы, старея, должны покинуть этот мир, оставляя вместо себя молодых». Я испуганно, с удивлением посмотрела на него, слезы навернулись на глаза: «Папа, что ты говоришь?» В ту минуту рядом со мной стоял, действительно, на вид вполне здоровый человек, и я не могла и предположить, что жить ему оставалось всего несколько месяцев. Он прервал меня: «Валя, никогда не плачь по этому поводу, я прожил честную тру-

довую жизнь. Тебе не должно быть за меня стыдно». Я не знала, что сказать, комок стоял у меня в горле, я крепко сжала губы и опустила голову, чтобы он не видел моих слез. Но отец, чтобы снять мое напряжение, тут же перевел разговор на другие житейские темы, словно до этого ничего не говорил такого, чтобы можно было плакать.

4 июня 1981 года, в летний теплый день его не стало. Три дня перед этим тяжело больным находился он дома и продолжал трудиться, а я тогда работала в Чебоксарах. Врачи приходили к нему домой, но он отказывался ложиться в стационар. Когда стало совсем плохо, срочно сообщили мне, а его увезли в больницу. Я мчалась к нему с надеждой, что врачи в очередной раз его спасут. Забежала в палату, на ходу спросила: «Папа, что с тобой?». А он в ответ: «Ты отпросилась с работы?». Ответив «да», я присела к нему, он попытался поднять голову, я ему помогла. Когда он оказался в моих объятиях, услышала спокойный, глубокий, но последний в его жизни выдох…

Похоронили его на высоком холму, откуда видны все окрестные деревни и колхозные поля, все, что он любил, что всегда было дорого его сердцу. Любовь отца к земле, уважение к земледельческому труду и к людям труда стало для него смыслом жизни.

Я с детства испытывала к отцу сильное чувство любви и благоговения, и с годами оно не ослабевает. Бывает только порою так жаль, что очень многое протекало в его жизни без нас, вне нашего внимания. И с каждым годом все больше понимаешь, как мало мы знаем о самых близких для нас людях, о родителях.

В самую трудную минуту в ушах явственно звучит голос отца: «Что приуныла? Не надо. Жизнь ведь продолжается»… И она действительно продолжается: в памяти людей, в его детях, внуках, во всем том, что им сделано для других. Эту книгу воспоминаний хочется завершить словами благодарности всем тем, кто сохранил в своих сердцах добрую память о моем отце.

Валентина Андреева

ЖИЛА БЫ СТРАНА РОДНАЯ

Вместо послесловия

/Из любимых песен Е.А.Андреева/

Забота у нас простая,
Забота наша такая:
Жила бы страна родная –
И нету других забот.

Припев:

И снег, и ветер,
И звезд ночной полет…
Меня мое сердце
В тревожную даль зовет.

Пускай нам с тобой обоим
Беда грозит за бедою,
Но дружба моя с тобою
Лишь вместе со мной умрет.

Припев

Пока я ходить умею,
Пока глядеть я умею,
Пока я дышать умею,
Я буду идти вперед.

Припев

Не думай, что все пропели,
Что бури все отгремели,-
Готовься к великой цели,
А слава тебя найдет.

Припев:

И снег, и ветер,
И звезд ночной полет…
Меня мое сердце
В тревожную даль зовет.

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

СКАКУНОМ ПРОЛЕТЕТЬ!.. /Вместо предисловия/ 3

ЧАСТЬ I

В ЕДИНОЙ УПРЯЖКЕ 4

Евтихий Андреев. От первого лица 5

Василий Чубуков. В колхозе давно была рыночная экономика 5

Нина Курбатова, Нина Тихонова. Приезжал на ферму каждый день 8

Еннафа Ильина. И стала я колхозным агрономом 10

Владимир Толстов. Ни слова не напомнил о вчерашнем 15

Клеопатра Смирнова. Ура, тётя Клена пришла! 18

Михаил Гаврилов. Новый директор школы 22

Николай Аршуткин. Земляки не забудут 28

Штрихи к портрету 32

ЧАСТЬ II

РУКУ ДРУЖБЫ ПОДАЛ ИМ 40

Евтихий Андреев. От первого лица 41

Василий Павлов. И мы тоже теперь не в хвосте 42

Сергей Афанасьев. Мой учитель 48

Николай Васильев. Как мы тайком озимую рожь сеяли 50

Кронид Сретинский. Жил, опережая время 54

Евлалия Васильева. Их связывала настоящая мужская дружба58

Вячеслав Александров. Похвалил меня за смекалистость 61

Аркадий Айдак. И убедил сомневающихся 71

ЧАСТЬ III

В МАСШТАБАХ РАЙОНА, РЕСПУБЛИКИ, СТРАНЫ 76

Евтихий Андреев. От первого лица 77

Илья Прокопьев. Неординарный талант 78
Клара Груздева. Добрый след 86
Зинаида Сютрукова. Наш Чапаев 91
Петр Журавлев. Не испортили его ни слова, ни почести 94
Юрий Молотов. Бережно относился к земле 104
Леонид Софронов. Всегда можно было найти общий язык 110
Валериан Краснов. Лично ответственный 116
Штрихи к портрету 121
Александр Кушков. Какой он был замечательный мужик! 127

ЧАСТЬ IV

НА ЖУРНАЛИСТСКИХ ТРОПАХ 137
Наталья Четунова. «Арифметика» гражданственности 138
Штрихи к портрету 154
Иван Михайлов. Слагаемые успеха 160
Андрей Михайлов. Обед в редакции «районки» 165
Елена Лосева. Человек от земли, самородок 171
Владислав Аникеев. Якобинец из Моргауш 176
Павел Крысин. Два председателя 189
Валентина Иванова. Первая встреча 195

ЧАСТЬ V

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ — НАЧАЛО НАЧАЛ 201
Евтихий Андреев. От первого лица 202
Валентина Кузнецова. Мы его звали Евтихи-кукка 206
Николай Ефимов. Он стал мне и отцом, и дедушкой 210
Олег и Вадим Оньковы. Для нас он всегда живой 214
Валентина Андреева. Глазами дочери 218

ЖИЛА БЫ СТРАНА РОДНАЯ /ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ/ 230

СОДЕРЖАНИЕ 231

ОБГОНЯЯ ВРЕМЯ

ЕВТИХИЙ АНДРЕЕВ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

К 90-летию со дня рождения

Составитель и редактор - Иванова В. А.

Подписано в печать 23.04.2002. Бумага офсетная. Формат 70x108 1/32.
Гарнитура Таймс. Тираж 1000 экз. Заказ № 830. Цена свободная.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в РГУП «Чебоксарская типография № 1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.

Когда еще не так давно в Чувашии говорили «Евтихий Андреевич», фамилию называть не требовалось: любой знал, что речь идет об Е. А. Андрееве, Герое Социалистического Труда, известном всей России председателе колхоза - миллионера.

30 лет, до последнего своего дня, возглавлял он хозяйство, ставшее маяком для всего Поволжья. Это была незаурядная личность. Евтихий Андреевич закончил лишь 6 классов сельской школы, но его знания, основанные на житейском опыте и вековечной крестьянской мудрости, были богаче и глубже, чем у иного кандидата наук. Его отличало неуемное трудолюбие, - таких сегодня называют «трудоголиками». Работал красиво, на совесть, и других учил тому же, был талантливым наставником молодежи.

Он всегда имел собственное мнение. И без боязни, открыто отстаивал свою точку зрения, не соблюдая «табели о рангах». До седых волос сохранил Евтихий Андреевич мальчишескую непосредственность и «драчливость», был неисчерпаем, как атом. И никогда ни в чем не принимал ложь, ханжество и несправедливость.

Он жил, обгоняя время, умел поразительно точно предвидеть будущее. Сейчас, например, везде во главу угла начали ставить рыночную экономику, а у него в колхозе она всегда была такой. Евтихий Андреевич - это настоящий сын и рачительный хозяин земли, самородок, чей опыт актуален и сегодня.